

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет»
(Новосибирский государственный университет, НГУ)

На правах рукописи

Реморова Елена Ефимовна

**ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА
ЧЕТВЕРОЕВАНГЕЛИЯ,
ВЫПОЛНЕННОГО К.П. ПОБЕДНОСЦЕВЫМ**

10.02.01 – Русский язык

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
Панин Леонид Григорьевич,
доктор филологических наук, профессор

Новосибирск, 2017

Оглавление

Введение	5
Глава 1. Евангельский перевод К.П. Победоносцева в историческом и культурно-языковом контексте эпохи	15
1.1. Основные этапы истории перевода Библии (Нового Завета) на русский язык и переводческая концепция Победоносцева	15
1.1.1. Перевод Российского Библейского Общества (перевод РБО)	16
1.1.2. Некоторые частные переводы Нового Завета 30–50-х годов XIX века	18
1.1.3. Синодальный перевод (СП)	20
1.1.4. Переводы (комментированные разборы) Нового Завета к. XIX – н. XX вв, возникшие под влиянием или вследствие Синодального	22
1.1.5. Перевод К.П. Победоносцева	25
1.2. Языковые особенности эпохи и феномен перевода К.П. Победоносцева	28
1.2.1. Стилистическая система русского литературного языка и место в ней перевода К.П. Победоносцева	29
1.2.1.1. Общая характеристика стилистической системы русского литературного языка второй половины XIX века	29
1.2.1.2. Церковный стиль как особый функциональный стиль русского литературного языка, его особенности и разновидности	32
1.2.2. Особенности словарного состава русского литературного языка XIX – н. XX вв. и феномен перевода К.П. Победоносцева	45
1.2.2.1. Общая характеристика основных направлений развития лексики русского литературного языка послепушкинской эпохи	45
1.2.2.2. Вопрос об эволюции функции славянизмов в русском литературном языке второй половины XIX века	46
1.2.2.3. Роль перевода Победоносцева в лексической системе русского литературного языка	50
1.2.3. Место церковнославянского языка в России конца XIX – начала XX века и вопрос о востребованности перевода Победоносцева	51
1.2.3.1. Вопрос о владении церковнославянским языком в России конца XIX – начала XX века	51

1.2.3.2. Перевод Победоносцева и вопрос о целевой аудитории	54
1.2.3.3. Место перевода Победоносцева в типологии библейских переводов	55
1.2.3.4. Перевод Победоносцева в отзывах современников	56
Выводы к главе 1	59
Глава 2. Языковые особенности евангельского перевода К.П. Победоносцева	60
2.1. Евангельский перевод К.П. Победоносцева: особенности словарного состава	60
2.1.1. Слова, сохраненные Победоносцевым из церковнославянского текста	60
2.1.2. Отход от церковнославянского текста и причины данного явления	77
2.1.3. Некоторые особенности употребления местоименно-служебных слов	83
2.1.4. Слова, созданные на основе церковнославянских	86
2.2. Евангельский перевод К.П. Победоносцева: фонетические и морфологические особенности	87
2.2.1. Фонетические особенности перевода	87
2.2.2. Морфологические особенности перевода	89
2.2.2.1. Морфологические особенности в сфере имени	89
2.2.2.2. Морфологические особенности в сфере глагола	91
2.2.2.3. Морфологические особенности в сфере причастий	92
2.3. Евангельский перевод К.П. Победоносцева: особенности синтаксиса	93
2.4. Лексические и морфологические заимствования из церковнославянского текста: семантическая функция	99
2.4.1. Некоторые смысловые лексические различия СП и ПКП	100
2.4.2. Некоторые смысловые морфологические различия СП и ПКП	101
Выводы к главе 2	102
Глава 3. Евангельский перевод К.П. Победоносцева: истоки и источники	104
3.1. Особенности мировоззрения К.П. Победоносцева и его литературная деятельность	104
3.1.1. Биография К.П. Победоносцева: к истокам творчества	104
3.1.2. Стилистическая манера (слог) К.П. Победоносцева как литературного деятеля и место перевода Нового Завета в его личной и творческой биографии ..	106
3.2. Основные источники евангельского перевода К.П. Победоносцева	113
3.2.1. Перевод К.П. Победоносцева и перевод В.А. Жуковского	114

3.2.2. Перевод К.П. Победоносцева и «Замечания на славяно-русский текст Четвероевангелия» Н.Н. Глубоковского.....	121
Выводы к главе 3	123
Заключение	124
Список сокращений	127
Основные источники	128
Дополнительные источники и словари.....	128
Список литературы	130
Приложение I.....	144
Приложение II	147
Приложение III.....	148

Введение

Актуальность исследования обусловлена несколькими причинами. В постсоветское время наблюдается широкий интерес исследователей к изучению библейских книг не только в богословском и историческом ключе, но и в филологическом, текстологическом, историко-культурном аспектах. Появляются работы, посвященные изучению языковых особенностей библейских книг [Верещагин 2012], [Десницкий 2007], [Осипова 2014], вопросу о роли текстов Священного писания в развитии духовной культуры и литературных языков славянских и европейских народов [Голубева 2016], [Камчатнов 1996], [Осипова 2016], [Переводы Библии 2002], [Ромодановская 2003], [Тарасов 2011], а также проблемам библейского перевода [Баталден 2001], [Десницкий 2015], [Ковшов 2013], [Колесов 1995], [Осипова, Хухуни 2014]. В последние десятилетия отечественными исследователями все больше осознается важность изучения источников, связанных с историей русского перевода Библии [Осипова, Хухуни 2013]; появляются фундаментальные исследования языка перевода РБО [Алексеев 2002а], Синодального перевода [Реморов 2003], [Соколюк 2009], [Соколюк 2010]. В последние годы опубликованы (переизданы) и введены в научный оборот ранее не известные источники: издан перевод Нового Завета, выполненный В.А. Жуковским [Жуковский 2008], проведено исследование и научное описание рукописи, содержащей перевод ветхозаветных книг Михаилом Фотинским [Андерс 2016], осуществлено описание и языковой анализ рукописей, содержащих перевод Нового Завета еп. Никодимом (Казанцевым) [Антипов, Реморов 2009], представлены история и содержательная сторона рукописи «Замечания на славяно-русский текст Четвероевангелия» Н.Н. Глубоковского [Савич 2012], переиздан текст Нового Завета в переводе К.П. Победоносцева [Победоносцев 1906; репринт 2000]. Указанные источники имеют значение не только как вехи в истории создания русского библейского перевода, но и как факты истории русского литературного языка: каждый перевод отражает языковые черты эпохи, особенности восприятия обществом тех или иных лингвистических единиц. Кроме того, к настоящему времени не существует специальных исследований, посвященных изучению языковых особенностей перевода К.П. Победоносцева, несмотря на то, что данный текст, будучи вписан в историю русского литературного языка конца XIX – начала XX века, позволяет по-другому

расставить акценты в описании данного языкового периода и составить о нем более полное и объективное представление.

За советский период выработалось негативное отношение к К.П. Победоносцеву как олицетворению идей консерватизма и противнику революции, которое распространилось и на многие его труды [МСЭ, т. VI, с. 618], [СИЭ, т. 11, с. 227], [Мухаев 2000, с. 157]. В настоящее время наблюдается тенденция к пересмотру такой позиции, и сделаны попытки более объективно изучить наследие К.П. Победоносцева [Асмус 1995, с. IV], [Глинский 2004], [Мат-лы конференции 2007], [Мат-лы коллоквиума 2010], [Полунов 2010], [Прокопов 2001], [Тальберг 2000], [Pro et contra 1996], в связи с чем изучение переводческой концепции К.П. Победоносцева и языковых особенностей его новозаветного перевода представляется важным и актуальным.

Степень разработанности темы исследования.

В настоящем исследовании перевод Победоносцева рассматривается, с одной стороны, в контексте истории создания русской Библии, а с другой – как факт истории русского литературного языка.

Вопросу истории переводов Библии в России посвящено несколько обстоятельных трудов. Прежде всего, это книга профессора Санкт-Петербургской духовной Академии И.А. Чистовича [Чистович 1899], которая представляет собой полное и подробное изложение истории русской Библии от перевода Российского библейского общества (1821) до Синодального перевода. Истории переводов Библии в России посвящен также труд профессора М.И. Рижского [Рижский 1978], в котором рассматриваются основные славянские и русские библейские переводы. Однако среди переводов на русский язык, относящихся к XIX веку, автор рассматривает перевод РБО, Синодальный перевод и затем только Библию 1856 года.

Наиболее полное описание основных русских переводов Библии, в котором впервые отведено место переводу Победоносцева, представлено в обзорной статье А.А. Алексеева [Алексеев 2002]. Данная статья содержит основные фактические сведения не только о тех переводах, которые официально осуществлялись Русской православной церковью в XIX веке, но и о частных трудах: автор упоминает переводы В.А. Жуковского (1895), А.С. Хомякова (1867), А.А. Некрасова (1888), Н.Н. Глубоковского (1892-1896), К.П. Победоносцева (1906).

В новом аспекте представлена постсинодальная история русского перевода Библии в статье И.А. Реморова, посвященной вопросу о пересмотре Синодального перевода [Реморов 2016]. Автор говорит об официальном проекте по усовершенствованию существующего русского (Синодального) перевода библейских книг, организованном К.П. Победоносцевым, и «Новый Завет» в переводе самого обер-прокурора вписывает в рамки данного проекта как его своеобразный итог.

Вопросам истории русского литературного языка конца XIX – начала XX века посвящено несколько специальных исследований. В работе Ю.С. Сорокина [Сорокин 1965] подробно рассматриваются процессы, происходившие в лексической системе русского литературного языка 1830 – 1890-х годов. В монографии Л.М. Грановской [Грановская 2005] рассмотрена стилистическая система русского литературного языка послепушкинской эпохи. Труды Г.О. Винокура посвящены анализу языковых особенностей творчества отдельных писателей [Винокур 2010]. Характеристика основных процессов, происходивших в русском литературном языке второй половины XIX века и имевших существенное влияние на современный русский язык, представлены в исследованиях Ю.А. Бельчикова [Бельчиков 1974], [Бельчиков, 2013].

Тем не менее, по утверждению ученых, особенности языка указанного периода исследованы в меньшей степени, чем язык допушкинской и пушкинской эпохи [Грановская 2005, с. 9]. Данное мнение подтверждается, в том числе и тем фактом, что ни в одном из указанных исследований не отведено место изучению особенностей языка произведений духовной книжности, которые в большом количестве создавались на протяжении второй половины XIX века. В указанных трудах дается характеристика лишь основной линии развития русского литературного языка, связанной с социально-политическими изменениями в России. В последние годы появилось несколько исследований, посвященных проблеме изучения языковых особенностей произведений, относящихся к духовной книжности XIX века. Например, в диссертации С.Н. Ипатовой данные особенности выявлены и прокомментированы на материале творчества свт. Игнатия (Брянчанинова) [Ипатова 2004]; в статье И.А. Реморова автором предлагается употреблять термин «церковный стиль» применительно к языку духовных произведений XIX века (Синодального перевода Библии, проповедей, святоотеческих творений) [Реморов 2016, с. 138 – 139].

Исследование языка перевода Победоносцева и выявление круга подобных ему по стилистической концепции произведений, предпринятое в настоящей диссертации, позволит более объективно, подробно и всесторонне представить языковые особенности исследуемой эпохи.

Как было указано выше, до сих пор нет фундаментальных исследований, посвященных всестороннему изучению языка перевода Нового Завета, выполненного К.П. Победоносцевым. Не считая кратких характеристик указанного труда, которые представлены в упомянутой уже статье Алексеева и в некоторых других обзорных трудах [Логачев 1975], [Рашковский 1995], [Десницкий 2015], существует только одно специальное исследование, посвященное переводу Победоносцева, представляющее собой предисловие к переизданию перевода (автор не указан) [Предисловие НЗ КП 2000]. Однако и этот труд является обзорным, так как имеет целью представить читателю издаваемый источник. В указанном предисловии кратко описана фактическая информация о переводе, обобщенно говорится об основном переводческом принципе автора, затрагивается вопрос об источниках текста. В заключении анонимный автор делает вывод о том, что «опыт» Победоносцева «показал бессмысленность сопряжения в переводе русского языка со славянским, то есть попыток создания русифицированной формы славянского языка» [Предисловие НЗ КП 2000, с. 24]. На наш взгляд, данное мнение не может считаться научным и вызвано недостаточным изучением особенностей переводческого подхода Победоносцева и языковых особенностей эпохи, в которую был создан исследуемый текст.

Объектом диссертационного исследования является язык русских переводов Нового Завета (от перевода Российского Библейского общества (1821) до перевода К.П. Победоносцева).

Предметом исследования являются лингвостилистические особенности перевода Четвероевангелия, выполненного К.П. Победоносцевым.

Материалом исследования является русский текст Четвероевангелия в переводе К.П. Победоносцева, который представляет собой часть труда «Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа в новом русском переводе К.П. Победоносцева. Опыт к усовершенствованию перевода на русский язык священных книг Нового Завета» (опубл. в 1906) [Победоносцев 1906; репринт 2000]. Поскольку при работе над созданием перевода основными источниками для Победоносцева были Синодальный перевод и

церковнославянский богослужебный текст, в исследовании проведен сопоставительный анализ указанных трудов (Синодальный перевод в дореволюционной версии [Новый Завет 1892] и церковнославянский богослужебный текст [Новый Завет 1998, репринт]) и перевода Победоносцева с целью выявить основные языковые особенности последнего. В качестве исходного материала было взято 10 глав (443 стиха) из Четвероевангелия (Мф 3, 5, 25, 27; Мк 3, 16; Лк 5, 12; Ин 6, 10). Данные отрывки являются репрезентативными, так как в них содержатся тексты различных жанров (притчи, повествование, заповеди, молитвы); кроме того, указанные контексты отличаются степенью употребительности (заповеди блаженства, например, звучат на каждой литургии, а отрывки из Мк 3 являются рядовым чтением). На основе указанного материала было выявлено 1080 изменений (из них 465 лексических, 132 фонетических и морфологических, 385 синтаксических), внесенных Победоносцевым в текст СП, и были сформулированы основные тенденции, которыми руководствовался автор при создании своего труда. Далее выявленные тенденции были подтверждены, уточнены и подробно раскрыты на материале всего текста исследуемого перевода.

Помимо этого, в исследовании используются следующие дополнительные материалы:

- «Замечания на славяно-русский текст Четвероевангелия», выполненные Н.Н. Глубоковским [ОР РНБ Ф. 194, оп.1, ед. хр. 55 – 59];
- «Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Перевод В.А. Жуковского» [Жуковский 2008].

В рамках данного исследования указанные труды важны прежде всего как источники рассматриваемого перевода: достоверно известно, что К.П. Победоносцев использовал их при работе над созданием собственного текста.

В целях воссоздания языковых особенностей эпохи и определения места перевода Победоносцева в истории русского литературного языка в исследовании были привлечены следующие дополнительные лексикографические материалы:

- Словарь языка Пушкина в IV т. [Словарь Пушкина, 1956–1961]
- Толковый словарь русского языка в 4 т. [Ушаков, 1935 – 1940] (далее СУ)
- Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением императорской академии наук. [Словарь, 1847].

Кроме того, в работе широко используются материалы Национального корпуса русского языка [Ruscorpora.ru].

Для выявления особенностей стиля Победоносцева как литературного деятеля и для определения истоков его переводческой позиции и места в творческой биографии евангельского перевода в исследовании в качестве дополнительного материала использовались также следующие произведения К.П. Победоносцева:

- «Праздники Господни» [Победоносцев 2004, с. 46 – 158];
- Письма к Александру III [там же, с. 284 – 385];
- Письма к сестрам Тютчевым [Майорова 1994];
- Перевод трактата Фомы Кемпийского «О подражании Христу» [Победоносцев 1869];
- Перевод проповеди английского богослова А. Стенли [Стенли, 1874];
- «Московский сборник» [Победоносцев 2004, с.386 – 765].

Кроме того, в исследовании использовались различные произведения, относящиеся к духовной литературе рассматриваемого периода:

- Труды свт. Игнатия (Брянчанинова) [Игнатий 1991]
- Проповеди и письма свт. Филарета (Дроздова) [Филарет 1994а]
- Труды свт. Феофана Затворника [Феофан (Затворник) 2017].

Цель исследования – выявить лингвостилистические особенности евангельского перевода К.П. Победоносцева, определить его место в культурно-языковом контексте эпохи.

В связи с поставленной целью, в исследовании решаются следующие **задачи**:

1) изучить и описать основные этапы истории создания русской Библии (Нового Завета) и определить место в ней перевода Победоносцева и его переводческой концепции;

2) выявить основные лексические, морфологические, фонетические, синтаксические особенности исследуемого перевода через сопоставление его с Синодальным текстом;

3) соотнести выявленные особенности перевода с языковой ситуацией в России конца XIX – начала XX века и определить место перевода Победоносцева в стилистической и лексической системах русского литературного языка;

4) обзорно представить основные смысловые отличия исследуемого текста от Синодального перевода.

5) вписать исследуемый перевод в творческую биографию автора;

6) описать основные источники исследуемого перевода и решить вопрос об объеме их использования;

7) изучить отзывы современников К.П. Победоносцева о его переводе в связи с вопросом о востребованности данного труда в Российском обществе конца XIX – начала XX века.

Структура исследования. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и приложений. В **первой главе** евангельский перевод Победоносцева рассмотрен в связи с историей русских переводов Нового Завета, а также в контексте языковой ситуации в России конца XIX – начала XX века. **Вторая глава** содержит описание основных языковых особенностей перевода, распределенных по языковым уровням (фонетика, морфология, лексика, синтаксис). Кроме того, в ней содержится обзорная информация о некоторых смысловых расхождениях текста Победоносцева с Синодальным переводом. В **третьей главе** исследуемый перевод рассматривается в контексте творчества Победоносцева как литературного деятеля и содержит информацию об основных источниках перевода и об объеме их использования автором.

Методы, которые используются в диссертации, сводятся к следующим.

- *Описательный метод.* В работе широко используется описание языковых фактов, переводческих принципов, стилистических особенностей исследуемого перевода. Кроме того, представлено описание культурно-языковых особенностей исследуемой эпохи.

- *Сопоставительный метод* применяется при сравнительном анализе перевода Победоносцева с основными источниками, которые были использованы автором.

- *Метод сплошной выборки* используется при сборе языкового материала: все выявленные с помощью сопоставительного метода особенности исследуемого труда подтверждаются, уточняются и дополняются примерами, встречающимися по всему тексту перевода.

- *Метод компонентного анализа* применяется при описании изменения структуры лексического значения того или иного слова в русском языке XIX века по отношению к

тому значению, которое оно имело в церковнославянском тексте (актуально для семантических архаизмов); кроме того, данный метод применяется при сопоставлении современного значения того или иного слова с его значением в языке эпохи Победоносцева.

- *Метод стилистического анализа* применяется при рассмотрении языковых особенностей текстов, принадлежащих к тому или иному стилю (подстилю) русского литературного языка.

- *Количественный метод* используется при оценке частоты употребления того или иного языкового элемента в исследуемом переводе и, для сравнения, в Синодальном тексте.

- *Типологический метод (метод обобщения)* используется при формулировке выводов и закономерностей, основанных на анализе конкретного языкового материала.

Научная новизна диссертации обусловлена несколькими причинами. Как было отмечено выше, до настоящего времени нет фундаментальных трудов, посвященных филологическому анализу исследуемого перевода. Кроме того, рассматриваемый источник изучается в рамках широкого контекста: привлечены различные материалы, отражающие особенности языка конца XIX – начала XX века и сделана попытка вписать исследуемый текст в культурно-языковую ситуацию эпохи.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что, в связи с выявлением и описанием лингвистических особенностей и переводческой концепции исследуемого источника, был определен целый пласт произведений, в которых аналогичным образом наряду с русскими языковыми элементами в большом количестве употребляются славянизмы в их традиционной стилеобразующей функции. Данный материал позволяет по-новому посмотреть на развитие русского литературного языка конца XIX – начала XX века и составить более полную картину о языковой ситуации эпохи.

Практическая значимость работы заключается в том, что результаты исследования, связанные с анализом языкового материала, могут найти применение в соответствующих курсах, посвященных исторической лексикологии и стилистике русского литературного языка. Кроме того, выделенные автором характерные для произведений церковного стиля XIX века языковые черты, могут быть применимы и при

анализе текстов, созданных в конце XX – начале XXI века в рамках православно-богослужебной традиции.

Положения, выносимые на защиту.

1. Основной языковой особенностью Четвероевангелия на русском языке в переводе К.П. Победоносцева является широкое использование лексических и грамматических славянизмов, что связано с целевой аудиторией автора и его базовым переводческим принципом: максимально сохранить в переводе особенности церковнославянского богослужебного текста. Труд Победоносцева следует рассматривать как пример литургического типа библейских переводов.

2. Вопреки распространённому мнению, переводческие решения К.П. Победоносцева не находятся в противоречии с языковой системой конца XIX – начала XX века: большинство сохранённых им из церковнославянского текста лексических и морфологических единиц зафиксированы в лексикографических источниках и текстах, отражающих особенности языка исследуемого периода.

3. Перевод Победоносцева не является изолированным текстом, находящимся на языковой периферии, но, напротив, вписывается в круг произведений духовной книжности, образующих особый церковный стиль в рамках русского литературного языка. Исследуемый перевод следует отнести к церковно-литургической разновидности данного стиля.

4. Помимо Синодального перевода и церковнославянского богослужебного текста, которые легли в основу исследуемого труда, Победоносцев учитывал «Замечания» Н.Н. Глубоковского и перевод В.А. Жуковского, однако использовал их достаточно фрагментарно.

Достоверность результатов исследования определяется, прежде всего, тем, что все выводы, представленные в работе, делаются с опорой на репрезентативную эмпирическую базу. Каждое утверждение основано на языковом материале, взятом из того или иного источника (текст исследуемого перевода, лексикографические материалы, тексты Национального корпуса, другие произведения, принадлежащие К.П. Победоносцеву и его современникам и отражающие языковые особенности эпохи). Количественная оценка использования в текстах перевода Победоносцева и Синодального перевода тех или иных лексических и морфологических единиц также

является достоверной, так как при подсчете были использованы компьютерные программы «Цитата из Библии» и поисковые ресурсы Microsoft Word.

Кроме того, в исследовании используется обширный теоретический материал и общепризнанные, подробно разработанные научные методы.

Апробация работы. Ход и результаты исследования были представлены на заседаниях кафедры древних языков Новосибирского национального научно-исследовательского университета (2016 – 2017 г.); основные положения диссертации опубликованы в трех изданиях, рецензируемых ВАК РФ: в «Сибирском филологическом журнале» [Реморова 2009], в «Вестнике Новосибирского государственного университета» [Реморова 2016] и в «Вестнике Волгоградского государственного университета» [Реморова 2017]. Кроме того, автор принял участие в XLV международной научной конференции «Студент и научно-технологический прогресс» (Новосибирский государственный университет, 2007), в IV Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной памяти М.И. Рижского (Новосибирский государственный университет, май 2009) и в Международной научно-практической конференции «Новые информационные технологии в науке», проходившей в г. Уфе в ноябре 2015 с последующей публикацией статей в сборниках по материалам данных конференций [Реморова 2007], [Реморова 2009а], [Реморова 2015].

Глава 1. Евангельский перевод К.П. Победоносцева в историческом и культурно-языковом контексте эпохи

Первая глава состоит из двух параграфов, которые имеют целью определить место исследуемого перевода в исторической и культурно-языковой ситуации эпохи. Первый параграф посвящен рассмотрению основных этапов перевода Библии (Нового Завета) на русский язык, и в его задачи входит: а) обобщенно охарактеризовать теоретические принципы и языковые особенности основных известных переводов Нового Завета, возникших на протяжении XIX века; б) представить теоретическую концепцию перевода Победоносцева и вписать исследуемый перевод в историю создания русской Библии.

Во втором параграфе рассмотрены основные особенности развития русского литературного языка конца XIX – начала XX века, а также разобран вопрос о месте в русской языковой ситуации церковнославянского языка. В данном параграфе решаются следующие задачи: а) определение места перевода Победоносцева в стилистической системе русского литературного языка; б) определение роли исследуемого перевода в связи с процессом изменения в области словарного состава русского литературного языка; в) рассмотрение вопроса о востребованности исследуемого перевода в русской языковой действительности эпохи Победоносцева.

1.1. Основные этапы истории перевода Библии (Нового Завета) на русский язык и переводческая концепция Победоносцева

Перевод Нового Завета, выполненный К.П. Победоносцевым, был опубликован в Санкт-Петербурге в 1906 году и явился заключительным этапом почти столетней истории создания Библии на русском языке. Чтобы определить место перевода и переводческой концепции К.П. Победоносцева в истории создания русской Библии охарактеризуем последовательно ее основные моменты.

1.1.1. Перевод Российского Библейского Общества (перевод РБО)

- История создания перевода

Официальная работа Русской Православной Церкви над переводом Библии была начата в первой четверти XIX века, в связи с появлением в России в 1813 году Российского Библейского общества (РБО). Подобные организации были созданы во многих странах с целью издания библейских текстов на разных языках.

Работа РБО началась с переиздания церковнославянского текста Нового Завета, который был в то время основным для русских людей. В скором времени был поднят вопрос о создании перевода на живой русский язык [Алексеев 2013, с. 3].

В 1815 году император Александр I повелел обер-прокурору Св. Синода кн. Александру Николаевичу Голицыну (который был и президентом РБО) предложить «Св. Синоду искреннее и точное желание Его Величества доставить и россиянам способ читать Слово Божие на природном своем российском языке, яко вразумительнейшем для них славянского наречия, на коем книги Священного Писания у нас издаются» [Чистович 1997, с. 25]. 28 февраля 1816 года воля императора была изложена Синоду. Предполагалось издавать священные книги на русском и церковнославянском языках, чтобы церковное употребление славянского текста осталось неприкосновенным [Чистович 1997, с. 25–26]. Синод одобрил идею перевода Библии на русский язык, поручив организацию работы Комиссии духовных училищ. По мнению Синода, окончательная редакция текста должна была осуществляться РБО. 16 марта 1816 г. на заседании Комиссии руководство переводом было поручено одному из ее членов, ректору Петербургской Духовной Академии архимандриту Филарету (Дроздову). Тогда же были приняты 19 правил для перевода [Чистович 1997, с. 26–27], которые были составлены ранее как раз архимандритом Филаретом [Предисловие НЗ РБО 2000, с. 10]. Правила касались как (а) организационной, так и (б) лингвистической стороны перевода.

- Организация работы над переводом

(а) Согласно правилам, процесс создания текста перевода должен был содержать несколько этапов. Сначала над текстом работал один переводчик, затем созданный им текст обсуждался в кругу других переводчиков (правило 3). Наконец, перевод рассматривался переводным комитетом при РБО (правило 4).

- Лингвистическая концепция перевода

(б) Что касается лингвистической стороны, в правилах требовалось по возможности использовать при переводе пословный принцип и сохранять употребленный в церковнославянском тексте порядок слов, изменяя его только там, где это будет способствовать ясности текста и соблюдать (правила 7, 8); кроме того, славянские выражения предписывалось употреблять обязательно, если «недостает соответствующих русских» (правило 13), если они ближе передают греческий оригинал (правило 14) и если соответствующее русское слово не соответствует книжному стилю языка (правило 15). В остальных же случаях «не должно слишком привязываться к славенским словам и выражениям» (правило 12). В 19-ом правиле обобщаются все предыдущие, касающиеся языковой концепции перевода: «Главные качества перевода соблюсти должно следующие и в следующем порядке: во-первых – точность; во-вторых – ясность; в-третьих – чистоту» [Чистович 1997, с. 27 – 28].

Подробное исследование, посвященное анализу языковых особенностей перевода РБО, содержится в книге А.А. Алексеева, посвященной истории русского литературного языка XVIII – н. XIX века [Алексеев 2013, с. 363-392].

- Итогом работы стало изданное в 1819 году Четвероевангелие, а затем в 1821 году и полный текст Нового Завета.

- Poleмика вокруг перевода

Естественно, что нашлись и противники перевода Библии на русский язык, наиболее известным и влиятельным из которых стал А.С. Шишков, отвергавший саму идею перевода Библии на русский язык. Такая позиция обуславливалась теоретическими воззрениями Шишкова на природу русского литературного языка. Он считал, что весь русский литературный язык является «разговорным», «простонародным наречием», и противопоставлял ему язык «славенский», который является высоким, книжным языком [Шишков 2001, с. 235]. По утверждению прот. Г. Флоровского, библейский перевод казался Шишкову ««Перекладкою» слова Божия с наречия высокого на низкий стиль, на язык театра и страстей» и являлся для него «умышленным умалением достоинства священной книги [Флоровский 1991, с. 162]. Очевидно, что концепция Шишкова является умозрительной, теоретической: на один полюс он ставил «высокий» церковнославянский язык, а на другой – «профанный» русский

литературный, не учитывая при этом уже имевшейся в рамках русского литературного языка стилистической дифференциации (язык духовной книжности и язык светской литературы выделялись в рамках всё того же русского литературного языка) [Живов 1996].

Создатели первого общецерковного перевода Библии на русский язык, прежде всего архимандрит Филарет (Дроздов), смотрели на языковую ситуацию более трезво и видели компромиссное решение проблемы в использовании особого стиля русского литературного языка, сочетавшего в себе и понятность («ясность»), и сакральность («чистоту»).

- Прекращение деятельности РБО

Тем не менее в 1824–1826 дальнейшая работа над переводом была прекращена в связи с окончанием деятельности РБО. Произошло это с основным в результате усилий А.С. Шишкова, к тому времени ставшего министром народного просвещения [см. Чистович 1997, с. 253–258]. С закрытием РБО официальная деятельность Православной Церкви над переводом Библии была прекращена более чем на тридцать лет.

1.1.2. Некоторые частные переводы Нового Завета 30–50-х годов XIX века

Несмотря на приостановление официальной работы Церкви над созданием русского перевода Библии, появились некоторые частные переводы Священного Писания (в основном Нового Завета), выполненные отдельными людьми. Представим основную информацию о данных трудах.

- В 1840-х годах ректор Курской семинарии еп. Никодим (Казанцев) работал над переводом Библии на русский язык. Его перевод не был опубликован, сохранившиеся рукописи находятся в Государственном Архиве Красноярского края и составляют фонд 561 [Алексеев 2002, с. 156]. Подробное описание рукописей и анализ переводческой позиции автора представлены в статье М.А. Антипова, И.А. Реморова [Антипов, Реморов 2009].

- Наиболее известным из частных переводов середины XIX века является перевод Нового Завета, выполненный В.А. Жуковским (впервые был опубликован в Берлине в 1895 г.). Жуковский трудился над переводом в 1844–1845 гг., будучи за границей. По

утверждению А.А. Алексеева, «перевод с большой точностью следует за славянским текстом и лишен претензий на самостоятельную интерпретацию Нового Завета» [Алексеев 2002, с. 156]. По указанию К.И. Логачева¹, перевод Жуковского «по языку и стилю более славянизированный, чем перевод 1816–1821 гг.» [Логачев 1975, с. 73]. В 2008 году перевод Жуковского был переиздан [Жуковский 2008]; данное издание содержит комментарии, вступительные статьи, представляющие информацию об истории создания, основных языковых особенностях перевода [Долгушин 2008], [Айзикова 2008], [Канунова 2008]. Перевод Жуковского был предназначен не для всеобщего пользования, а для употребления в семейном кругу – автор писал его для своего сына и подарил ему перевод, когда тому исполнился один год.

К.П. Победоносцев в предисловии к своему переводу Нового Завета дает такой отзыв о работе Жуковского: «Значительного успеха можно было ожидать, – и не напрасно ожидали, – от перевода Жуковского. Он был знаток русской речи – не одного только книжного склада, понимал умом и сердцем красоту славянского языка и обладал умением чутать и находить гармонию слова. Все эти качества отразились на переводе Жуковского» [Победоносцев 1906, с. II].

Известно, что К.П. Победоносцев использовал труд Жуковского при создании своего перевода [Долгушин 2008, с. 428 – 429]. Основные сходства и отличия переводческих подходов обоих авторов представлены в разделе «Источники перевода К.П. Победоносцева» настоящего исследования (с. 117 – 124).

- В конце 1850-х годов над переводом Посланий апостола Павла трудился богослов-славянофил А.С. Хомяков. В 1860 году, уже после смерти автора, были опубликованы переводы Послания к Галатам и Ефесянам. Они выполнены с греческого оригинала, пособием служили некоторые европейские переводы и русский перевод РБО. Как утверждает А.А. Алексеев, «это была удачная попытка передать своеобразный экспрессивный синтаксис ап. Павла» [Алексеев 2002, с. 156].

Появление подобных трудов свидетельствовало об актуальности для российского общества вопроса о необходимости русского перевода Библии, и в 1858 году была возобновлена официальная работа Церкви по его созданию.

¹ Логачёв К.И. (сконч. 1998) – российский библеист советской эпохи, в 1970–1990-х гг. преподаватель СПбДА.

1.1.3. Синодальный перевод (СП)

- Возобновление работы над переводом

В 1856 году, после восшествия на престол Александра II, в Святейшем Синоде было решено возобновить работу над переводом Нового Завета, а затем постепенно начать переводить и другие части Библии [Чистович 1997, с. 265]. Одним из основных аргументов инициаторов перевода было осознание того факта, что «язык славянского перевода Библии, общевразумительный и общеупотребительный в свое время, не таков уже в настоящее время по своей древности» [Там же, с. 264].

Было решено «перевод Нового завета на русское наречие, как первый в сем роде опыт <...> тщательно пересмотреть, при чем принять за правило, чтобы он был всевозможно точен, и чтобы слова и выражения вразумительные не были без нужды заменяемы простонародными» [Там же, с. 265]. Итак, изначально при решении о пересмотре перевода РБО в концепцию будущего перевода был заложен принцип адекватности передачи оригинала и тщательного стилистического отбора языковых средств.

- Poleмика вокруг перевода

Непосредственная работа над созданием перевода была начата в 1858 году, и за это время были высказаны различные взгляды по поводу предпринимаемого общецерковного дела. Наиболее активным противником возобновления перевода был митрополит Киевский Филарет (Амфитеатров). 1 января 1857 года он послал письмо к обер-прокурору Синода А.П. Толстому, в котором решительно возражал против перевода священных книг на русский язык. «Ваше сиятельство, изволите усмотреть, из какого мутного или ядоносного источника явилась на святой русской земле мысль о переводе сем, блаженным предкам нашим чуждая. Поручаю вашему благоразумию и усердию к святой православной Церкви и Отечеству употребить сии сведения к сохранению неприкосновенности родного нам славянского текста Священного Писания, который я в глубине души моей почитаю отечественною святынею нашею <...> Не могу <...> согласиться на восстановление перевода вновь, которого последствия вероятно будут еще прискорбнее для матери нашей православной Церкви и Отечества...» [Там же, с. 285].

Это письмо было показано обер-прокурором Синода императору, который повелел рассмотреть мнение митрополита Киевского в Св. Синоде, предварительно сообщив о нем митрополиту Московскому. Митр. Московский Филарет дает подробнейший ответ на каждое возражение, содержащееся в указанном письме. Прежде всего, митр. Филарет говорит о том, что русский язык содержит в себе все богатство славянского языка и утверждает, что перевод Библии существует и на языках, менее богатых, чем русский. Митрополит Филарет признает, что русский язык не обладает «краткостью и важностью» славянского языка, но, поскольку «для перевода всего нужнее ясность», считает, что русский язык вполне пригоден для столь необходимого перевода св. Писания [Чистович, с. 287 – 289].

Все остальные, по большей части анонимные, трактаты, записки, заметки, содержащие возражения по поводу перевода Библии, не добавили ничего нового в суть дискуссии, так как всё, что в них было существенного, уже было высказано Филаретом, митрополитом Киевским, и опровергнуто Филаретом, митрополитом Московским.

Итак, 19 мая 1858 г. Синодом было решено приступить к переводу и начать с книг Нового Завета.

- Формирование текста

Процесс создания перевода, как и в первом случае, содержал несколько этапов. Во-первых, всем четырем духовным академиям было предписано «избрать из служащих при них надежных для сего дела лиц» [Чистович 1997, с. 314]. Затем получившийся перевод шел на рассмотрение в переводной комитет академии, состоящий из «нескольких опытных в сем деле лиц» [Там же]. После этого текст рассматривался в Синоде, где был специально выделен один день исключительно для перевода Библии. Наконец, текст отправлялся в Москву к митрополиту Филарету, который осуществлял редакторскую правку, и затем снова обсуждался в Синоде для принятия окончательного варианта.

- Лингвистическая концепция Синодального перевода

Как видно, ведущая роль в формировании языка Синодального перевода принадлежала Филарету, митр. Московскому. Именно он является автором его языковой концепции. По сути, митр. Филарет оставляет основной принцип и базовые установки перевода РБО, которые были сформулированы тридцатью годами ранее при его

активном участии: это прежде всего идея сочетания в одном тексте таких требований к библейскому языку, как **священность** («точность» и «чистота») и **понятность** («ясность») [Реморов 2003а, с. 44]. Применительно к языку Синодального перевода, в ходе работы митр. Филарета над созданием русского текста, существующая стилистическая концепция была более тщательно и подробно проработана. В частности, в СП был реализован принцип **стилистической дифференциации контекстов** [Реморов 2003, с. 23-24], заключающийся в использовании специализированных языковых средств в зависимости от содержания и атрибуции текста и являющийся одной из основных особенностей языка Синодального перевода» [там же]. Кроме того, был более подробно рассмотрен вопрос об использовании церковнославянских и русских элементов в языке перевода: «русское начало выступает как норма, церковнославянское – как традиция. С одной стороны, используемые языковые средства должны быть нормативными с точки зрения русского литературного языка; с другой стороны, предпочитают такие языковые средства, которые, оставаясь в границах русской нормы, более приближены к церковнославянскому и греческому способу выражения <...>. В случае допустимости нескольких вариантов выбирается тот, который ближе к привычному, славянскому чтению» [там же].

- Итогом работы стал изданный в 1863 году текст Нового Завета, а в 1876 году был издан весь текст Библии.

1.1.4. Переводы (комментированные разборы) Нового Завета к. XIX – н. XX вв, возникшие под влиянием или вследствие Синодального

После выхода в свет Синодального перевода появилось немало трудов, созданных с целью уточнить, изменить, улучшить русский текст Библии с тех или иных позиций.

- Епископ Никодим (Казанцев), который, как упоминалось выше (с. 18), в 1840-е годы работал над собственным переводом Библии, в 1861 году, ознакомившись с пробным (впоследствии Синодальным) изданием перевода Четвероевангелия и сопоставив его с переводом РБО и своим текстом, составил подробный разбор, назвав свой труд *Сличение двух русских переводов и замечания мои* [Антипов, Реморов 2009, с. 90 – 91]. В данном сопоставительном труде еп. Никодим среди достоинств СП по сравнению с переводом РБО выделяет большее следование славянскому тексту, но тем не менее все равно говорит о «неуважении к славянским словам», которые, по его

мнению, следовало бы сохранять в большей степени [там же, с. 92]. Кроме того, автор приводит некоторые неточности при переводе тех или иных греческих слов и словоформ [там же, с. 91].

- Книга профессора Казанской Духовной академии А.А. Некрасова «Чтение греческого текста св. Евангелий» (1888) содержит разбор Синодального перевода с точки зрения следования греческому оригиналу. Автор прежде всего стремится максимально приблизить лексику и грамматику русского текста к греческому и при этом сохраняет общую стилистическую концепцию Синодального текста [Алексеев 2002, с. 157–158]. Лингвистический анализ труда А.А. Некрасова и примеры контекстов представлены в статье М.Д. Коваленко [Коваленко 2012].

- Проект К.П. Победоносцева

К.П. Победоносцев, занимавший должность обер-прокурора Святейшего Синода, также считал необходимым пересмотреть и доработать Синодальный перевод, который «по трудности этого дела, конечно, не мог быть совершенным» [Победоносцев 1906, с. II] и «как всякий первый опыт не свободен от недостатков, кои сознаваемы были и самими переводчиками» [Победоносцев 1892]. В 1892 году Победоносцев в «Прибавлениях к церковным ведомостям» опубликовал объявление *Об исправлении русского перевода книг Священного Писания* [Победоносцев 1892], в котором призывал всех присылать свои замечания и поправки к Синодальному переводу на имя обер-прокурора [Реморов 2016, с. 553]. Все поступавшие материалы регистрировались в канцелярии Синода, затем направлялись для просмотра обер-прокурору. Общее количество рукописей, поступивших в ответ на обращение Победоносцева – 83 (август 1902 – декабрь 1906) [Савич 2012, с. 11]. Кроме того, при участии Победоносцева в 1893 году были опубликованы материалы, содержащие комментированную редакторскую правку к СП митрополита Филарета (Дроздова) [Реморов 2003а], а в 1895 году в Берлине по инициативе обер-прокурора был издан перевод Нового Завета, выполненный в 1844–1845 гг. В.А. Жуковским [Долгушин 2008, с. 442].

В рамках инициированного Победоносцевым проектом появился фундаментальный труд **Н.Н. Глубоковского** *Замечания на славяно-русский текст Четвероевангелия* [Отдел рукописей РНБ, фонд 194, опись 1, №№ 53-59]. Помимо объявления в «Прибавлениях к церковным ведомостям» обер-прокурор обратился к ректору СПбДА

епископу Выборгскому Антонию (Вадковскому) с просьбой «образовать для пересмотра перевода священных книг небольшую комиссию» или поручить это «одному из лиц» [Реморов 2016, с. 553]. Ректор поручил данное задание доценту кафедры Священного Писания Нового Завета Н.Н. Глубоковскому. В результате и появились «Замечания» Глубоковского, представляющие собой фундаментальный научный труд, в котором при разборе Синодального перевода привлечен большой объем материала из еврейского, греческого текстов, из творений святых отцов. Практически каждый евангельский стих подробно разобран автором². Кроме того, Глубоковский приводит все существующие мнения ученых-современников по каждому рассматриваемому отрывку (в том числе ссылается на комментарии митр. Филарета, которые не были приняты, и на труды А.А. Некрасова). Труд Глубоковского до сих пор не опубликован, но введен в научный оборот [Сорокин 1989] и принят во внимание исследователями (история рукописи и основные принципы работы Глубоковского описаны в статье Д.Н. Савича [Савич 2012], основные теоретические принципы Глубоковского-переводчика и связанные с этим проблемы изложены в статье И.А. Реморова [Реморов 2016]). Главной особенностью труда Глубоковского можно назвать его научность («всякий перевод должен быть научным» [Глубоковский 1892, Л.1]). Данный подход реализуется в основном в следующих принципах автора: (1) необходимость критики текста³, (2) наличие справочного аппарата, (3) точность в передаче смысла оригинала [подробнее: Реморова 2009а].

Описание и изучение трудов, поступивших на имя Победоносцева в связи с его обращением, – отдельная обширная тема специального исследования⁴. Тем не менее, очевидно, что труд Н.Н. Глубоковского – самый фундаментальный из всех указанных источников. Известно, что К.П. Победоносцев использовал его при создании собственного перевода (подробнее об этом см. с. 121 настоящего исследования).

² Конечно, кандидатура Глубоковского была избрана для такого рода работы не случайно. По свидетельству известного современного библеиста архимандрита Ианнуария (Ивлиева), Н.Н. Глубоковский был «человек необычайной работоспособности», «он опубликовал около сорока крупных исследований и свыше сотни статей преимущественно по новозаветной исагогике, экзегетике, а также по библейской (греческой) филологии» [Ианнуарий 2000, с. 38].

³ По утверждению ученого библеиста Д. Юревича, подход Глубоковского противопоставлен западной отрицательной критике: «Экзегетический метод Н.Н. Глубоковского может быть охарактеризован как удивительный и убедительный синтез логических рассуждений и укорененности в православном Предании» [Юревич 2006, с. 26]

⁴ Большая часть указанных материалов хранится в РГИА, ф. 834 (Рукописи Синода), оп. 4.

1.1.5. Перевод К.П. Победоносцева

Как ни странно это звучит, но перевод К.П. Победоносцева, опубликованный в 1906 году, явился итогом развернутого самим автором мероприятия по пересмотру и доработке СП. Некоторые ученые считают проект Победоносцева неудавшимся, так как в результате получился перевод, не имеющий статус общецерковного и не заменивший собой Синодальный текст [Реморов 2016]. Тем не менее, перевод Победоносцева с его нестандартной лингвистической концепцией – важный факт в истории создания русской Библии и в истории русского литературного языка.

- Теоретическая концепция перевода Победоносцева

К.П. Победоносцев работал над созданием перевода Нового Завета с 1892 года, и, по свидетельству современников, это было главным делом последних лет его жизни [Глинский 2004, с. 5, 22]. В 1902 году отдельным изданием был опубликован перевод евангелия от Иоанна, а в 1906 году вышел весь Новый Завет в переводе Победоносцева.

Основной вопрос, на который Победоносцев-переводчик обращает внимание прежде всего, затронут в письме обер-прокурора к Духовным Академиям, написанном в 1892 году, где, в частности, говорится: «Многие благочестивые читатели, привыкшие слышать этот текст в славянской речи, исполненной достоинства и силы, не удовлетворяются передачею этого текста в складе русской литературной речи, и не без основания указывают, что во многих случаях не было никакой нужды заменять русским перифразом или русским словом, успевшим уже войти в оборот вульгарной речи, вполне понятное славянское слово» [цит. по: Савич 2012, с. 11].

Более подробно теоретические принципы, положенные в основу труда Победоносцева, были сформулированы автором в предисловии к изданному в 1902 году переводу евангелия от Иоанна.

Открывается предисловие похвалой церковнославянскому языку: «Наш церковнославянский язык – великое сокровище нашего духа, драгоценный источник и вдохновитель нашей родной речи. Сила его, выразительность, глубина мысли, в нем отражающейся, гармония его созвучий и построения всей речи – создают красоту его, неподражаемую» [Победоносцев 1906, с. I]. Однако Победоносцев понимает, что, несмотря на высокие эстетические качества церковнославянского языка, книги Священного Писания нуждаются в переводе в силу своей непонятности. В то же время

Победоносцев осознает, что переводить славянскую речь Евангелия «на нашу обыденную речь, на тот язык, на котором мы говорим, на котором сочиняются книги нашей так называемой литературы – значит портить ее» [Там же, с. II].

Вслед за своими предшественниками в деле перевода Священного Писания на русский язык, Победоносцев видит решение проблемы в создании перевода на языке, «достойном славянского подлинника» [Там же]. Далее в предисловии Победоносцев формулирует конкретные принципы создания такого особого языка.

1. Сохранять употребительные и в русском языке особенности церковнославянского синтаксиса во имя сохранения в переводе благозвучия богослужебных текстов. Автор формулирует это следующим образом: «Думаю, что не следует менять без особой нужды оборот и построение славянской фразы, а следует, где возможно, к нему применяться» [Победоносцев 1906, с. III]. Победоносцев мотивирует этот принцип следующим образом: «Очень многое означает гармония фразы, какую мы слышим в церкви: она зависит от созвучия в сопоставлении слов <...>, меняя конструкцию, мы нередко нарушаем эту гармонию» [Там же].

2. Сохранять славянские «слова и речения», если они являются понятными и употребительными в русском языке, во имя сохранения особого стиля и всех оттенков церковнославянского богослужебного текста: «Напрасно во многих случаях избегать в русском переводе славянских слов и речений, когда они в известном тоне употребительны в русской речи и всем понятны. Во множестве случаев нет никакой нужды в этой замене, от которой речь нисколько не становится понятнее, а только вульгаризуется» [Там же, с. IV].

Победоносцев считает, что при замене церковнославянского слова на другое, «ходячее в разговоре», переводчик рискует не только принизить стиль языка Священного Писания, но и «изменить или ослабить смысл употребляемого в священном тексте термина» [Там же].

3. В вопросе выбора между церковнославянским и русским вариантом, по мнению Победоносцева, нужно руководствоваться контекстом: «При соображении о том, где следует оставить слово славянского текста и где заменить его ходячим словом, необходимо, думаю, различать, о чем идет речь, и чьи это слова: Иисуса Христа, Евангелиста или лиц из народа» [Там же, с. VI].

4. Оставлять без перевода некоторые знакомые греческие слова. В предисловии автор пишет: «Думаю, что иные слова греческие, – знакомые, а иногда и любезные слышавшим Евангелие, – лучше оставить, изъяснив их, если угодно, переводом в подстрочном примечании. Таковы, например: *архитриклин, алектор, лентион*» [Там же].

5. Не употреблять в тексте перевода некоторые слова, которые, по мнению автора, не подходят для языка Священного Писания. Прежде всего это касается некоторых союзов, союзных слов, местоимений (*потому что, который, этот*) [Там же, с. III – IV].

Как будет показано ниже (глава 2), все названные принципы, действительно, реализованы в переводе Победоносцева: отталкиваясь при работе от Синодального текста, автор стилистически обрабатывает его, стараясь на всех языковых уровнях максимально сохранить славянские элементы и выдержать высокий стиль языка перевода.

6. Кроме принципов, указанных самим автором в предисловии, укажем еще один: Победоносцев максимально сохраняет церковнославянский текст в тех отрывках перевода, которые используются в богослужении (подробнее об этом с. 120 настоящего исследования).

Из всех существующих переводов труд Победоносцева наиболее приближен к церковнославянскому богослужебному тексту, и именно это является его основной особенностью.

Перевод К.П. Победоносцева представляет собой интерес не только в контексте истории создания русских переводов Нового Завета, но и как факт истории русского литературного языка. Само появления перевода с подобной языковой концепцией актуализирует следующие вопросы, связанные с особенностями развития языковой ситуации в России конца XIX – начала XX века: 1) вопрос об особенностях стилистической системы русского литературного языка и о месте в ней пласта духовной книжности 2) вопрос об особенностях словарного состава русского литературного языка и о месте и функции в нем славянизмов 3) вопрос о восприятии в российском обществе церковнославянского языка (в основном это вопрос о степени его понятности).

Указанные вопросы рассмотрены в следующем параграфе настоящей главы.

1.2. Языковые особенности эпохи и феномен перевода

К.П. Победоносцева

История русского литературного языка подробно описана применительно к периоду – XI – XVII вв. [Виноградов 1958], [Кречмер 1995], [Лихачев 1979], [Успенский 1998], [Филин 1981]; также существуют специальные исследования, посвященные изучению языка XVII, XVIII вв. [Замкова 1975], [Живов 1996], [Щеглова 2009]. Кроме того, подробно описан вопрос о роли А.С. Пушкина в формировании национального русского языка нового времени [Виноградов 1941], [Винокур 1959], [Панин, 2000]. Промежуток истории русского литературного языка от Пушкина до Октябрьской революции (1840 – 1910-е гг.) описан менее подробно. Существуют лишь единичные исследования, посвященные языку указанного периода [Бельчиков 1974], [Винокур 2010], [Грановская 2005], [Сорокин 1965]. По утверждению Г.О. Винокура, «историки русского языка очень редко, и по случайным только поводам, пользуются <...> тем громадным материалом, который заключен в произведениях русской художественной литературы нового времени (18 – 20 вв). Вот почему мы и не обладаем пока такими прочными научными построениями, в которых была бы представлена в общей стройной схеме действительно полная история русского языка как цельного процесса» [Винокур 1959, с. 230]. Л.М. Грановская также говорит о малоизученности истории языка последних десятилетий XIX и начала XX века: «Показательна недописанность, а в ряде случаев и очевидный пропуск этого материала как в общих, фундаментальных исследованиях, так и в учебниках и учебных пособиях по истории русского литературного языка XIX – XX вв.» [Грановская 2005, с. 9]. Тем не менее, данный период является очень важным при изучении русского языка, так как именно в послепушкинскую эпоху в языке происходят такие процессы, которые повлияли на его дальнейшее развитие и современное состояние. Прежде всего это развитие стилистической системы и изменения в лексическом составе русского литературного языка.

1.2.1. Стилистическая система русского литературного языка и место в ней перевода К.П. Победоносцева

1.2.1.1. Общая характеристика стилистической системы русского литературного языка второй половины XIX века

В.В. Виноградов применительно к языку XIX века выделяет следующие стили, в рамках которых «весьма ощутительно выступают различия в нормах отбора и употребления языковых элементов»: официально-риторический, обиходно-деловой, критико-публицистический, научно-технический и беллетристический [Виноградов 1955, с. 82]. Многие исследователи истории языка отмечают факт преобразования стилистической системы русского литературного языка во второй половине XIX века [Бельчиков 1974, с. 186], [Горшков 1970, с. 362], однако не существует фундаментальных и подробных исследований, посвященных именно этому вопросу. Лишь в монографии Л.М. Грановской «Русский литературный язык в конце XIX и XX вв.» в первой части всесторонне рассматривается стилистическая система языка указанного периода [Грановская 2005, с. 71 – 194], но автор, к сожалению, не приводит названия стилей, а называет лишь сферу их функционирования, что, на наш взгляд, является существенным недостатком исследования и затрудняет восприятие материала. Итак, согласно Грановской, стилистическая система русского литературного языка второй половины XIX века складывается из следующих подсистем⁵.

1. Общественно-политическая литература.

Речь идет о публицистическом стиле и его разновидностях (газетно-публицистическом, журнально-публицистическом; демократической публицистики). Кроме того, автор называет основные жанры, характерные для данного стиля: очерк, статья, прокламация, листовка, рассказ-фельетон, программные документы, реферат, манифест, рескрипт, юбилейная речь, некролог.

Основной особенностью языка произведений данного стиля является использование слов-терминов (*классовая борьба, прибавочная стоимость*), слов-символов (*болото, настроения, огни, рулевой, маяк*), а также соединение в рамках одного текста стилистически и семантически противопоставленных слов

⁵ Мы приводим названия разделов без изменения.

(*апокалиптическое христианство текущего сезона, грядущий хам, мистическое хулиганство*) [Грановская 2005, с. 85 – 90].

2. Язык литературной критики.

Автор выделяет данный пласт литературы, обосновывая это тем, что «многие понятия вошли в литературный язык именно через художественную критику» [Там же, с. 103]. К сожалению, автор не соотносит указанные произведения с названием какого-либо функционального стиля.

3. Риторические жанры.

- Парламентское красноречие. Помимо традиционных жанров ораторской речи (политическая, судебная, похвальная, научная, духовная) автор выделяет парламентскую речь «как одну из разновидностей политического красноречия» [Там же, с. 106]. Языковой особенностью данного жанра является использование формул-клетше, архаизмов (*смута, венценосный, в Бозе почить*) [Там же, с. 113].

- Судебное красноречие. Особенностью произведений данного жанра является соединение в одном тексте художественного начала (метафоры, риторические вопросы, развернутые сравнения) и элементов официально-делового стиля (наличие юридических, правовых терминов, канцеляризмов) [Там же, с. 130 – 131].

4. Язык и стиль научной литературы гуманитарного цикла.

Речь идет о философских и исторических сочинениях. По утверждению автора, «Влияние философского языка на поэзию, художественную критику и другие жанры русского литературного языка неоспоримо» [Там же, с. 145]. В философских произведениях введены и развиты многие понятия, нашедшие отражение в литературных произведениях (*многоединство, соборность, София-Мудрость*), отточены некоторые литературные формы изложения (монолог, афоризм, эссе, реплика).

Историческое повествование также претерпевает изменения: введены новые элементы композиции – портрет и пейзаж, уточняется и развивается терминология (*памятник, документ, источник*) [Там же, с. 155 – 157].

5. Официально-канцелярская литература.

К данным произведениям отнесены государственные акты, официальная переписка, законы, воззвания, манифесты, указы, военные донесения, инструкции и др. По наблюдению автора, «официально-деловой стиль дооктябрьского времени характеризовался использованием множества комплиментарных формул, сохраняющих

архаическую окраску и торжественность <...> В начале XX века деловая документация частью избавляется от рутинных канцелярских тяжеловесных форм изложения. В ряде предписаний рекомендуется пользоваться простым, разговорным языком, короткими предложениями» [Там же, с. 160]. Кроме того, автор отмечает, что элементы канцелярского стиля зачастую являлись в художественных произведениях источником эмоциональной выразительности: через их использование авторы выражали оттенки юмора, трагизма, иронии.

6. Разговорная речь.

Основной тенденцией, характерной для языка описываемого периода, по мнению автора, является процесс сближения книжной речи с разговорной. В книжной речи все больше используются слова, ранее считавшиеся грубыми (*портянки, кальсоны, вошь*), а в разговорной речи образованного общества употребляются книжные слова и архаичные формы (*изволить, вверенный, опытность*) [Там же, с. 164 – 165].

7. Художественная речь.

По утверждению Грановской, художественная проза рассматриваемого периода «порывает с классическим типом повествования, его сюжетностью <...> и обращается к языку как «чистой структуре» – ритму, архитектонике, словесной инструментровке, сближаясь со стихотворной речью» [Там же, с. 176]. Появляется орнаментальная проза, характерен жанр **сказа**. Относительно поэтического языка автор также отмечает отход от классических форм, обильное использование новообразований, разрушение традиционных метафор и штампов. Кроме того, автор утверждает, что «обновление стихотворного языка осуществлялось и за счет архаизации», что характерно, например, для поэзии Вяч. Иванова, который в целях стилизации использовал славянизмы и слова, созданные по их образцу (*мироносный, огнезрачный, златодонный, емлет, почиет, наг, тверд*) [Там же, с. 184 – 188].

Как видно, стилистическая система русского литературного языка описана Грановской подробно и обоснованно, выделены основные процессы, происходившие в языке указанного периода. Однако, кроме уже отмеченной нестройности в названии выделенных языковых пластов, данная классификация имеет еще один существенный недостаток: автор не принимает во внимание тот большой объем текстов, который относится к духовной книжности и, конечно, связан с определенным функциональным стилем.

Указанную лакуну в описании стилистической системы русского литературного языка исследуемого периода можно наблюдать и в других трудах, посвященных данному вопросу. Так, Ю.А. Бельчиков подробно говорит о взаимодействии публицистического и художественно-беллетристического стилей, о проникновении книжных элементов в разговорную речь и народно-разговорных – в язык художественной литературы; о развитии научной речи. Основным процессом в истории функционально-стилевой системы автор считает утверждение публицистического стиля как ведущего в языке [Бельчиков 1974, с. 190–191]. Автор учитывает и рассматривает основное направление развития языка, но оставляет без внимания произведения духовной книжности и не включает их в общую стилистическую систему.

1.2.1.2. Церковный стиль как особый функциональный стиль русского литературного языка, его особенности и разновидности

Согласно определению В.В. Виноградова, которое во многом можно рассматривать как итог знаменитой дискуссии о целесообразности выделения в русском литературном языке различных функциональных стилей ([Сорокин 1954], [Левин 1954], [Пиотровский 1954]), функциональный стиль – это «общественно осознанная, исторически сложившаяся, объединенная определенным функциональным назначением и закреплённая традицией за той или иной из наиболее общих сфер социальной жизни система языковых единиц всех уровней и способов их отбора, сочетания и употребления. Это функциональная разновидность, или вариант, русского литературного языка, отличающийся способами его использования в разных сферах общения и создающий разные речевые стили как композиционно-текстовые структуры» [Виноградов 1955, с. 73]. Так, традиционно выделяемые функциональные стили русского литературного языка соотносятся с определенной сферой социальной жизни, или, в другой терминологии, с определенной «формой сознания» [Кожина 2003, с. 180]: научный стиль обслуживает сферу науки, официально-деловой стиль соотносится с областью права, публицистический стиль связан со сферой политики, художественный стиль – с искусством, разговорный стиль – с бытовой сферой. Область религии выделяется как определенная форма сознания, однако в сфере языка в советское время «эта область была закрыта для филолога-исследователя» [Крылова 2003, с. 612].

Многие современные ученые, правда, в основном применительно к русскому литературному языку конца XX века, указывают на необходимость выделения в его стилистической системе особого стиля, связанного с религиозной сферой (применительно к русскому литературному языку актуально говорить о православии). Л.П. Крысин, описывая особенности языка проповедей, произносимых в церкви, вводит понятие **религиозно-проповеднический стиль** [Крысин 1996, с. 135 – 138]. Данный термин широко употребляется во многих исследованиях, появившихся в последние десятилетия [Гольберг 2002], [Гостеева 1997], [Прибытько 1999]. В статьях М.Войтак и В.М. Лейчика употребляется термин **религиозный стиль** [Войтак 1998], [Лейчик 2000]; О.А. Прохватилова тоже называет такой стиль **религиозным** [Прохватилова 2006] и **церковно-проповедническим** [Прохватилова 2009]; в статьях А.Д. Шмелева и Н.А. Шляховой употребляется термин **религиозный дискурс** [Шмелев 2007] [Шляхова 2014]. В стилистическом словаре русского языка под редакцией Кожиной используется термин **церковно-религиозный стиль** [Крылова 2003, с. 612], основной сферой употребления которого называется церковно-религиозная общественная деятельность (а не только проповедь, как в стае Л.П. Крысина). По мнению автора, жанры церковно-религиозного стиля отличаются «сочетанием общекнижных элементов с церковно-религиозными и газетно-публицистическими, а также архаически-торжественной и эмоциональной окраской, что отличает церковно-религиозный стиль от всех остальных книжных функциональных стилей» [там же, с 616]. Данный термин употребляется в исследованиях Д.А. Звездина, посвященных изучению языковых особенностей православной проповеди второй половины XX века [Звездин 2011], [Звездин 2012].

По-разному называются и жанры рассматриваемого стиля: О.М. Майданова употребляет термин **религиозно-просветительский текст**, Л.И. Нефедьева, говоря об особенностях употребления славянизмов, использует понятие **религиозно-нравственная (духовная) речь** [Нефедьева 2001, с. 276], в исследовании Со Ын Ён рассмотрены языковые особенности **церковно-религиозного послания** [Со Ын Ён 2000].

Обилие разнообразных терминов свидетельствует о том, что в настоящее время вопрос об особом функциональном стиле русского литературного языка, связанном с произведениями духовной книжности, особенно актуален и важен для русистики и вызывает интерес исследователей.

Применительно к языку второй половины **XIX** века нам известны лишь единичные исследования, в которых говорится о необходимости выделения в рамках русского языка особого стиля, связанного с духовной книжностью: современный исследователь языка Синодального перевода Нового Завета И.А. Реморов использует понятие **церковный стиль** [Реморов 2000]. Говоря о языковых особенностях произведений духовной книжности, автор констатирует: «...вопрос о «статусе» языка духовных книг решается очевидным образом: перед нами классический **функциональный стиль**, выделяемый прежде всего по критерию наличия особой сферы использования, задающей те или иные языковые предпочтения» [Реморов 2007, с. 138]. В исследовании С.Н. Ипатовой, посвященном изучению языковых особенностей произведений свт. Игнатия (Брянчанинова) также выделяется особый стиль, который, вслед за Л.П. Крысиным, назван автором церковно-проповедническим [Ипатова 2004, с. 5]. На наш взгляд, применительно к произведениям XIX века целесообразно употреблять более широкий термин **церковный стиль**, так как им можно обозначить всё многообразие духовных произведений, относящихся к рассматриваемому периоду. Итак, в настоящем исследовании мы будем употреблять термин **церковный стиль** и будем понимать под этим **функциональный стиль русского литературного языка, связанный с православной традицией и характерный для различных жанров духовной книжности (молитв, текстов Священного Писания, житий, проповедей, поучений).**

Поскольку функциональный стиль, согласно определению В.В. Виноградова, – это «система языковых единиц всех уровней и способов их отбора, сочетания и употребления» [Виноградов 1955, с. 73], для обоснования целесообразности выделения стиля как особой функциональной разновидности русского литературного языка необходимо выделить те лингвистические стилеобразующие факторы, которые являются дифференциальными признаками (маркерами) именно этого стиля. Некоторые лингвистические признаки уже выделены названными исследователями, однако, как было указано выше, все они касаются жанра проповеди и основаны, как правило, на современных церковных текстах. На наш взгляд, применительно к языку XIX века можно выделить следующие лингвистические стилеобразующие факторы, позволяющие говорить о наличии в языке второй половины XIX века особого церковного стиля:

1. Употребление лексических славянизмов в их первоначальной функции (создание торжественного возвышенного стиля в соответствии с важностью описываемого содержания).

2. Использование морфологических славянизмов⁶, что также выполняет стилистическую функцию, отсылая читающих к церковнославянским текстам и через это дистанцируя язык произведения от обыденной речи.

3. Использование особенностей синтаксиса, характерных для церковнославянского языка, но при этом понятных и носителям русского литературного языка (конструкции с частицей *да* на месте придаточного цели в русском языке; устаревшее управление, инверсия согласуемого компонента в словосочетании).

4. Широкое употребление традиционных метафор, сравнений, основывающихся на текстах Священного Писания и богослужения.

5. Широкое использование прямых и скрытых цитат из Священного Писания, богослужения; аллюзий на библейские сюжеты и образы. Цитаты чаще всего приводятся на церковнославянском языке русскими буквами.

Традиционно в каждом функциональном стиле русского литературного языка выделяются определенные разновидности, подстили, связанные с более частными проявлениями той или иной языковой ситуации. Так, в рамках официально-делового стиля выделяют *законодательный, юрисдикционный, административный, дипломатический* подстили [Кожина 2003, с. 275]; в публицистическом стиле выделяют *газетно-публицистический, газетно-журнальный, политический* подстили [Там же, с. 312]; в рамках научного стиля выделяют *собственно-научный и научно-популярный* подстили [Там же, с. 236]. Дальнейшее деление текстов определенного стиля на более узкие группы, имеющие свои языковые особенности, связано со спецификой жанра, формы речи.

На наш взгляд, применительно к церковному стилю языка послепушкинской и дооктябрьской эпохи, когда происходил процесс расцвета духовной книжности, также целесообразно говорить о **разновидностях** церковного стиля, которые обладают всеми вышеуказанными чертами, но при этом имеют свои языковые особенности, связанные с более частной сферой употребления. Показательно, что пример распределения

⁶ Термин встречается, например, в работе Г.О. Винокура [Винокур 1959, с. 458].

произведений духовной литературы на различные группы (подстили, жанры) можно найти в трудах, посвященных анализу древнерусской литературно-языковой ситуации. Так, Е.М. Верещагин, с опорой на классификацию Н.И. Толстого [Толстой 1988, с. 168], выделяет следующие жанры древнерусской духовной книжности: 1. скриптурный (жанр книг Священного Писания), 2. литургический (жанр богослужебных книг), 3. вероучительный (изложения веры, поучения (катехизисы), толкования), 4. проповеднический (жанр сборников слов и поучений), 5. Житийный (прологи, минеи-четы, патерики), 6. канонико-юридический (жанр церковных канонов и правил) [Верещагин 1997, с. 305 – 306].

С учетом вышеуказанного разделения, мы выделяем следующие разновидности (подстили) церковного стиля применительно к языку исследуемого нами периода:

1. Церковно-литургический подстиль русского литературного языка, на котором написаны тексты, относящиеся к богослужению Православной церкви, к частной (келейной) молитвенной жизни православных христиан. Такие тексты могут быть как переводными (обычно с церковнославянского языка), так и составленными первоначально на русском языке. К данной группе относятся некоторые переводы на русский язык книг Священного Писания, молитв и богослужебных текстов (например, содержащиеся в молитвослове для мирян с переводом на русский язык Н. Нахимова [Нахимов 1912]), составленные на русском языке молитвы русских подвижников (например, молитва старца Парфения, Оптинских старцев, молитвы Иоанна Кронштадского) [Кравецкий, Плетнева 2001, с. 140 – 154].

Основной особенностью произведений данного стиля, позволяющей выделить их в отдельную группу, является близость к церковнославянскому тексту на всех языковых уровнях, что связано с ориентацией на богослужебный текст (независимо от того, является ли произведение переводным с церковнославянского языка или изначально составлено на русском языке, в нем всегда сохраняется ориентация на богослужение). Приведем некоторые характерные примеры.

- Лексические славянизмы: *отроки, внимать, ныне, Дева, объять, огневидный престол, снисшествие, возлюбленный, вопиющий, Предвечный Бог* [Нахимов 1912, с. 139 – 145].
- Грамматические славянизмы, среди которых особенно характерно использование форм звательного падежа (*Душе, Человеколюбче, Спасителю, Жизнодавче,*

Троице), особых глагольных форм 2-го лица (*очищаеши, врачуеши, претворяеши*), и повелительного наклонения (*услыши, избави*) (Из молитв Иоанна Кронштадского) [Кравецкий, Плетнева, с. 144 – 146].

- Синтаксические особенности, наиболее распространенной из которых является использование конструкции *да + личная форма глагола* в роли придаточного цели: *соделай, да и я последую святому примеру Твоему; соделай, Господи, да переношу с таким же терпением беспокойства и скорби* (пример из молитвы старца Парфения) [Там же, с. 143].

Итак, даже если текст употребляется при келейной молитве или используется для домашнего чтения, в нем сохраняется неразрывная связь с литургической жизнью, что достигается за счет использования церковнославянских элементов на всех уровнях языка.

2. **Церковно-проповеднический** подстиль, характерный для проповедей, торжественных речей, посвященных различным церковным и церковно-государственным событиям.

Особенно известны проповеди митрополита Московского Филарета (Дроздова) и архиепископа Харьковского Иннокентия (Борисова), язык которых считался образцовым и нормативным [Зубов 2001, с. 224, 227], [Реморов 2007, с. 136].

Отличительные особенности текстов данной группы во многом определяются изначальной ориентацией автора на устную форму речи, на непосредственный контакт со слушающими⁷. К указанным языковым особенностям можно отнести особые формы обращения, характерные для православных христиан, четкую логичную структуру изложения, доступную для восприятия при подаче в устной форме, использование приемов экспрессивного синтаксиса, образно-риторических средств с целью удержать внимание аудитории и донести смысл до каждого слушающего. Кроме того, поскольку проповедь обычно произносится для людей, находящихся в храме при богослужении, в ней также может употребляться большое количество славянизмов, прямых и скрытых цитат из богослужебных текстов, текстов Священного Писания. Приведем характерные отрывки из проповеди святителя Филарета, произнесенной на праздник Успения Пресвятой Богородицы в 1849 [Филарет, 1994, с. 164 – 168]:

⁷ Несмотря на то, что многие из проповедей впоследствии печатались и даже переводились на иностранные языки, изначально автор ориентировался именно на устное произнесение текста перед аудиторией.

- Развернутая метафора, основанная на традиционном образе:

Чашею своего вольного, неповинного Богочеловеческого страдания Он исчерпал и упразднил чашу вечных мучений осужденного за грех человечества [Филарет 1994а, с 164].

- Риторические вопросы; восклицания, включенное авторское «мы», метафоры:

Что же при сем думает Матерь Церковь? Чего желает? <...> Каждому из чад своих она хочет сказать: смотри за предел гроба, помышляй на земле о небесном, во времени помни вечность, поучайся сему из книги жизни и успения Матери Божией [Там же, с. 165].

Что же остается у такого человека? – Какое достоинство в настоящем? Какая надежда для будущего? – О Мати Живота! Светом Твоего живоносного Успения пробуди нас от смертоносного сна нерадения о нашем вечном спасении [Там же, с. 168].

На наш взгляд, к данной разновидности можно отнести и некоторые письменные труды знаменитых духовных писателей: например, «Аскетические опыты» свт. Игнатия Брянчанинова⁸ обладают всеми языковыми особенностями проповеди (четкость изложения, обильное использование риторических вопросов, ярких образных средств), то же можно сказать и о письмах свт. Филарета, о дневниковых записях Иоанна Кронштадского. Приведем некоторые характерные примеры:

- Антитеза, включенное авторское «мы»:

Он явился в вертепе, чтобы мы довольны были не красною кельею, в яслях, чтобы мы не требовали мягкого одра, в пеленах, чтобы мы любили простую одежду, в несловесии младенческом, да будем, яко дети, простою и незлобием и да не разрешаем своего языка на празднословие [Филарет (Дроздов) 2006, с. 615].

С такою великою свободою великие угодники Божии проходят воздушные стражи темных властей потому, что в земной жизни вступают в непримиримую брань с ним, и, одержав над ними победу, в глубине сердца стяжают совершенную свободу от греха... [Игнатий (Брянчанинов) 1991, с. 158].

3. **Церковно-вероучительный** подстиль, характерный для литературы наставнического и объяснительного характера. К таким трудам можно отнести переводы

⁸ Подробнее об особенностях трудов еп. Игнатия см. [Судаков 2002].

святоотеческих творений («Лествица», «Добротолюбие», «Илиотропион»), труды русских подвижников, касающиеся основ христианской жизни, толкования Священного Писания («Православный катехизис» свт. Филарета Московского, «Толкования на послания Святого апостола Павла», «Начертание христианского нравоучения», «Путь ко спасению» свт. Феофана Затворника). Данные труды отличаются большим объемом, всесторонним описанием материала, для них, в отличие от произведений предыдущей группы, характерна более академичная манера изложения. Приведем несколько характерных примеров из труда свт. Феофана⁹ «Путь ко спасению» [Феофан (Затворник) 2017]:

- *Таинств, преимущественно относящихся к началу жизни христианской, два: крещение и покаяние. Потому и правила касательно начала жизни истинно христианской собираются одни вокруг крещения, а другие вокруг покаяния* [Феофан (Затворник) 2017, с. 31].
- *Существо жизни христианской состоит в богообщении о Христе Иисусе Господе нашем – в богообщении, вначале обычно сокровенном не только от других, но и от себя* [Там же, с.18].

Тем не менее, и в данных трудах используются образные сравнения, средства экспрессивного синтаксиса, что делает их доступными для чтения широкой аудиторией:

- *И как во время пожара пламя охватывает все здание, так и воспринятый огонь ревности объемлет и наполняет все существо человека* [Там же, с. 19].
- *Где взять силы, чтобы поднять все эти труды? При помощи благодати Божией в одушевленной ревности. Купец, воин, судья, ученый проходят службу многозаботливую и многотрудную. Чем поддерживают они себя в трудах своих? – Воодушевлением и любовью к своему делу. Не иным чем.* [Там же, с. 23].

4. **Церковно-богословский** подстиль, характерный для научно-богословских трудов, содержащих научное описание основ христианского (православного) вероучения. Для данных трудов характерно использование научной богословско-философской терминологии, пространных синтаксических конструкций, научного типа изложения материала (разделение текста на разделы, параграфы; обилие ссылок и

⁹ Особенности стилистической манеры еп. Феофана и свт. Игнатия в сопоставительном аспекте рассмотрены в статье Н.Е. Титковой [Титкова 2013].

сносок). К таким текстам, на наш взгляд, можно отнести, например, *Православно-догматическое богословие* митр. Макария [Макарий 1883].

- Обилие терминов и богословских понятий, что отражено в названиях разделов труда: *О царском служении Иисуса Христа; О Боге-Спасителе в его отношении к человеческому роду; О лице Господа Иисуса Христа, или о таинстве воплощения; О единстве ипостаси во Иисусе Христе* [Макарий 1883, с. II – III]
- Использование сложных предложений со ссылками на различные источники: *Обозрев, по возможности, все, что только представляют наиболее замечательного как восточные, так и западные христиане в доказательство своего учения о личном свойстве Бога-Духа Святого, мы можем уже с полной отчетливостью судить, на какой стороне истина, можем сказать всякому безпрестанно размышляющему: приходи и виждь.* [Там же, с. 347]

5. Церковно-агиографический подстиль, характерный для житийной литературы (описание жизни, трудов, подвигов святых). На протяжении XIX – в начале XX в. активизировалось развитие житийной литературы: создавались жизнеописания новопрославленных святых (свт. Митрофана Воронежского, свт. Тихона Задонского, прп. Серафима Саровского) и переводились на русский язык уже написанные жития (в начале XX века вышло издание житий святых на русском языке, подготовленное коллективом авторов под руководством профессора МДА С.И. Смирнова¹⁰) [ПЭ, т. XIX, с.314]. В конце XIX века новым стало возникновение жанра *биографического церковно-исторического исследования* [там же], который, сохраняя традиционные агиографические черты, имеет исследовательский характер. Примером может служить труд архим. Серафима (Чичагова) *Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря* [Летопись 2005], посвященный Серафиму Саровскому и жития, изложенные писателем Е. Поселянином (Погожевым Е.Н.)¹¹. Основной языковой особенностью данных произведений является использование традиционных метафор и сравнений, следование четкой структуре изложения материала (детство святого, становление, подвиги, чудеса), переход от конкретных житийных фактов к глобальным выводам, касающихся всего человечества:

¹⁰ Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четких Миней свт. Димитрия Ростовского с дополнениями из Пролога. М., 1903 – 1911 (12 книг).

¹¹ Поселянин Е. Святая юность: Рассказы о святых детях и отрочестве святых. Пг., 1915.

- *Симеон – земный Ангел, еще во плоти гражданин и житель небесного Иерусалима, стремился по пути жизни совершенно новому, никем не проложенному (из жития преп. Симеона Столпника) [Жития 2000, с. 12].*
- *Тогда восхотел Господь явить рабу своему вразумление, воспоминание о котором может служить вразумлением и из рода в род во все времена (Житие пророка Ионы) [Там же, с. 244]*
- *Благий же Человеколюбец Бог, не хотящий смерти грешников, промышляющий о спасении всех и ведомыми Ему только путями наставляющий каждого на спасение, и с Петром сотворил милость по благодати Своей и направил его на спасительный путь. (Житие св. Петра, сборщика податей) [Там же, с. 246]*

6. Церковно-художественный подстиль, к которому относятся художественные произведения, связанные с субъективным восприятием автором событий церковного календаря. К таким произведениям можно отнести, например, прозаические произведения «Лето Господне» И.С. Шмелева, «Праздники Господни» К.П. Победоносцева, поэтические произведения К. Романова (поэма «Царь Иудейский»), лирику поэтов, посвященную церковным праздникам и другим событиям церковного года. Основной особенностью языка данных произведений является, помимо традиционных для художественных произведений языковых средств, широкое использование лексических и грамматических славянизмов, выполняющих эстетическую функцию. Например:

- П. Ершов. «Ночь на Рождество Христово» (отрывок), 1834.

И вот от пределов Востока является ангел:

Криле позлащены, эфирный хитон на раменах,

Веселье во взорах, небесная радость в улыбке,

Лучи от лица, как молнии блещут [Рождественские стихи 2017, с. 113].

- А. Коринфский. «Вот, вот она опять, сметая злые годы...», без даты.

Воспряньте, падишие! – Рождается Христос!..

Обремененные! Легко вам станет бремя, –

Грядите вслед за Ним уверенной стопой!

Прииникни ты к Нему воскресшею душой,

Ты – всех униженных, всех угнетенных племя! [Там же, с. 149].

- М. Волошин. «Хвала Богоматери» (отрывок), 1919.

*Тайна тайн непостижимая,
 Глубь глубин необозримая,
 Высота невосходимая <...>
 Ангельски дориносимая
 Над родимую землей
 Кутина Неопалимая.
 Херувимов всех Честнейшая,
 Без сравнения Славнейшая,
 Огнезрачных Серафим,
 Очистилице чистейшее.
 Госпожа Всенепорочная
 Без истленья Бога родшая
 Незакатная звезда [Там же, с. 91].*

В последние годы появляется все больше исследований, посвященных изучению языка современной духовной поэзии [Котова 2005], [Котова 2008], [Тальских 2016], современной церковной журналистики [Постнова 2001], [Прядко 2005], храмовой проповеди [Розанова 2003]. Учет произведений, относящихся к духовной книжности XIX века, сравнение их языковых особенностей с современными текстами является, на наш взгляд, перспективным направлением для будущих исследований, так как дает материал для изучения основных линий развития церковного стиля в русском литературном языке XIX – начала XXI вв.

Итак, все произведения, отнесенные нами к той или иной разновидности церковного стиля, характеризуются выделенными выше общими языковыми чертами, но имеют и отличия, проявляющиеся, как правило, в способе комбинирования указанных особенностей и связанные с основной функцией произведения, сферой функционирования (церковное богослужение, общая или келейная молитва, домашнее чтение, использование в учебных заведениях), с конкретной формой речевого общения (устная / письменная форма речи).

Обобщенно можно представить вышеизложенный материал в виде следующей таблицы:

«Подстили церковного стиля русского литературного языка»

Разновидности (подстили)	Основная сфера употребления	Основная функция	Основная форма речи	Характерные жанры	Отличительная особенность языка
Церковно-литуургический	келейная молитва, домашнее чтение	дидактическая и охранительная	письменная; рассчитана на устное произнесение	Священное Писание; богослужебные тексты	Ориентация на церковно-славянский богослужебный текст на всех языковых уровнях
Церковно-проповеднический	церковное богослужение, церковно-общественные мероприятия	дидактическая, волонтиративная	преимущественно устная, рассчитана на непосредственный контакт с аудиторией	проповедь, слово, надгробная речь	Использование средств экспрессивного синтаксиса, особых форм обращения
Церковно-вероучительный	домашнее чтение, учебные заведения, чтение широкой аудиторией	дидактическая	письменная	толкования, заметки, опыты, лекции	Использование развернутых сравнений, обилие цитат из Св. Писания
Церковно-научный	учебные заведения	дидактическая	письменная	трактат, лекция	Обилие богословских терминов, понятий; использование ссылок, сносок, разделение текста на разделы, параграфы.
Церковно-агиографический	домашнее чтение, чтение широкой аудиторией	дидактическая	письменная	житие, биографический очерк	Некоторые черты «плетения словес», четкая структура изложения, частое использование развернутых сравнений.
Церковно-художественный стиль	домашнее чтение, чтение широкой аудиторией	эстетическая, эмотивная	письменная	рассказ, повесть, очерк, заметки, стихотворение, поэма	Обильное использование лексических, грамматических славянизмов для создания торжественного, возвышенного стиля

Исследуемый нами перевод Нового Завета, выполненный К.П. Победоносцевым мы относим к **церковно-литургической разновидности** церковного стиля русского литературного языка. Представленные во второй главе настоящей диссертации языковые особенности перевода свидетельствуют о его близости к церковнославянскому богослужебному тексту. Выделенные лексические, грамматические славянизмы характерны и для других произведений церковного стиля (многие из них, как показано выше, встречаются в молитвах русских подвижников и в духовных стихотворениях русских поэтов).

К церковно-литургическим текстам, на наш взгляд, можно отнести и перевод Нового Завета, выполненный в 1847 году В.А. Жуковским. Основной особенностью языка данного перевода также является близость к церковнославянскому богослужебному тексту. В статье одного из публикаторов перевода священника Д. Долгушина отмечено, что некоторые отрывки, употребляемые в тексте богослужения, Жуковский передает очень близко к церковнославянскому тексту или совсем без изменений [Долгушин 2008, с. 428 – 429].

Отдельно следует сказать о языке Синодального перевода. На наш взгляд, все языковые особенности, выделенные нами для церковно-литургических произведений, присущи и языку Синодального перевода: в нем употребляются лексические славянизмы, выполняющие стилистическую функцию, используются и грамматические славянизмы. Конечно, при сравнении с переводом Победоносцева видно, что такие языковые особенности используются в Синодальном переводе гораздо в меньшей степени, чем у Победоносцева (см. таблицу 13 на с. 67), тем не менее, они есть. На наш взгляд, отличие указанных переводов в степени использования церковнославянских языковых элементов связано с их принадлежностью к различным переводческим типам и разной целевой аудиторией (подробнее о типологии переводов см. на с. 55 настоящего исследования).

1.2.2. Особенности словарного состава русского литературного языка XIX – н. XX вв. и феномен перевода К.П. Победоносцева

1.2.2.1. Общая характеристика основных направлений развития лексики русского литературного языка послепушкинской эпохи

Помимо активного развития стилистической системы, в русском литературном языке послепушкинской эпохи происходят активные процессы в области лексики. Ю.С. Сорокин выделяет три основных направления в развитии лексической системы русского литературного языка в 1830 – 1890-е годы:

1. Активный процесс заимствования. По мнению автора, «в пушкинскую эпоху сложились в основном нормы СРЛЯ, определилась его стилистическая система. Поэтому стало возможным для языка впитать большое количество заимствованных слов (сотни слов за 1830-1870-е гг) без угрозы искажения своих собственных правил и законов» [Сорокин 1965, с 175]. Слова из различных европейских языков активно заимствуются и осваиваются русским языком. Среди таких слов, например, следующие: *агитация, ассоциация, компетенция, комфортабельный, галлюцинация, коммуна, импульс, радикал, ингредиент, пролетарий* и др. [Там же, с. 555 – 562].

2. Лексические новообразования. Русский язык активно использует собственные словообразовательные ресурсы для создания новых слов. Продуктивными в этом отношении являются суффиксы *-ость-, -ений-, -ств-, -щин-, -тель-* (*приручение, непотворение, невмешательство, студенчество, различинство, казенщина, итальянщина, предприниматель, представитель*), активно образуются новые существительные на *-ка* (*прививка, зарисовка, шивка*) [там же].

3. Семантические изменения в лексической системе. Рассмотрены случаи образного употребления слов (*анатомия, точка зрения, общий знаменатель; сухой, угловатый, сойти с рельсов*), выделены случаи детерминологизации (*атмосфера=обстановка, сумма=совокупность*), терминологизации (*промышленность, среда, потребитель*) [там же].

А.Ю. Бельчиков, говоря об особенностях развития лексики в русском языке второй половины XIX века, в качестве основного процесса называет явление семантической эволюции [Бельчиков 1974, с. 166]. В рамках данного явления автор также выделяет процесс ретерминологизации, когда слово переходит из узкой научной сферы в

общелитературный язык (*почва, симптом, импульс, ортодокс, оптимист*); и, напротив, процесс терминологизации, когда общелитературное слово приобретает более узкое специальное значение (*идея, лагерь, строй, класс*). Кроме того, автор отмечает, что в языке исследуемого периода большой пласт заимствований начинает восприниматься как общелитературный языковой фонд [Там же, с. 168 – 170].

1.2.2.2. Вопрос об эволюции функции славянизмов в русском литературном языке второй половины XIX века

В лингвистической литературе встречается различное понимание термина (церковно)славянизм [ЛЭС 1990, с. 459 – 460], [Замкова 1975, с. 14]. Можно выделить два основных подхода: некоторые ученые называют славянизмами те слова, которые генетически восходят к церковнославянскому языку и имеют особые формальные признаки, указывающие на их происхождение. К примеру, А.А. Шахматов использует такой подход, выделяя формальные признаки славянизмов [Шахматов 1941, с. 70 – 85]. При втором подходе используется стилистический критерий: славянизмами считаются такие слова, которые, по сравнению с русскими дублетами, наделены особой стилистической функцией. Такое понимание представлено в работе Г.О. Винокура: «Все то, что в каждую данную эпоху для говорящих и пишущих есть специальная принадлежность церковнославянского языка своего времени и в этом качестве способно функционировать как наделенный определенными стилистическими свойствами церковнославянский вариант общеупотребительного средства русской речи, и есть славянизм в стилистическом смысле слова» [Винокур 2010, с. 163 – 164]. Поскольку при изучении истории русского литературного языка нового времени актуальным является вопрос об использовании именно стилистических славянизмов, мы будем употреблять данный термин в соответствии со вторым пониманием.

В рамках изучения истории русского литературного языка проблема соотношения церковнославянской и русской языковых стихий является ключевой. До сих пор нет единого мнения о языковой ситуации в Домонгольской Руси: некоторые ученые считают, что в то время функционировало два языка: церковнославянский, для литературных произведений и русский, для деловой письменности [Соболевский 1980], [Лихачев 1979]; другие исследователи говорят об одном языке, имеющем разные функциональные стили [Филин 1981], Б. Успенский вводит термины двуязычие и

диглоссия [Успенский 1994], Н.И. Толстой говорит о взаимопроникновении элементов церковнославянского и русского языков, об их «симбиозе» [Толстой 2002]. Обзор всех существующих мнений относительно указанного вопроса представлен в подробной статье А. Кречмера [Кречмер 1995]. Как отмечают некоторые ученые, особенное значение вопрос о соотношении русской и церковнославянской языковых стихий приобретает «в период сложения национального русского литературного языка, когда русская стихия была осознана как ведущая, лежащая в основе складывающегося национального литературного языка»; именно к данному времени относится появление понятия **славянизм** как стилистической категории [Замкова 1975, с. 201 – 202]. В стройной и логичной системе трех штилей Ломоносова была решена проблема соотношения славянских и русских элементов и сформулирована основная функция славянизмов (создание высокого штиля). Наиболее характерно было использование славянизмов в одах, героических поэмах, трагедиях, ораторских речах [Успенский 1994, с.140 – 148]. Данная система просуществовала недолго: в 1830-е годы «книжно-славянская лексика оказалась втянутой в круговорот сложных процессов, связанных с общей тенденцией упорядочения лексического материала в ходе формирования литературного русского языка, став одним из центров языковой полемики» [Проект 2002, с 30]. Так, в 1835 году редактор «Библиотеки для чтения» О.И. Сенковский опубликовал ироническую «Резолюцию на челобитную сего, оного, такового, коего, вышеупомянутого, вышереченного, нижеследующего, ибо, а потому, поелику, якобы и других причастных к оной челобитной по делу об изгнании оных без суда и следствия из русского языка», в которой высмеивает употребление славянизмов [цит. по: Сорокин 1965, с. 34]. Литературный критик Н.И. Надеждин в статье «Европеизм и народность» поддерживает позицию Сенковского и считает, что церковнославянский язык подавил «в самом начале русскую народную речь» и долго препятствовал «ее развитию в живую народную словесность» [Там же, с.35]. Надеждин, как и Сенковский, указывает на необходимость освободить литературный язык от элемента «славянизма», от «устарелых искусственных слов и оборотов» [Там же]. А.С. Пушкин в «Письме к издателю» (1836) утверждал, что «Письменный язык оживляется поминутно выражениями, рождающимися в разговоре, но не должен отречься от приобретенного им в течение веков. Писать единственно языком разговорным – значит не знать языка» [Пушкин 1836, с. 199]. Именно в творчестве Пушкина представлен тот органический

синтез русских и церковнославянских языковых элементов, благодаря которому был найден основной вектор в решении вопроса о стилевой приуроченности славянизмов и очерчен основной круг «жизнеспособной» книжно-славянской лексики.

Исследователи языка послепушкинской эпохи, принимая во внимание основную линию его развития, говорят об утрате славянизмами их традиционной стилистической обособленности. Так, Ю.С. Сорокин выделяет два основных пути эволюции славянизмов во второй половине XIX века: «одни из них, а именно те, которые не приобрели особых значений и смысловых оттенков, выходили из употребления или оказывались архаическим запасным фондом, употреблявшимся только для специальных целей (для исторической стилизации речи, для характеристики речи особых социальных кругов, например, духовенства, для иронической расцветки речи и т. д.); <...> другие слова из разряда прежних славянизмов, напротив, оказались широко употребительными, но утратили свою стилистическую обособленность [Сорокин 1965, с. 29 – 30]. Итак, по мнению исследователя, славянизмы либо использовались в качестве средства стилизации, либо переставали восприниматься как стилистически окрашенные слова в связи с переходом в разряд книжной и нейтральной лексики (*главенство, восхищать, взгляд*) [Там же, с. 349].

Исследователь языка XVIII века Замкова применительно к языку после эпохи классицизма выделяет следующие стилистические категории слов, в которые, по ее мнению, трансформировались славянизмы [Замкова 1975, с. 193]:

- Пиитизмы. Высокие слова, использующиеся по отношению к тем объектам, которые сам автор считает важными. Такие слова использовались, например, в высокой гражданской лирике поэтов-радищенцев, поэтов-декабристов (*гражданин, муж, зиждитель, светильник*),
- Канцеляризмы. Слова, закрепившиеся в официально-деловом языке документов (*понеже, яко, се, паче, реченный, соизволение*);
- Историзмы. Слова, называющие исчезнувшие реалии (*стогны, секира*);
- Иронизмы. Славянизмы, употребленные с целью выразить ироничное отношение к описываемому предмету, лицу, явлению.
- Поэтизмы. Славянизмы, широко используемые в поэзии (*глас, очи, лик*)

Л.М. Грановская, описывая языковую ситуацию второй половины XIX века, также упоминает о некоторых функциях славянизмов в рамках того или иного стиля, но не

выделяет славянизм как самостоятельную стилистическую категорию [Грановская 2005].

Показателен в этом отношении «Проект словаря русского языка XIX века» [Проект, с. 157 – 179], где славянизмам соответствуют следующие пометы:

Высок. (высокое) «ставится при словах <...>, употребляемых в контекстах патетических, торжественных, эпических, далеких от обыденности (например, *година, возделать, воздвигать, внимать*)» [Проект, с. 176];

Трад.-лит. (традиционно-литературное) «ставится при словах, традиционно употребляемых в текстах художественной литературы (как в поэзии, так и в прозе), а также при словах, воспринимаемых в XIX в. как общелитературные штампы (*бесщадно, вздремать, выя, вещать, алчба*)» [Там же, с. 177];

Поэт. (поэтическое) ставится в тех случаях, когда традиционно-литературное слово, употребляясь в поэтическом контексте приобретает семантическое приращение (например, *десница* в значении *могущество*; *светильник* в значении *выдающийся человек*) [Там же, с. 177 – 178]

Канц. (канцелярское) указывает на принадлежность слова к слогу официальных документов. Среди таких слов много славянизмов, значение которых сдвинулось на периферию и ограничилось лишь канцелярской сферой (*токмо, понеже, поелику, буде*) [Там же, с. 163];

Слав. (славянское) «применяется в тех случаях <...>, когда маркируемая ею лексика могла выполнять свою традиционную роль» [Там же, с. 168]. Авторы уточняют, что данная помета «будет маркировать не слишком значительный слой лексики; ее применение будет ограничено лишь определенными художественными текстами первых десятилетий XIX в.» [там же]. Авторы объясняют это тем, что «формирование новой стилистической системы, ее совершенствование на протяжении XIX в. приведет к тому, что эта лексика разойдется по различным сферам употребления или перестанет использоваться. Однако для первой трети XIX в. помета *Слав.* остается еще актуальной» [там же].

Таким образом, исследователи языка XIX века единодушно признают факт утраты славянизмами их традиционной стилеобразующей функции и говорят об их распределении по различным функциональным стилям или сферам русского литературного языка.

Данный вывод делается без учета того пласта произведений, которые относятся к различным разновидностям церковного стиля русского литературного языка и существование которых, конечно, не ограничивается лишь первой третью XIX века. Как было показано выше, именно использование славянизмов в их традиционной функции является одним из основных стилеобразующих факторов языка произведений данного функционального стиля, и без учета языковых особенностей указанных произведений картина истории языка остается неполной и однобокой.

1.2.2.3. Роль перевода Победоносцева в лексической системе русского литературного языка

Исследуемый нами перевод К.П. Победоносцева является во многом показательным фактом в истории русского литературного языка. Используя в качестве основного источника для своего труда церковнославянский богослужебный текст, Победоносцев вводит в русский литературный язык тот пласт славянизмов, который начинает утрачиваться и забываться в российской языковой действительности.

Автор работает над текстом в то время, когда «доминирующее положение <...> занимают стили журнально-публицистической, газетной и научно-популярной речи» [Виноградов 1955], развивается демократическая печать, ориентированная на нужды народа. В языке все более распространенными являются слова, характерные для новых философских и общественных течений (*классовая борьба, прибавочная стоимость*), появляются новые фразеологические сочетания (*либеральная размазня, без догмата, сатрап у трона, третий элемент*), переосмысливаются значения имеющихся слов (например, слова *буря, гроза, огонь, гром* составляют синонимический ряд к слову *революция*), все больше распространяются сниженные, разговорно-просторечные слова (*нахал, дребедень, брехун, слюнявый гуманизм, бандитизм, административное хулиганство*) [Грановская 2005, с 87 – 90; 115].

Победоносцев создает свой труд как бы в пику новым революционным тенденциям; через его создание он стремится сохранить ту связь с традиционной русской православной культурой, которая, как он чувствует, утрачивается в российском обществе начала XX века.

Показательно, что наряду с появлением в русском литературном языке второй половины XIX века новых тенденций в области лексики, фразеологии, жанрово-

стилистической системы, связанных с активными процессами социально-политической жизни [Бельчиков 1974, с. 18 – 30], активно развивается и достигает расцвета язык духовной книжности, совершенствуется богословская наука, предпринимается ряд важнейших общецерковных мероприятий (дело перевода на русский язык книг Священного Писания¹², корпуса святоотеческих творений, агиографических источников), появляются знаменитые труды русских подвижников, художественные произведения, связанные с православной традицией. Все это позволяет говорить о поляризации в русском литературном языке второй половины XIX века: с одной стороны, это произведения церковного стиля, восходящие к традициям древнерусской книжности, а с другой – произведения, относящиеся в основном к публицистическому стилю и отражающие те новейшие социально-политические настроения, которые затем привели к революции 1917 года.

Перевод Победоносцева хронологически явился последним ярким примером произведений церковного стиля (церковно-литургической разновидности) и закрыл собой ту эпоху развития русского литературного языка, которая продолжала традиции древнерусской книжности и связь с которой прервалась после революционных событий на несколько десятков лет.

1.2.3. Место церковнославянского языка в России конца XIX – начала XX века и вопрос о востребованности перевода Победоносцева

1.2.3.1. Вопрос о владении церковнославянским языком в России конца XIX – начала XX века

Известные современные исследователи, занимающиеся в том числе историей церковнославянского языка XIX – нач. XX века, А.Г. Кравецкий и А.А. Плетнева утверждают, что «сфера употребления возникшего в XVIII веке нового литературного языка вплоть до 20-х годов XX века была ограниченной. Владение русским литературным языком не выходило за пределы образованной части общества» [Кравецкий, Плетнева 2001, с. 25].

По свидетельству тех же авторов, «вплоть до начала XX века обучение детей грамоте чаще начиналось с церковнославянского языка, а не с русского <...>.

¹² В статье Б.Араповича XIX век назван «золотым веком перевода Библии в России» [Арапович 2003, с. 30].

Основными учебными книгами были Азбука, Часослов и Псалтирь» [там же, с. 26]. В результате такой организации обучения (по традиционной модели) «кругом чтения людей были, с одной стороны, богослужебная и житийная литература на церковнославянском языке, а с другой – народная (лубочная и рукописная) литература, значительная часть которой была написана на гибридном церковнославянском языке. Для этих людей русский литературный язык оставался малопонятным» [там же, с. 34].

Речь, естественно, идёт не о всём населении России. Вышеописанный процесс обучения касался прежде всего большей части крестьянских и мещанских детей. А для другой части населения России (например, для детей дворян) обучение грамоте начиналось с усвоения русского литературного языка. Церковнославянский язык тоже изучался ими, однако не в связи с богослужебными текстами, а в связи с вопросами истории русского литературного языка, то есть только как предмет филологии [там же]. Для носителей такого типа образования церковнославянский язык был, конечно, малопонятен. Многие из них привыкли читать Библию не по-церковнославянски, а на европейских языках.

Таким образом, российское общество XIX – нач. XX века, в связи с вопросом о степени понимания церковнославянского языка, было неоднородным. Говоря обобщенно, для большей части грамотных крестьян, образование которых строилось по традиционной модели, церковнославянский язык был более понятен, чем русский литературный; в то время как для большинства носителей нового типа образования (ориентированного на западную модель) церковнославянский язык был малопонятен.

О такой «раздвоенности» общества в России в XIX – нач. XX века в вопросе о понятности церковнославянского языка писали многие современники:

«Церковнославянский язык – корень современного русского языка, и для простолюдина, вследствие этого, не так малопонятен... Мы знаем несколько начетчиков, могущих прочесть наизусть несколько страниц из Маргарита, Толкового Апостола. Где же трудность понимания церковнославянского языка? Церковнославянский язык мало доступен только для той части интеллигенции, которая выросла и воспиталась на литературном языке и имеет мало общего по своим понятиям с церковнославянским и русским народным языком» [Полиевктов, лит. источники № 378, 1909 г., с. 12; цит. по: Балашов 2001, с. 70].

«Правду сказать, “невразумительное наречие”¹³ закрывало Библию не столько от народа, сколько именно от высшего круга, от самого императора, прежде всего, – он сам привык читать Новый Завет по-французски <...> и не изменил этой привычки с изданием «русского» перевода...» [Флоровский 1991, с. 154].

Не стоит забывать, однако, что далеко не все представители народа были обучены церковнославянской грамоте. Именно для неграмотных, необученных крестьян церковные тексты Священного Писания и богослужения были в наибольшей степени непонятны. «Для людей неграмотных Библия не существует; остается служба церковная и несколько молитв, которые, передаваясь от родителей к детям, служат единственным соединительным звеном между отдельным лицом и Церковью. И еще оказывается в иных, глухих местностях, что народ не понимает решительно ничего ни в словах службы церковной, ни даже в «Отче наш», повторяемом нередко с пропусками и с прибавками, отнимающими всякий смысл у слов молитвы» [Победоносцев 2004, с. 581 – 582].

С другой стороны, в российском обществе XIX – нач. XX века можно выделить отдельное «сословие» людей, которые ценили, любили и **понимали** церковнославянский язык. Это та часть православного народа, о которой писал в середине XIX в. митр. Филарет (Дроздов) и для которой церковнославянский язык «становится вразумительным посредством прилежного упражнения в церковном богослужении и чтении» [определение Св. Синода 1856 г., п. 3; цит. по: Чистович 1997, с. 264]. К этой группе принадлежали в первую очередь представители русской интеллигенции, имеющие богословское образование, в том числе находящиеся в священном сане, а также многие мастера русской словесности (среди последних можно назвать, например, В.А. Жуковского, А.С. Хомякова, К.К. Романова и, несомненно, К.П. Победоносцева).

Таким образом, поляризацию российского общества в вопросе о степени владения церковнославянским и русским литературным языком можно отобразить в следующей таблице:

¹³ Так Александр I, обосновывая необходимость перевода Библии на русский, назвал церковнославянский язык [Флоровский 1991, с. 154].

«Поляризация российского общества в вопросе о степени владения церковнославянским и русским литературным языком»

I группа	II группа
люди с богословским образованием и мастера русской словесности, для которых понятны церковнославянский и русский литературный языки	преимущественно – грамотные крестьяне, для которых более понятен церковнославянский, чем русский литературный
III группа	IV группа
преимущественно – представители «высшего круга», для которых русский литературный язык более понятен, чем церковнославянский	преимущественно – неграмотные крестьяне, для которых непонятны ни церковнославянский, ни русский литературный языки

1.2.3.2. Перевод Победоносцева и вопрос о целевой аудитории

Очевидно, что универсального, оптимального решения вопроса об объеме использования церковнославянских языковых средств при переводе на русский язык книг Священного Писания не могло быть, так как российское общество конца XIX – нач. XX века было неоднородным как по типу образования, так и по степени воцерковленности.

В одном из постановлений Святейшего Синода от 10 сентября 1856 года по поводу перевода Библии на русский язык констатируется, что: «Язык славянского перевода Библии, общевразумительный и общеупотребительный в свое время, не таков уже в настоящее время по своей древности. Для одной части православного народа он становится вразумительным посредством прилежного упражнения в церковном богослужении и чтении; но другая, более многочисленная, не имеет сего преимущества и требует русского перевода, как пособия к разумению Священного Писания» [Постановление Св. Синода 1856 г., п. 3. Чистович 1997, с. 264].

Таким образом, Синодальный перевод рассчитан прежде всего на людей, которые не владеют церковнославянским языком, так как недостаточно активно участвуют в

православном богослужении; на тех, которые, по словам митр. Филарета, «по обстоятельствам не имеют возможности посещать богослужение настолько часто, чтобы этим путем можно было им вполне узнать славянский язык» (ответ Московского митрополита Филарета на письмо Киевского митрополита Филарета, пункт XV) [цит. по: Чистович 1997, с. 290].

Перевод Победоносцева, напротив, рассчитан на людей, с детства воспитанных в Церкви, на тех, кто любит и ценит церковнославянский язык и дорожит каждым словом церковного богослужения. В предисловии к переводу Победоносцев четко говорит о том, что необходимо создать перевод, «который не тревожил бы уха знакомого с гармонией церковного чтения» [Предисловие 1906, с. II]. Он и сам принадлежал к такой категории людей¹⁴, и это отразилось практически во всех произведениях К.П. Победоносцева: «Каждому из молящихся известно, как иное слово будило в душе молитвенное чувство, оживляло священный образ, вызывало память прошлого и прежней молитвы...» [Победоносцев 2004, с. 253]. В связи с этим логично стремление Победоносцева по возможности максимально **сохранить** в своем переводе горячо любимый им богослужебный церковнославянский текст святого Евангелия.

1.2.3.3. Место перевода Победоносцева в типологии библейских переводов

Согласно обобщенной классификации, приведенной в труде А.С. Десницкого [Десницкий 2015, с. 211 – 221], все русские переводы условно можно распределить по трем моделям, в зависимости от их основной целевой аудитории и главной функции: а) **литургический** перевод, «предназначенный для чтения за богослужением или для любого иного использования в контексте богослужебной традиции» [Десницкий 2015, с. 211]; б) **филологический** или **научный** перевод, который «призван максимально отразить все черты оригинала, и содержательные, и формальные» и рассчитан на внимательного и образованного читателя [Там же, с. 212]; в) **общедоступный** или **миссионерский** перевод, который предназначен «для аудитории, только знакомящейся с христианством и не обладающей пока серьезными познаниями в этой области» [Там же, с. 213].

¹⁴ «С раннего детства его окружала атмосфера церковности, которая глубоко проникла в его душу, оставив в ней неизгладимый след и направив ее по определенному пути служения тому сословию, из которого он вышел» [Глинский 2004, с. 7–8].

Итак, языковые отличия Синодального перевода и перевода Победоносцева, которые, на наш взгляд, принадлежат к церковно-литургическому подстилю русского литературного языка, определяются их отнесенностью к разным переводческим типам: перевод Победоносцева обладает всеми особенностями **литургического** перевода и в качестве целевой аудитории имеет в виду людей, находящихся в русле православной богослужебной традиции; Синодальный перевод обладает чертами **миссионерского** перевода, и его основной целью является доступное для основной массы людей изложение содержания.

1.2.3.4. Перевод Победоносцева в отзывах современников

Перевод Победоносцева был действительно актуален для определенной части российского общества начала века, о чем этом свидетельствуют некоторые сохранившиеся отзывы современников о данном труде.

Подробный разбор и анализ переводческих решений Победоносцева представлен в отзыве на данный перевод (точнее, на опубликованное отдельно в 1902 году Евангелие от Иоанна), содержащийся в рукописи Н.Н. Глубоковского [Глубоковский 1902]. Данная рукопись состоит из двух частей.

Первая часть, объемом 12 листов, представляет собой разбор всего текста по стихам, к которым автор делает различные комментарии, одобряя выбранный Победоносцевым вариант или предлагая свой. Например:

I 48. – Глубок. *Хорошо переставлено*

I 50. – Глубок. *Лучше бы «ибо», но курсивом*

III 23. – Глубок. *Легче и выразительнее*

IV 3. – Глубок. *Лучше: вкушай или вкуси*

VII 31. – Глубок. *Хорошо и выразительно*

Вторая часть, объемом 10 листов, представляет собой сделанную Глубоковским обобщенную классификацию особенностей перевода Победоносцева, отличающих его от Синодального. Приведем основные пункты классификации:¹⁵

¹⁵ Оговоримся, что данные пункты пронумерованы нами, так как рукопись представляет собой черновик; название групп и примеры принадлежат Глубоковскому.

«Разбор ПКП Н.Н. Глубоковским»

1). Удачно сделанный подбор славянских терминов:

№ главы	№ стиха	ПКП	СП
<i>I</i>	<i>51</i>	<i>отселе</i>	<i>отныне</i>
<i>II</i>	<i>16</i>	<i>купля</i>	<i>торговля</i>
<i>III</i>	<i>36</i>	<i>узрит</i>	<i>увидит</i>
<i>VIII</i>	<i>43</i>	<i>беседа</i>	<i>речь</i>
<i>XVIII</i>	<i>3</i>	<i>светильник</i>	<i>фонарь</i>
<i>V</i>	<i>15</i>	<i>мните</i>	<i>думайте</i>

2). Формы и обороты

№ главы	№ стиха	ПКП	СП
<i>I</i>	<i>25</i>	<i>вопросили</i>	<i>спросили</i>
<i>II</i>	<i>5</i>	<i>служителям</i>	<i>слугам</i>
<i>V</i>	<i>2</i>	<i>овчих</i>	<i>овечьих</i>
<i>V</i>	<i>4</i>	<i>схождал</i>	<i>сходил</i>
<i>XIV</i>	<i>26</i>	<i>воспомянет</i>	<i>напомнит</i>

3). Гармония

№ главы	№ стиха	ПКП	СП
<i>X</i>	<i>26</i>	<i>от того, что</i>	<i>потому что</i>
<i>X</i>	<i>36</i>	<i>когда</i>	
<i>XII</i>	<i>11</i>	<i>поелику</i>	
<i>V</i>	<i>28</i>	<i>когда</i>	<i>который</i>
<i>IV</i>	<i>32</i>	<i>какой</i>	
<i>I</i>	<i>12, 15</i>	<i>кто</i>	

Н.Н. Глубоковский с большим интересом отозвался на опубликованный в 1902 году перевод евангелия от Иоанна и высказал одобрение основного переводческого подхода и языковых решений К.П. Победоносцева. К сожалению, скорее всего, адресат не смог прочитать предназначенный ему текст, так как рукопись представляет собой черновик, и, возможно, окончательный вариант для отсылки Победоносцеву так и не был написан.

Известный поэт К. Романов в письмах к А.Ф. Кони также высказывает свое одобрение исходного принципа перевода Победоносцева максимально приблизить его язык к церковнославянскому: «Вы затрагиваете струну, на которую чутко отзывается душа моя, а именно, вы говорите о неудовлетворительности русского перевода Евангелия. Этот перевод <...> уже дважды вызывал попытки «художников слова» дать новый, более приближающийся к церковнославянскому тексту. Это переводы В.А. Жуковского и К.П. Победоносцева» (письмо от 31 марта 1915 г.) [Матонина 1994, с. 222]. В другом письме поэт пишет: «В моей библиотеке нашелся перевод 4-х Евангелистов, исполненный К.П. Победоносцевым, и я смогу послать вам эти книги. <...> Я бы пошел еще далее Победоносцева, приближаясь в переводе к церковнославянскому тексту» (письмо от 8 апреля 1915 г.) [там же].

Другой положительный отзыв о переводе Победоносцева принадлежит протопресвитеру Александру Хотовицкому, известному мученику за веру, причисленному в 1994 году к лику святых: по его словам, в переводе Победоносцева «весьма счастливо сохранены колорит и прелесть славянского языка, а вместе с тем устранены пережившие себя славянизмы. Соблюдено полнейшее достоинство, пролагающее дорогу к употреблению этой книги при богослужениях. Так неужели же не найдется ревнителей, которые бы так же последовательно приблизили церковный язык к вящему пониманию народа, перестроили бы то, что вовсе не дается пониманию, пощадив и красоту речи, и дух ее, и музыкальность, – пощадив сердце русского человека» [цит. по: Балашов 2001, с. 97]. Таким образом, прот. А. Хотовицкий видит в языке перевода Победоносцева образец церковного стиля русского литературного языка, на который можно было бы перевести впоследствии церковное богослужение.

Вышеприведенный материал опровергает мнение, высказанное автором анонимного предисловия к переизданию, который утверждает, что «Перевод Победоносцева интересен прежде всего с исторической точки зрения, как этап в истории перевода Нового Завета на русский язык. После перевода Победоносцева уже невозможно требовать особой близости русского перевода к славянскому. <...> Но неудачный результат есть тоже результат, так как он закрывает своим примером путь, ведущий в тупик» [Предисловие НЗ КП 2000, с. 24].

Нам встретился положительный отзыв и нашего современника о работе Победоносцева, представленный в тексте выступления на научно-практической

конференции в Москве в июне 1997 года (автор – Ирина Роднянская): «Для меня лично является образцом слегка – с отменным художественным вкусом – славянизированный перевод Евангелия, принадлежащий К.П. Победоносцеву» [Роднянская 1997, с. 86]. Данное свидетельство говорит о том, что и в начале XXI века перевод Победоносцева может быть востребованным и предпочтительным для какой-то части верующих людей.

Выводы к главе 1

Итак, перевод Победоносцева явился заключительным этапом в деле создания русской Библии, начатом в 1816 году. Основное внимание при переводе автор уделяет стилистическому аспекту: отталкиваясь от Синодального перевода, он изменяет его в сторону церковнославянского богослужебного текста на всех языковых уровнях.

Перевод Победоносцева имеет важное значение и как языковой факт: являясь образцом текста, принадлежащего к церковному стилю (церковно-литургической разновидности) русского литературного языка, он вновь вводит в язык огромный пласт славянизмов, употребленных в их традиционной функции и тем самым свидетельствует о жизнеспособности в русском литературном языке данного пласта лексики, наряду с новообразованиями и заимствованиями.

Перевод Победоносцева, который может быть отнесен к литургическому типу переводов, был создан автором для людей, находящихся в православной церковно-богослужебной традиции и, судя по отзывам современников, был востребован в российском обществе начала XX века.

Глава 2. Языковые особенности евангельского перевода

К.П. Победоносцева

В данной главе рассмотрены основные лингвостилистические особенности исследуемого перевода, распределенные по языковым уровням (лексика, фонетика, морфология, синтаксис); кроме того, в последнем параграфе обзорно представлены и некоторые смысловые отличия перевода Победоносцева от Синодального текста.

2.1. Евангельский перевод К.П. Победоносцева: особенности словарного состава

Основной особенностью лексики исследуемого текста является широкое использование слов из церковнославянского богослужебного текста, что определяется авторским переводческим принципом, сформулированным им в предисловии к труду: «Напрасно во многих случаях избегать в русском переводе славянских слов и речений, когда они в известном тоне употребительны в русской речи и всем понятны. <...> Во множестве случаев нет никакой нужды в этой замене, от которой речь несколько не становится понятнее, а только вульгаризуется» [Победоносцев 1906, с III]. В данном параграфе мы рассмотрим, каким образом автор реализует указанный подход: какие именно церковнославянские слова он сохраняет в своем переводе, считая их понятными и употребительными, а от каких слов считает нужным отказаться по тем или иным причинам.

2.1.1. Слова, сохраненные Победоносцевым из церковнославянского текста

Всего методом сплошной выборки в ПКП нами было выявлено 183 лексемы, сохраненные из церковнославянского текста и отличающие исследуемый перевод от СП. Данное отличие определяется либо фактом присутствия слова в ПКП (таких лексем нам встретилось 155, они представлены в таблицах 4–12 и далее на стр. 71–76)¹⁶, либо частотой его употребления в тексте (всего 28 лексем, представлены в таблице 13). Следует сказать, что плотность слов, сохраненных из церковнославянского текста в

¹⁶ Полный список заимствованных из церковнославянского текста лексем, которые не встречаются в СП, в алфавитном порядке представлен в Приложении I.

ПКП достаточно высока, так как многие из них употребляются в тексте не один раз: например, слово *блюсти* встречается 19 раз, *владыка* – 18, *востать*¹⁷ – 50, *не обинуюсь* – 4, *простирает (руку)* – 10, *некий* – 22 и т.д. Все выявленные лексемы мы проанализировали с точки зрения их отражения в лексикографических источниках, представляющих современный Победоносцеву языковой срез. Наиболее подходящим для исследуемого нами материала по объему, системе помет и временным рамкам мы считаем «Толковый словарь русского языка» под редакцией проф. Д.Н.Ушакова [Ушаков 1935 – 1940, далее – СУ]. Несмотря на то, что словарь был издан полностью в 1940 году, работа над ним велась начиная с 1928 года, и, по утверждению авторов, основной объем словаря – «слова нашей классической литературы от Пушкина до Горького и общепринятого научного, делового и книжного языка, сложившегося в течение XIX века» [СУ, Т. I, с. 3 первой пагинации]. Итак, Словарь Ушакова мы считаем основным лексикографическим источником, подходящим для исследуемого материала. В качестве дополнительных источников мы использовали «Словарь языка Пушкина» [Словарь Пушкина] и Словарь 1847 года [Словарь 1847]. В результате проведенного анализа, среди лексем, сохраненных Победоносцевым из церковнославянского текста, нами было выявлено несколько пластов.

I. Слова, сохраненные в ПКП из церковнославянского текста, которые присутствуют в СУ. Таких слов большинство: **126 из 183**.

Данным словам соответствуют следующие пометы, «указывающие на разновидность письменной речи» и устанавливающие их «историческую перспективу» [СУ, Т. I, с. XXVII второй пагинации]: **(книжн.)**, **(поэт.)**; **(церк.-книжн.)**, **(старин.)**, **(устар.)**. В предисловии к СУ дается объяснение для каждой из указанных помет:

- **(книжн.)**, *книжное* – «свойственно преимущественно книжному языку; употребленное в разговорной речи, все же сохраняет отпечаток книжности»;
- **(поэт.)**, *поэтическое* – «свойственное поэзии»;
- **(церк.-книжн.)**, *церковно-книжное* – «слово является пережитком той эпохи, когда церковнославянская стихия преобладала в русском литературном языке»;

¹⁷ Примечательно, что слово в большинстве случаев употребляется в ПКП именно в таком написании (с одной -с-). Встретилось лишь 2 случая употребления этого глагола с двойным -сс-, всегда с разным значением: *бунтовать* (Мф 24, 7 *восстанет народ на народ*), *воскреснуть* (Лк 9, 7 *Иоанн восстал из мертвых*).

- **(устар.)**, *устарелое* – «вышедшее или выходящее из употребления, но еще широко известное, между прочим, по классическим литературным произведениям XIX века»;
- **(старин.)**, *старинное* – «слово является пережитком отдаленных эпох истории русского языка, но употребляется иногда авторами с какой-нибудь нарочитой стилистической целью» [Там же, С. XXVII–XXVIII второй пагинации].

Кроме того, в СУ представлены и собственно стилистические пометы, указывающие на «выразительные оттенки слов», среди которых нам встретились пометы **(ритор.)** («употребительное только в стиле риторическом») и **(торж.)** («употребительное только в торжественном стиле») [Там же, с. XXVIII]. Несмотря на отмечаемую исследователями нестройность в системе помет СУ [Емельянова 2003, с. 445], в словаре дана подробная информация о каждой лексеме, необходимая для исследуемого нами материала. Ниже приводятся слова из ПКП, распределенные в соответствии с лингвостилистической характеристикой, представленной в СУ.

Таблица 4

Книжные (15)		
Некоторые контексты	Перевод Победоносцева	Основное соответствие в СП
Мф 27, 60	великий (5)	большой
Мк 4, 32	витать (1)	укрываться
Мф 12, 8	владыка (18)	господин
Мф 27, 52; Мк 16, 14	востать (50)	воскреснуть, встать
Лк 12, 54	восходить (10)	подниматься
Лк 5, 11	извлечь (6)	вытащить
Мф 27, 63	льстец (1)	обманщик
Ин 10, 24	не обвинясь(я) (4)	прямо
Лк 12, 16	некий (22)	один
Мф 3, 4; Лк 12, 27	облекаться (13)	одеваться
Мф 6, 25.28.34	печься (заботиться) (6)	заботиться
Мф 27, 5	повергнуть (10)	бросить
Мк 6, 26	прискорбен (3)	опечалился
Ин 14, 18	сырые (1)	сироты
Мф 14, 10	усекнуть (2)	отсечь

Как видно, данная группа достаточно малочисленна. Дело в том, что книжные слова достаточно употребительны и в СП (например, слова *иго*, *взалкать*, *стежи* встречаются в одинаковом количестве и в СП, и в ПКП), в отличие от слов, принадлежащих ко всем следующим группам.

Таблица 5

Устаревшие (13)		
Некоторые контексты	Перевод Победоносцева	Основное соответствие в СП
Мф 27, 64	горше (4)	хуже
Мф 9, 30	блюсти(сь) (19)	соблюдать, беречься
Мф 11, 12	доселе (5)	доныне
Мф 11, 27	изволить (1)	хотеть
Лк 5, 21	оставлять (грехи) (10)	прощать
Мф 6,14; 9, 1; 12, 31	отпускать (8)	прощать
Мф 27, 63	помянуть (10)	вспомнить
Мф 9, 14; Лк 5, 33	почто (8)	почему
Лк 7, 7	(из)речь (20)	сказать
Лк 7, 45	(об)лобызать (7)	(по)целовать
Лк 23, 48	позор (1)	зрелище
Лк 23, 54	пяток (1)	пятница
Мф 22, 25	скляница (4)	чаша

Таблица 6

Устаревшие риторические и поэтические (6)		
Некоторые контексты	Перевод Победоносцева	Основное соответствие в СП
Мф 8, 34; 25, 6	в(о) сретение (3)	навстречу
Лк 5, 37	изольется (1)	вытечет
Лк 9, 17	кошница (6)	короб
Лк 24, 4	риза (7)	одежда
Мф 7, 28	словеса (9)	слова
Мф 21, 33	столп (3)	башня

Книжно-устаревшие (26)

Некоторые контексты	Перевод Победоносцева	Основное соответствие в СП
Мф 25, 13; Лк 12, 37.39	(по)бдеть (15)	бодрствовать
Лк 21, 3	вдовица (10)	вдова
Мф 6, 3; 9, 6; 12, 7; 12, 25; 25, 26; Лк 12, 30	ведать (48)	знать
Ин 2,15	вервие (1)	веревка
Лк 12, 48	взыскать(ся) (8)	потребовать(ся)
Лк 14, 18; 24, 33	вкупе (3)	все, вместе
Мк 16, 4	воззреть (20)	взглянуть
Мф 2, 4; 12, 10	вопрошать (31)	спрашивать
Мф 15, 9	всуе (2)	тщетно
Ин 1, 2; 8, 44	искони (2)	(от, с) начала
Мф 5, 12; 6,1.2; 10, 10	мзда (13)	награда
Мф 5, 17; 6, 7; 10, 34; Лк 12, 40	(воз)мнить (5)	думать
Мк 16, 18	недужный (9)	больной
Лк 5, 18. 24	одр (18)	постель
Мф 3, 1; 7, 22	оный (4)	тот
Мф 4, 17	отголе (4)	с того времени
Мф 25, 27; Лк 12, 12	подобает (24)	должно, надлежит
Мк 4, 27; Лк 8, 6	прозябнуть	взойти
	(в значении прорасти) (4)	
Мф 15, 11	сквернить (7)	оскверняет
Мф 3, 4	снеть (2)	пища
Мф 26, 59	сонм (3)	синедрион
Мф 23, 6. 34	сонмище (6)	синагога
Мф 10, 9	сребро (5)	серебро
Лк 12, 58	(по)тщиться (1)	(по)стараться
Мф 2, 11; 5, 15	храмина (3)	дом
Мф 11, 3; Лк 12, 46	чаять (4)	ожидать

Книжно-устаревшие риторические, поэтические, торжественные (8)

Некоторые контексты	Перевод Победоносцева	Основное соответствие в СП
Мф 10, 17	внемлите (4)	остерегайтесь
Мф 27, 23	вопясть (4)	кричать
Мк 16, 2	воссиять¹⁸ (5)	при восходе
Мф 5, 28; 9, 20; 11, 11;	жена¹⁹ (51)	женщина
Мф 8, 18; Мк 3, 32	окрест (5)	около
Мф 12, 44	празден (1)	незанятый
Ин 10, 18	(вос)приятъ (41)	получить
Лк 12, 22	сего ради (8)	поэтому

Таблица 9

Книжно-старинные (1)

Некоторые контексты	Перевод Победоносцева	Основное соответствие в СП
Мф 25, 33, 41; 27, 38	ошуюю (5)	по левую сторону

Таблица 10

Церковно-книжные устаревшие и старинные (7)

Некоторые контексты	Перевод Победоносцева	Основное соответствие в СП
Мф 23, 6	вечеря²⁰ (9)	пиршество
Мф 6, 7	многоглаголанье (1)	многословие
Мф 5, 20; 10, 28; 10, 37;	паче²¹ (13)	более
Мф 11, 16	торжище (8)	улица
Мф 7, 11; 27, 25; 10, 21; 11, 19	чада²² (13)	дети
Ин 11, 41	горé (1)	на небо
Мф 6, 11	днесь (4)	на сей день ²³

¹⁸ В орфографии Победоносцева слово имеет вид *возсиять*.

¹⁹ В СП употребляется данное слово в значении *жена (супруга)* (Мк 12, 22) и встречается в значении *женщина* лишь в устойчивых словосочетаниях *благословенна между женами* (Лк 1, 28) и *рожденный женами* (Лк 7, 28) и в обращении (Ин 20, 15).

²⁰ В СП слово *вечеря* употреблено только по отношению к тайной вечери (Лк 22, 20; Ин 13, 2).

²¹ В СП употреблено 2 раза в составе устойчивого словосочетания *кольми паче* (Мф 6, 30; Лк 12, 28).

²² Интересно, что в СП слово *чадо* употребляется в обращении Христа к исцеленному человеку: «Держай, чадо! Прощаются тебе грехи твои.» (Мф 9, 2). Во множественном числе всегда употребляется слово *дети*.

²³ Это единственный встретившийся нам пример церковно-книжного *старинного* слова.

Церковно-книжные устаревшие поэтические и риторические (14)

Некоторые контексты	Перевод Победоносцева	Основное соответствие в СП
Лк 14, 31	брань (1)	война
Мф 10, 30	власы (4)	волосы
Ин 21, 8	влачить (1)	тащить
Мф 10, 20	глаголать (5)	говорить
Мф 10, 23	град²⁴ (23)	город
Мф 6, 3; 27, 29	десница (2)	правая рука
Мф 5, 29. 30; 6, 3; 5, 39	десной (рука, око, ланита) (4)	правый
Мф 3, 10; 7, 17–19; 12, 33	древо (18)	дерево
Мф 2, 11; 10, 9; 22, 17	злато (5)	золото
Лк 18, 13; Ин 13, 25	перси (3)	грудь
Мф 4,5; 10, 8; 6, 5.16;	(по)емлет, (вос)приемлют (6)	брат, получать
Лк 12, 10; Мф 25, 41	речет (4)	скажет
Мф 10, 35	дщерь²⁵ (9)	дочь
Мф 7, 8; 8, 10; Ин 10, 9	обрести, обретать²⁶ (34)	найти, находить

Таблица 12

Старинные (10)

Некоторые контексты	Перевод Победоносцева	Основное соответствие в СП
Ин 4, 5; 7, 42	весь (в значении село) (2)	участок земли
Мф 25, 40.45; 27, 6	понеже (9)	потому что
Мк 6, 27	спекулятор (1)	оруженосец
Мф 6, 19; Лк 12, 33; Ин 10, 8	тать (5)	вор

²⁴ В СП встречается только в одном контексте: *святой град* (Мф 27, 53).

²⁵ В СП слово *дщерь* употребляется в том же контексте с обращением, что и слово *чадо*: «Держай, дщерь! вера твоя спасла тебя» (Мф 9, 22).

²⁶ В СП слово встречается всегда с приставкой (*приобрести*). Только в 2-ух контекстах употреблен рассматриваемый вариант (Мф 16, 25 *душу обретет* и Лк 1, 30 *обрела благодать*).

Мф 15, 19	татьба (2)	кража
Ин 19, 19	титла (1)	надпись
Мф 10, 42; 11, 27; 12, 4.24	токмо (32)	только, кроме
Мф 10, 26; 27, 54	убояться	устрашиться
Лк 19, 20	убрус (1)	платок
Мк 14, 12	уготовать²⁷ (17)	приготовить

Вышеприведенные слова мы считаем **славянизмами**, руководствуясь терминологическим определением Г.О. Винокура, приведенном на с. 46 настоящего исследования.

Отдельно следует сказать о тех словах, которые отличают ПКП от СП не фактом своего присутствия в тексте, а частотой использования: некоторые славянизмы встречаются и в СП, но, во-первых, с гораздо меньшей частотностью, а, во-вторых, в основном только в каком-нибудь одном из евангелий, что обусловлено, видимо, тем, что при создании СП каждое евангелие переводилось разными людьми²⁸. Так, слово *недуг* употребляется только 2 раза в евангелии от Луки; глагол *приступить* употреблен 26 раз в евангелии от Матфея и 3 раза у Марка. Представим все встретившиеся подобные примеры в виде таблицы:

Таблица 13

«Количество употреблений славянизмов в ПКП и СП»

Слова, сохраненные из церковносл. текста в СП и ПКП	Частота употребления в ПКП	Некоторые контексты	Частота употребления в СП	Некоторые контексты	Помета согласно СУ
ведать	48	Мф 6, 3; Лк 12, 30	2	Мф 24, 43; Лк 12, 39	книжн-устар
вкушать	4	Ин 6, 50	1	Мк 11, 14	книжн-устар ритор поэт торж

²⁷ В СП употреблено только один раз в молитве Симеона Богоприимца (Лк 2, 31).

²⁸ Подробнее о ходе работы над СП см. с.21 настоящего исследования.

Слова, сохраненные из церковнослав. текста в СП и ПКП	Частота употребления в ПКП	Некоторые контексты	Частота употребления в СП	Некоторые контексты	Помета согласно СУ
возбранить	8	Лк 6, 29	3	Мф 19, 13; Лк 18, 15	книжн
возлюбить	27	Мф 6, 24; Ин 12, 43	21	Мк 12, 31; Ин 17, 26	книжн-устар
возопить	21	Мф 8, 30	6	Лк 16, 24	книжн-устар
глава	24		3	Ин 19, 30	церк-книжн устар поэт ритор
глагол	11	Лк 18, 34 Лк 24, 8	2	Лк 3, 2 Ин 6, 68	церк-книжн устар поэт ритор
грядущий ²⁹	5	Лк 18, 30	5	Мк 11, 9 Ин 12, 13	книжн-устар ритор поэт торж
знамение	23	Мф 12, 38 Мк 13, 4	10	Мк 8, 12 Ин 6, 3	книжн-устар
иные	39	Ин 10, 21	14	Мф 15, 30; Ин 9, 9	книжн
ланита	6	Мф 5, 39 Лк 6, 29	3	Мф 26, 27 Мк 14, 65 Ин 19, 3	церк-книжн устар поэт ритор
наречь	22	Лк 6, 13	13	Лк 1, 13	книжн-устар ритор поэт торж
недуг	17	Мф 4, 23; 9, 35; Мк 3, 15; Лк 5, 15	2	Лк 7, 21; 13, 12	книжн
(от/до)ныне	59	Мф 27, 42	37	Мф 3, 15	книжн-устар

²⁹ Интересно, что одинаковое количество употребления данного слова в обоих переводах связано с тем, что в ПКП оно употребляется на месте русского *идуций*, а в СП на месте церковнославянского *грядый*. Везде, где в СП используется *грядущий*, в ПКП вариант *грядый* (кроме отрывка, употребляемого в богослужении *благословен Грядый во имя Господне* (Мф 23, 39; Лк 13, 35), где данное слово сохранено в обоих переводах).

Слова, сохраненные из церковносл. текста в СП и ПКП	Частота употребления в ПКП	Некоторые контексты	Частота употребления в СП	Некоторые контексты	Помета согласно СУ
облекаться	13	Мф 3, 4; Лк 12, 27	2	Мк 16, 5; Лк 24, 49	книжн
одесную	13	Мф 25, 34 Мф 25, 38	7	Мк 12, 36; Лк 22, 69	книжно-старинное
око	12	Мф 5, 29 Лк 11, 2	5	Мк 7, 22 Лк 11, 34	книжн-устар ритор поэт торж
отверзать	25	Мф 13, 35 Лк 1, 64	16	Лк 3, 21 Ин 9, 26	книжн-устар ритор поэт
повергнуть	10	Мф 27, 5	1	Лк 4, 35	книжн
(вос)помянуть	10	Мф 27, 63	1	Лк 1, 54	устар
приступить	49	Мф 8, 18; Лк 12, 37	29	Мф 26, 17; Мк 6, 35	книжн
простирать руку	10	Мф 8, 3	5	Лк 5, 13	книжн
(у)разуметь	78	Мф 12, 14; Ин 10, 6	35	Лк 8, 10; Ин 17, 7	устар
(и) се	Более 200	Мф 28, 9 Лк 24, 51	14	Мф 2, 9 Мф 28, 20	церк-книжн поэт устар
сей	111	Мф 27, 54 Ин 10, 19	50	Мк 8, 12 Лк 1, 66 Ин 1, 15	книжн-устар ритор
(со)творить	132	Мф 25, 40; Лк 12, 47	58	Мф 6, 2; Ин 14, 23	книжн
терние	14	Мф 7, 16	5	Мк 4, 18 Лк 8, 14	церк-книжн устар
уста	16	Мф 4, 4 Ин 19, 29	14	Лк 6, 45 Лк 21, 15	книжн-устар поэт

Приведенный материал не означает, что Победоносцев всегда использовал на месте русского аналога славянизм. В его переводе встречаются и те, и другие слова, но маркированный вариант обычно более частотен в языке ПКП, чем нейтральный. Для примера приведем некоторые наиболее распространенные пары слов, указывая частоту их употребления в тексте исследуемого перевода:

недуг (17) – *болезнь* (8)
(со)творить (42) – *(с)делать* (18)
облекаться (13) – *одеваться* (3)
(из)влечь (6)– *(вы)тащить* (1)
и се (21)– *и вот* (19)

В большинстве случаев для подобных пар слов нельзя выделить какой-либо общей закономерности при употреблении в тексте того или иного варианта. Использование разных лексем делает язык перевода более разнообразным и во многих отрывках помогает избежать тавтологии. Однако в некоторых случаях прослеживается четкая закономерность в использовании маркированной / немаркированной лексемы в зависимости от контекста. Например, слово *делать* употребляется в основном в устойчивом вопросительном словосочетании *что делать* (Мк 11, 3 *Что вы делаете?* Ин 6, 28; Ин 11, 47 *Что нам делать?*), в остальных случаях обычно используется глагол *творить* (Мк 3, 4 *достойно ли в субботу добро творить?*; Мф 5, 46 *и мытари не то же ли творят?*). Частица *се* обычно употребляется в повествовании о Христе, чудесах, ангелах (Мф 28, 9; Лк 24, 51); частица *вот* вводит повествование о слепых (Мф 20, 30), прокаженных (Мф 8, 2), законниках (Лк 10, 25) и об обычных земных вещах (Лк 8, 41; Лк 14, 2).

Кроме того, функциональными синонимами в переводе выступают некоторые полногласные / неполногласные варианты слов (подробнее об этом см. на с. 87–88 в параграфе о фонетических особенностях перевода).

II. Второй пласт, меньший по объему (**42 из 183**), составляют лексемы, сохраненные из церковнославянского текста, которые отсутствуют в СУ³⁰.

Некоторые из них присутствуют в Словаре языка Пушкина: *сретить*, *передать* (в значении *передать*), *отселе*, *кольми паче*, *внити*, *одеянный*, *(глас) велий*.

³⁰ Список данных слов с пометой НКРЯ представлен в Приложении I.

Остальные слова, хотя и отсутствуют в лексикографических источниках, отражены в Национальном корпусе русского языка.

1. Среди таких слов четко выделяются слова, имеющие конкретное денотативное значение и обозначающие реалии новозаветной эпохи: это прямые заимствования из греческого оригинала (Ин 13, 4 *лентион* (СП *полотенце*), Лк 7, 37 *алавастр* (СП *алавастровый сосуд*), Мф 27, 2 *игемон* (СП *правитель*)), Мф 2, 11 *ливан* (СП *ладан*)) и славянское слово *пенязь* (Мф 20, 2; СП *динарий*). Видимо, данные лексемы, употребленные в евангельском тексте для обозначения конкретных исторических реалий, не вошли в систему русского языка, поэтому и отсутствуют в соответствующих словарях. Тем не менее, согласно Национальному корпусу, они употребляются в текстах: слова *алавастр* (5 вхождений), *игемон* (34), *пенязь* (4), *ливан* (5) употребительны в художественной литературе (в произведениях М.А. Булгакова, С.Н. Булгакова, Н.А. Полевого, Ф.В. Булгарина, Д.С. Мережковского, И.А. Бунина). Слово *лентион* употребляется как церковный термин (деталь облачения) и встречается в труде С.А. Диомидова «Указатель порядка архиерейских служений», 1915.

2. Большую часть слов указанного пласта составляют лексемы, состоящие из понятных и употребительных корней и аффиксов, сочетание которых, однако, не было характерно для широкого употребления в русском языке, что и обусловило отсутствие таких слов в рассматриваемых лексикографических источниках. Приведем характерные примеры: Мк 4, 47 *урезать* (СП *отсечь*), Лк 7, 38 *созади* (СП *позади*), Мк 5, 43 *сведать* (*знать*), Лк 5, 26 *преславный* (СП *чудный*), Лк 1, 2 *исперва* (СП *с самого начала*), Лк 11, 7 *извнутри* (СП *изнутри*), Ин 16, 2 *возмнить* (СП *думать*), Мф 5, 20 *избыть* (СП *превзойти*), Мф 25, 29 *преизбыть* (*приумножиться*), Ин 5, 35 *светение* (СП *свет*), Лк 8, 16 *свещник* (СП *подсвечник*), Мк 9, 29 *изыти* (СП *выйти*), Мф 14, 58 *неверствие* (СП *неверие*). Все приведенные слова зафиксированы в текстах Национального корпуса русского языка. Ниже приведится краткая информация об употреблении некоторых из них.

Свещник (9)³¹. В значении *подсвечник* употребительно в художественной, богослужбной и богословской литературе: (*Ставится свещник с зажженной свечью* (С.А. Диомидов «Указатель порядка архиерейских служений», 1915); *...и не угасал*

³¹ В скобках приводится общее количество вхождений слова в корпусе. При анализе материала мы выбирали только те контексты, которые относятся к периоду 1820–1920-х гг.

свещник ее всю ночь (Буслаев Ф.И. «Идеальные женские характеры Древней Руси», 1858)). В том же значении употреблено в ПКП.

Преизбыть (8). Встречается в художественных и богословских произведениях: (*Пизонский видел, что на нашей просторной земле ...еще нетронутого добра будет и преизбудет на всякую плоть* (Н.С. Лесков «Котин доилец и Платонида», 1890); *...нужно верить в силу добра, которое преизбудет лишь в свободе* (прот. Георгий Флоровский «Пути русского богословия», 1936)). Во всех контекстах видна аллюзия на евангельский отрывок Мф 25, 29, в котором и употребляет данное слово Победоносцев (*ибо имущему дано будет и преизбудет*). Во всех контекстах слово имеет значение *умножится, будет больше*.

Созади (24). Встречается в художественной и богослужебно-богословской литературе (*Ей создади ветерок попутный дунул* (Б.В. Шергин «Волшебное кольцо», 1930); *прочие священники идут создади архиерея* (С.А. Диомидов «Указатель порядка архиерейских служений», 1915)). Во всех контекстах имеет значение *сзади, позади*.

Светение (3). Употребляется в произведении Н. С. Лескова «Запечатленный ангел» (1873): *...Марой мог видеть около Луки светение, которое принял за ангелов; Со мною не было фонарей. – Откуда же светение?* Кроме того, встречается в произведении митр. Антония (Блума) со ссылкой на письма свт. Феофана Затворника: *И есть несколько писем святого Феофана Затворника...о том, что есть естественное светение, когда нам делается внутренне тепло и как бы светится правда в нас...* (Митр. Антоний (Блум) «Я хочу поделиться с вами всем, что накопилось», 1998:). Во всех контекстах, как и в ПКП, слово имеет значение *свечение* (излучение света).

Сведать (34). Встречается в художественных произведениях Д.С. Мережковского, П.И. Мельникова-Печерского, Н.С. Лескова. Всегда имеет значение *узнать* (*Бог мне помог об этом сведать* (Д.С. Мережковский «Петр и Алексей», 1905)).

Исперва (18). Встречается в текстах С.С. Есенина, В.С. Соловьева, В.В. Крестовского, митр. Филарета (Дроздова). Во всех контекстах имеет значение *сначала, сперва* (*Таковым оно [христианство] и явилось исперва* (В.С. Соловьев «Оправдание добра», 1899)).

3. Отдельную группу составляют слова, которые можно назвать архаизмами (они исчезли из словарей, но продолжают употребляться как стилистически маркированные). По количеству слов данная группа сопоставима с предыдущей. Приведем наиболее

характерные примеры: Лк 17, 12 *сретить* (СП *встретить*), Мф 23, 29 *зиждет* (СП *строит*), Мф 7, 11 *кольми паче* (СП *тем более*), Лк 12, 52 *отселе* (СП *отныне*), Мф 6, 6 *клеть* (СП *комната*), Ин 4, 11 *студенец* (*колодезь*), Ин 13, 38 *петел* (*петух*), Мф 25, 30 *неключимый* (СП *негодный*), Лк 6, 7 *назирать* (СП *наблюдать*), Мк 16, 5 *одеянный* (СП *облеченный*). Охарактеризуем использование некоторых приведенных слов в корпусе.

Кольми паче (153). Широко употребляется в текстах Д. С. Мережковского, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. К. Толстого и др. Во всех контекстах, как и в ПКП, имеет значение *насколько больше*.

Одеянный (5 в основном, 8 в поэтическом). В основном корпусе слово встречается в произведениях В.В. Вересаева, В.С. Соловьева (всегда в контекстах, посвященных описанию древних времен), у Салтыкова-Щедрина. Кроме того, в поэтическом корпусе зафиксировано в стихотворениях Ф.И. Тютчева («Одеянный блистательной зарею», 1816), П.П. Ершова (*одеянный лучами* «Послание другу», 1836), Б.Ю. Поплавского (*одеянный цветами* «Жалость», 1923).

Петел (13 в основном, 56 в поэтическом). Употребляется в художественных текстах А.П. Чехова, К.А. Федина, Б.А. Лавренева, Г.П. Данилевского, Н. Клюева, Б.Ю. Поплавского. Во многих контекстах присутствует отсылка на евангельский сюжет Мф 26, 74 об отречении Петра (*Но в ночи кукарекнет петел, как назад две тысячи лет* (Н. Клюев «Поселиться в лесной избушке», 1919)). В ПКП в параллельных контекстах наряду с данным словом употребляется и существительное *петух* (Мф 26, 74; Ин 18, 27).

Зиждет (25 в основном и 36 в поэтическом). Используется в художественных, философско-богословских текстах Ф.Ф. Зелинского, Ф.М. Достоевского, А.И. Гончарова, еп. Игнатия (Брянчанинова), Иоанна Кронштадтского. Практически во всех контекстах употребляется в сочетании с абстрактными существительными (*зиждет доброту, братство, язык*). В ПКП встречается в отрывке Мф 23, 29 (*Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что зиждете гробницы пророкам...*). Не случайно слово употреблено в сочетании с существительным, имеющим конкретное значение (*гробница*): в данном контексте высокий стиль глагола подчеркивает нелепость лицемерной, внешней праведности фарисеев.

4. Отдельно можно говорить о семантических архаизмах (устаревшие значения слов): в исследуемом переводе употребляется глагол *разорить(ся)* в значении

нарушить(ся) (Ин 10, 35; СП нарушиться), глагол **передать** в значении *передать* (Мф 5, 25; СП поручить), существительное **страхование** в значении *ужас, нечто пугающее* (Лк 21, 11; СП ужасные явления) и др. Данные слова присутствуют в СУ, но значение, в котором они употреблены в ПКП, в нем не отражены. В текстах Национального корпуса, тем не менее, присутствуют именно те лексико-семантические варианты, которые использует К.П. Победоносцев.

Разорить. В сочетании с абстрактными существительными употребляется в произведениях Г. Флоровского (*разорить заповедь*), Н. К. Гудзия (*разорить веру*), Иоанна Кронштадтского (*разорить Церковь*). В приведенных контекстах, так же, как и в ПКП, имеет значение *не соблюсти, нарушить*.

Предать. Глагол в большинстве случаев употребляется метафорически, с абстрактными существительными (*предать забвению, предать огню, предать смерти*) или в значении *обмануть, изменить*. В некоторых контекстах употребляется в том же значении, что и в ПКП (*передать*): например, в «Капитанской дочке» А.С. Пушкина (*Пугачев предал им свою наложницу*).

Страхование. В текстах корпуса используется в основном как юридический термин (с таким же значением присутствует в СУ). В некоторых контекстах имеет то же значение, в котором употреблено в ПКП. Например, в произведениях Игнатия (Брянчанинова), в «Русской истории» Н.И. Костомарова (*в Москве великое страхование, город затворяют рано вечером и поздно утром отворяют*). Интересно, что в Словаре 1847 года значение «*ужас, страшное явление*» указано как основное.

5. К.П. Победоносцев употребляет в переводе такие слова из церковнославянского текста, которые, хоть и отсутствуют в словарях, однако, согласно корпусу, часто используются в художественной и богословской литературе, но не самостоятельно, а в составе цитат из библейских или богослужебных текстов. Такие слова можно условно назвать «цитатными» словами: они знакомы и понятны носителям русского языка именно благодаря известным цитатам, в составе которых они употребляются и воспроизводятся. Приведем наиболее характерные примеры.

Вскую (56), в ПКП употреблено в Мф 27, 4. Слово широко употребляется в художественных текстах Б.Л. Пастернака, В.Г. Короленко, Д.С. Мережковского, М. Горького, В.Я. Шишкова в составе цитат из евангельского повествования Мф 27, 46 о крестной смерти Христа (*Боже мой! Вскую мя еси оставил*), из известных библейских и

богослужбных текстов (псалмы 2 и 41 и канон Богородице и на Лазареву субботу: *Вскую шаташася языцы и людие поучишася тщетным* (Пс 2, 1); *Вскую печалуеши, душе...* (Пс 41, 6); *Вскую мя отринул еси от лица Твоего* (5 песнь канона на Лазареву субботу)). Данные цитаты употребляются в текстах указанных авторов дословно или с небольшими изменениями (*Вскую мя оставил еси... – сказал он вдруг* (В.Г. Короленко «Слепой музыкант»); *Вскую шаташася, – старец произносил слова эти каким-то загадочным голосом* (В.Я. Шишков «Емельян Пугачев»); *Вскую отринул мя еси от лица Твоего, свете незаходимый* (Б.Л. Пастернак «Доктор Живаго»)).

Велий (86), в ПКП употреблено, например, в Мк 15, 37. Используется в основном в цитатах из богослужбных текстов (*Кто Бог велий, яко Бог наш* (великий прокимен, Пс 76); *Велий еси Господи, и чудна дела Твоя* (из чина Крещения). Встречаются в произведениях Мельникова-Печерского (*Дьякон Мемнон во всю мочь распевал великий прокимен первого гласа: «Кто Бог велий, яко Бог наш»* («На горах» (1881)), Никифорова-Волгина (*Священник читал молитву «Велий еси Господи, и чудны дела Твоя...»* («Крещение» (1938))).

Отроча (67), в ПКП встречается в Мф 18, 4. Употребляется в художественной литературе в составе цитат из Кондака Рождеству Христову, из евангельских текстов Лк, 18, 17; Мк 10, 9 о царствии Божиим, из евангельского отрывка Мф 2, 13 о Рождестве Христовом (*Великий бо завтра праздник – родится Отроча младо, предвечный Бог*. (Е. А. Гагарин «Поездка на святки»); *Иже аще не примет царствия божия, яко отроча, – не иматъ внити в не*. (М. Горький «Жизнь Матвея Кожемякина»); *Востав пойми отроча и Матерь его...* (А.П. Чехов «Мужики»)).

Внити (63), в ПКП используется, например, в Мф 19, 24. Употребляется в составе цитат из приведенного выше евангельского отрывка Мк 10, 15 о царствии Божиим, из текста песнопения вечерни первой седмицы Великого поста (*Изринувшися из рая, воздержанием страстей потщимся внити* (Б.Л. Пастернак «Доктор Живаго»)). Встречаются контексты, содержащие аллюзию на известные богослужбные тексты, как, например, в произведении А.Ф. Писемского «Люди сороковых годов» (1869): *В воображении Павла вдруг представился чертог Господа и та светлая одежда, которую надобно иметь, чтобы внити в него* (отсылка к тексту великопостного песнопения Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный, и одежды не имам да вниду вонь).

III. Наконец, третий пласт составляют такие слова (словоформы³²), заимствованные из церковнославянского текста, которые не отражены ни в СУ, ни в текстах Национального корпуса русского языка. Мы выявили 15 таких слов и разделили их на небольшие подгруппы: слова-термины (Ин 12, 3 *литра* (СП *фунт*), Мф 9, 9 *мытница* (СП *сбор пошлин*), Мк 15, 16 *спира* (СП *полк*), Мф 21, 7 *жеребя* (СП *молодой осел*)); слова с нехарактерным оформлением корня (Мф 13, 58 *неверствие* (СП *неверие*), Мк 7, 18 *неразумливый* (СП *непонятливый*), Мф 13, 21 *привременный* (СП *непостоянный*), Ин 16, 23 *воспросить* (СП *спросить*)); слова, употребленные без характерного для них префикса (Ин 17, 19 *свящу* (СП *посвящу*), Мф 22, 5 *небрегии* (СП *пренебрегии*), Ин 21, 18 *пояшет* (СП *препояшет*), Мк 8, 11 *стязаться* (СП *спорить*)); сложные слова (Мф 27, 39 *мимоходящие* (СП *проходящие*), Мк 7, 22 *студодаяние* (СП *непотребство*), Лк 6, 1 *второпервая* (*суббота*) (СП *первая по втором дне Пасхи*)).

Интересно, что 6 из выделенных слов употреблены в указанных контекстах в переводе Жуковского: *мытница*, *литра*, *спира*, *неразумливый*, *мимоходящие*, *второпервая*. Возможно, Победоносцев оставил в своем переводе данные слова именно с опорой на перевод Жуковского, с которым был знаком и о котором отзывался положительно [Победоносцев 1906, с. II].

Слово *жеребя*, употребленное Победоносцевым – это редкий пример не стилистического, а смыслового отличия от СП, в котором данное слово переведено как *молодой осел*. На наш взгляд, Победоносцев сохранил церковнославянский вариант с опорой на тексты и песнопения, употребляемые на богослужении, посвященном празднику Входа Господня в Иерусалим (вербное воскресенье), в которых упоминается именно *жеребя*. Например, в тексте кондака (*На престоле на небеси, на жребяти на земли носимый, Христе Боже...*), в отпусте (*Иже на жребяти осли сести изволивый...*).

Итак, употребление Победоносцевым особой лексики, маркированной с точки зрения сферы употребления, исторической перспективы, создает особый стиль языка перевода, дистанцируя его от «обыденной речи» [Победоносцев 1906, с. III]. Использование **славянизмов** является, по мнению автора, единственным путем к созданию перевода «на языке, достойном славянского подлинника, на языке, который не тревожил бы уха, знакомого с гармонией церковного чтения» [Там же, с. II]. Данный

³² Некоторые слова из данной группы мы приводим для наглядности в том виде, как они употреблены в ПКП, а не в начальной форме.

переводческий принцип автора и объясняет основную особенность словарного состава перевода: поскольку он был создан для людей, находящихся в православной богослужебной традиции, в нем максимально сохраняется словарный состав литургического церковнославянского текста. При этом Победоносцев не просто переносит церковнославянскую лексику в текст своего перевода, а производит тщательный отбор языковых средств и, как показывает собранный материал, использует в основном те лексемы, которые были употребительны в определенных текстах языка его эпохи.

Для того, чтобы составить полное представление о подходе Победоносцева к отбору лексических средств для языка перевода, необходимо рассмотреть, какие слова из церковнославянского текста не сохраняются автором и выявить основные мотивы данного явления.

2.1.2. Отход от церковнославянского текста и причины данного явления

В большинстве случаев несохранение церковнославянских слов связано с тем, что они, по мнению автора, непонятны читателям. При этом все переведенные на русский язык слова мы условно разделили на две группы: лексические и семантические архаизмы.

I. Лексические архаизмы (устаревшие слова, не сохранившиеся в активном и пассивном запасе и не понятные без словаря [ЛЭС, с. 540]). Путем сопоставления ПКП с церковнославянским текстом лишь на материале первых 16 глав евангелия от Матфея, нами было выявлено 66 лексических архаизмов. Такой результат говорит о том, что Победоносцев, осуществляя отбор церковнославянских лексем для своего перевода большее количество слов не сохранял. Некоторые примеры в алфавитном порядке представлены в таблице 14³³:

³³ Полный список лексических архаизмов приведен в Приложении II.

«Лексические архаизмы»

Контекст	церковнославянский текст	СП	ПКП
Мф 4, 3	ѡце	если	если
Мф 3, 4	дѣвѣй	дикий	дикий
Мф 5, 18	дождеже	доколе	доколе
Мф 9, 15	донелѣко время	пока	доколе
Мф 11, 20	занѣ	за то, что	что
Мк 16, 4	вѣлѣ	весьма	очень
Мф 2, 9	идѣже	где	где
Мф 27, 23	ѣзлиха	сильнее	крепче
Мф 5, 19	мнѣй	малейший	меньший
Мф 4, 18	мрѣжи	сети	сети
Мф 3, 4	прѣжѣ	акриды	акриды
Мф 1, 19	тай	тайно	тайно
Мф 5, 13	точию	только	только
Мф 8, 20	ѣзвинны	норы	норы
Мф 3, 12	потребитѣ	очистит	очистит
Мф 5, 29	оуды	члены	члены
Мф 5, 29	оуне	лучше	лучше
Мф 3, 4	оусмѣнѣ	кожаный	кожаный

Указанные слова не отражены в СУ и в словаре языка Пушкина. Лишь некоторые из них представлены в Словаре 1847 года. Собранный материал показывает, что Победоносцев руководствовался не просто личными предпочтениями, а следовал традиции, заложенной еще М.В. Ломоносовым, который выступает против использования в русском литературном языке «неупотребительных и весьма обветшалых «славенских речений», таких как *овогда, рясны, обаваю, свене*» [цит. по: Успенский 1994, с. 146].

II. Семантические архаизмы (устаревшие значения слов, сохранившихся в активном запасе [ЛЭС, с. 540]). На материале первых 16 глав евангелия от Матфея и

двух глав евангелия от Луки нами было выявлено 25 таких лексем. В таблице 15 представлены наиболее характерные примеры³⁴:

Таблица 15

«Семантические архаизмы»

Некоторые контексты	Церковно-славянское слово	Значение слова в НЗ, устаревшее для русского языка эпохи Победоносцева	вариант ПКП	вариант СП
Лк 12, 13	до҃сто́ѡнїе	‘наследство, имение’	имение	наследство
Лк 5, 29	о҃учреждѣнїе	‘угощение’	пирование	угощение
Лк 12, 29	возносїтисѧ	‘волноваться, беспокоиться’	волноваться	беспокоиться
Лк 12, 56	искѹшати	‘распознавать’	распознавать	распознавать
Мф 2, 8; 16	извѣстнѡ	‘точно, как следует’	достоверно	тщательно
Мф 3, 14	требовати	‘иметь нужду’	мне потреба	мне надобно
Мф 5, 24	смирїтисѧ	‘примириться’	примириться	примириться
Мф 5, 43	искреннїй	‘близкий’	ближний	ближний
Мф 6, 34	о҃утренїй	‘завтрашний’	завтрашний	завтрашний
Мф 13, 33	квѧсъ	‘закваска’	закваска	закваска
Мф 13, 38	селѡ	‘поле’	поле	поле
Мф 16, 3	зимѧ	‘плохая погода’	ненастье	ненастье
Мф 16, 26	измѣна	‘замена’	выкуп	выкуп

Выявление автором указанных лексем очень важно для адекватной передачи смысла текста, так как подобные лексемы могут быть мнимопонятными, а в терминологии О.А. Седаковой, они являются «ложными друзьями переводчика» [Седакова 2005, с. 7].

Среди семантических архаизмов можно выделить особую группу, которую составляют лексемы, воспринимавшиеся в языке эпохи Победоносцева как слова-термины, относящиеся к церковно-богослужебной сфере. В церковнославянском языке указанные лексемы не обладали таким терминологическим значением, поэтому для адекватной передачи смысла текста они не были сохранены в переводе Победоносцева.

³⁴ Весь список приведен в Приложении III.

Приведем наиболее характерные примеры: *заповедать, искушать (искушение), молить, причастник, храм, юродивый*. Остановимся подробнее на каждом из указанных слов.

Молити

Лк 5, 3 *Ѡлѣзѣ же въ ѡдинѣ ѿ кораблю, ѡже бѣ і́мѡновѣ, молѣ ѡгò ѿ землѣ ѿстѡпѣти мѡлѡ / СП *Войдя в одну лодку, которая была Симонова, Он просил его отплыть несколько от берега / ПКП *И вошел в один корабль, – и тот был Симонов, – просил его отплыть немного.***

В церковнославянском языке глагол имел значение *служить, просить, ходатайствовать* [Словарь 1847, с. 315]. В русском языке исследуемого периода основное значение слова – *просить, умолять* [СУ], оно употреблялось как синонимичное слову *молиться*. В приведенном отрывке говорится о Христе, который обращается с просьбой к Симону, поэтому Победоносцев, следуя за СП, употребляет глагол с более широким и нейтральным значением (*просить*). Интересно, что в других контекстах, когда просьба обращена ко Христу (например, Мф 8, 5), автор сохраняет вариант, употребленный в церковнославянском тексте (*молить*).

Заповедати

Лк 5, 14 *И тóй заповѣда ѡмѡ никомѡже повѣдати / СП *И Он повелед ему никому не сказывать / ПКП *И велел ему никому не сказывать.***

В церковнославянском языке глагол имел значение *приказывать, повелевать, объявлять* [Словарь Дьяченко, с.195]. В русском языке значение лексемы сузилось: глагол стал означать *завещать что-либо сделать, предписать что-н. как заповедь* [СУ]. В приведенном отрывке содержится просьба Христа не рассказывать никому о совершенном Им чуде исцеления. Русский глагол *заповедать*, соотносящийся прежде всего с десятью заповедями Моисея и новозаветными заповедями блаженства, не подходит по значению для данного контекста, чем и объясняется решение Победоносцева не сохранять церковнославянский глагол в приведенном отрывке.

Искушати

Лк 12, 56 *Лицемерѣри, лице небу ѡ землѣ вѣстѣ искушати: време же сегò кѡкѡ не искушате; / СП *Лицемеры! Лице земли и неба распознавать умеете, как же времени сего не узнаете? / ПКП *Лицемеры! лице неба и земли умеете различать: как же времени сего не распознаете?***

Согласно словарю 1847 года, глагол имеет два значения: 1. *испытывать, изведывать*. 2. *соблазнять, прельщать* [Словарь 1847, т.1, с.138]. Для людей воцерковленных, которые часто слушают и читают молитву *Отче наш*, где слово *искушение* является синонимом существительного *соблазн*, и которые знакомы с евангельским отрывком об искушении Христа в пустыни (Мф 4; Лк 3), в качестве основного осознается именно второе значение глагола (*соблазнять*). В приведенном контексте глагол употреблен в первом значении, поэтому сохранение церковнославянского варианта нарушило бы ясность отрывка. Именно поэтому Победоносцев использует вместо церковнославянского глагола слова *различать* и *распознавать*.

Причастник

Лк 5, 7 И поманѹша причѣстникѡмъ, ѿже бѣхѹ во дрѹзѣмъ кораблѣ, да пришедше помогѹтъ ѿмъ / СП И дали знак товарищам, находившимся на другой лодке, чтобы пришли помочь им / ПКП И поманили товарищам, бывшим в другом корабле, чтобы пришли помочь им.

В церковнославянском языке основным значением существительного было *соучастник, общник*. В словаре 1847 года в качестве первого дается то же значение [Словарь 1847, т.3, с. 457]. В СУ зафиксировано в качестве основного уже другое значение: *тот, кто принимает причастие*. Именно в таком значении воспринималась данная лексема и в языке начала XX века. В приведенном контексте употреблен лексико-семантический вариант *соучастник*, поэтому Победоносцев, вслед за СП, передает данное значение русским существительным *товарищ*.

Юродивый

Мф 25, 2 Пѣть же бѣ ѿ нѣхъ мѹдры, ѿ пѣть ѿрѡдивы / СП Из них пять было *мудрых* и пять неразумных / ПКП пять же из них были *мудрыя*, и пять неразумныя.

В церковнославянском языке у данного слова основным было значение *безумный, глупый, чудаковатый*. То же значение дается в качестве основного в словаре 1847 года и в словаре Ушакова. Однако в словарях не отражен тот факт, что для людей, близко знакомых с православной богослужебной традицией, слово *юродивый* воспринимается прежде всего как наименование типа святости (например, *блаженный Андрей, Христа ради юродивый*). В притче о десяти девах слово *юродивый* употреблено в основном

значении (*нерадивые, глупые*), и Победоносцев, в целях сохранения ясности контекста, использует вариант Синодального перевода (*неразумные*).

Храм

Лк 5, 19 И не ѡбръѣтше къдѣ внигнѣ ѿгò, народа рѣди, възлѣзше на храмъ, сквозѣ скѡдѣлы низвѣнша ѿгò / СП и, не найдя, где пронести его за многолюдством, влезли на верх дома и сквозь кровлю спустили его / ПКП и, не найдя, где пронести его, за множеством народа, влезли на кровлю, и сквозь черепицы спустили его

В церковнославянском языке существительное храм употреблялось в двух значениях: 1. дом 2. храм [Седакова 2005, с.387]. В приведенном отрывке речь идет о *доме* (буквально: *влезли на дом*). В словаре Ушакова указано только второе значение слова: *здание для богослужения, церковь*. Победоносцев не сохраняет церковнославянский вариант и для адекватной передачи смысла использует лексему с более конкретным значением (*взойти на кровлю*).

Некоторые современные исследователи считают перевод Победоносцева неудачным и обвиняют автора в искусственном соединении в одном тексте русского и церковнославянского начал: «В своем переводе Победоносцев не замечает существенных недостатков. Он не чувствует, что насильственное сталкивание двух разнородных языковых структур в одном тексте сильно затрудняет, а порой даже искажает самый смысл Священного Писания» [Грехнев, Миркина 2000, с. 413]. Далее в подтверждение своей позиции авторы без комментариев приводят несколько отрывков из перевода, содержащих, в том числе слова *страхование, глагол* и другие подобные лексемы, которые, как показано в тексте настоящего исследования, во времена Победоносцева употреблялись несколько иначе, чем в русском языке конца XX века. При оценке перевода авторы экстраполируют свое языковое восприятие на текст начала XX века, что, на наш взгляд, является методологической ошибкой и потому приведенный выше отзыв не может претендовать на объективность.

Собранный нами материал свидетельствует о том, что Победоносцев не просто реализовывал при переводе свои личные языковые предпочтения, а соотносил материал с реальной языковой ситуацией эпохи: показательно в этом отношении, что большее количество слов, не сохраненных автором из церковнославянского текста (лексические архаизмы), отсутствуют в словарях, представляющих язык эпохи Победоносцева; более того, некоторые даже не представлены в словаре 1847 года. Напротив, сохраненные

автором церковнославянские слова в абсолютном большинстве отражены в словарях и в текстах Национального корпуса русского языка.

2.1.3. Некоторые особенности употребления местоименно-служебных слов

В данном параграфе мы рассмотрим некоторые наиболее характерные особенности языка перевода, связанные с употреблением некоторых местоимений, союзных слов и простых предлогов. Составные союзы, производные предлоги, частицы, употребляемые в ПКП, описаны среди полнозначной лексики, так как имеют собственную стилистическую характеристику, которая не зависит от контекста.

1. Одной из характерных и частотных особенностей в сфере служебной лексики является последовательное исключение автором из языка перевода союзного слова *который*. В предисловии к переводу Победоносцев пишет: «Для чего пестрить взятую с славянского евангельскую речь негармоничным и неуклюжим *который*? Есть возможность вместо этого – с изменением оборота ставить *он, кто*, или прибегать к употребительному *что*» [Победоносцев 1906, с. III–IV]. В СП данное союзное слово употребляется около 250 раз. Победоносцев во всех случаях либо находит ему синонимичную замену, либо перестраивает полностью синтаксическую конструкцию с целью избежать его употребления.

Мф 27, 55 Бѣхѹ же тѹ ѿ жєныи многѣи ѿдалѣча зрѣще, ѿже ѿдоша по ѿи҃сѣ ѿ галїлїи, слѹжаще ємѹ / СП Там были также и смотрели издали многие женщины, которые следовали за Иисусом из Галилеи, служжа Ему / ПКП Были там и жены многия и смотрели издали, те что следовали за Иисусом из Галилеи, служжа Ему.

Мф 27, 60 И положи є въ новѣмъ своѣмъ гробѣ, ѿже ѿсѣчє въ камени / СП и положил его в новом своем гробе, который высек он в скале / ПКП и положил его в новом своем гробе, что высек он в скале.

Мк 16, 9 Воскрѣсѣ же ѿи҃сѣ ..., ѿвѣсѣ прѣжде марїи магдалини, ѿз неѿже ѿзгна єдмь бѣсѹвъ / СП Воскресши ..., Иисус явился сперва Марии Магдалине, из которой изгнал семь бесов / ПКП Воскресши же Иисус ..., явился прежде Марии Магдалине, из коей изгнал семь бесов.

Лк 12, 46 Прїидетѣ господїнъ раба того въ день, вонъже не чаетѣ, ѿ въ часѣ вонъже не вѣстѣ / СП то придет господин раба того в день, в который он не ожидает,

и в час, в который не думает / ПКП *приидет господин раба того в день, когда не чаает,*
и в час, о коем не думает.

Лк 12, 47 Тѡй же раба вѣдѣвый волю господина своего, и не оуготѡвае / СП
Раб же тот, который знал волю господина своего, и не был готов / ПКП Раб же тот,
кто знал волю господина своего, и не уготовал...

Другие случаи, когда автор с целью избежать слова *который* меняет конструкцию предложения, рассмотрены ниже, в разделе, посвященном синтаксическим особенностям перевода (с. 98).

Тем не менее, в ПКП встречается несколько контекстов, когда автор все же использует лексему *который*. Это такие случаи, когда данное слово выступает в качестве вопросительного местоимения и употреблено также и в церковнославянском тексте: Мф 21, 31 (*Который из двух сотворил волю отчую?*), Лк 20, 33 (*Которому из них будет она женою?*), Ин 4, 52 (*В котором часу стало ему легче?*);

2. Победоносцев сохраняет некоторые особенности употребления простых предлогов, характерные для церковнославянского текста.

- Употребление (в основном постпозитивное) предлога *ради*:

Мф 27, 19 ѿгвѣди ради / СП *за Него* / ПКП *Его ради*.

Мк 3, 9 народа ради / СП *по причине многолюдства* / ПКП *ради народа многого*

Мф 27, 18 зависти ради / СП *из зависти* / ПКП *зависти ради*.

Сюда примыкают и те случаи, когда Победоносцев использует предлог *ради* на месте другого предлога, стоящего в церковнославянском тексте, но непонятного читателю:

Ин 10, 19 за словеса еих / СП *От (этих слов)* / ПКП *ради (слов сих) снова распря произошла у Иудеев*

- Употребление предлога *на* в значении *против*:

Мф 27, 13 на тебѣ / СП *против Тебя* / ПКП *на Тебя*

Лк 12, 52 трѣе на двѣ, и двѣ на трѣх / СП *трое против двух, и двое против трех* / ПКП *трое на двух, и двое на трех*.

- Другие особенности употребления предлогов:

Мф 27, 63 по трѣехъ днѣхъ / СП *после трех дней* / ПКП *по трех днях*

Мк 16, 15 шѣдше въ мѣръ весь / СП *идите по всему миру* / ПКП *идите в мѣръ весь*

Мк 3, 22 ѿ ѱеруѳалима низшедшии / СП *пришедшие из Иерусалима* / ПКП *пришедшие от Иерусалима*.

Данное употребление не затемняет смысл контекста, но, воссоздавая колорит церковнославянского текста, выполняет стилеобразующую функцию.

3. К.П. Победоносцев старается избегать в языке перевода местоимения *этот* (*это*): «Для чего заменять всюду *сей* разговорным *этот*?» [Победоносцев 1906, с. IV].

Местоимение среднего рода *сие* в переводе Победоносцева является наиболее «высокой» в стилистическом отношении формой. Она используется в основном в речи Христа, в отрывках, употребляемых в богослужении (Ин 14, 25; Ин 15, 11; Ин 16, 3). Там, где речь идет о более приземленных вещах, Победоносцев всегда заменяет *это* на *то* считая первый вариант (*это*) нежелательным для языка Священного Писания, а второй вариант (*то*) более или менее подходящим:

Мф 27, 6 недостойно ѳрѣчь вложити ихъ въ корванѣ, понеже цѣна крове ѳрѣчь / СП *непозволительно положить их в сокровищницу церковную, потому что это цена крови* / ПКП *не достойно положить их в сокровищницу церковную; понеже то цена крови*.

Лк 12, 30 вѣсѣхъ во ѱихъ ѱзыцы мѳра сегѡ ѱцѣтѣхъ / СП *потому что всего этого ищут люди мира сего* / ПКП *всего того люди мира сего ищут*.

Лк 12, 31 Обаче ищѣте цѣрѣтвѣа вѣжѣа, и ѱѣа вѣа приложѣтѣа вѣамъ / СП *наипаче ищите Царствия Божия, и это всё приложится вам* / ПКП *паче же ищите Царствия Божия, и то все приложится вам*.

Показательно соотношение в ПКП рассматриваемых функциональных вариантов местоимения:

этот (10) – *сей* (111);

это (82) – *сие* (94).

Применительно к данным вариантам действует определенная закономерность при их распределении по контекстам: местоимение *этот* употреблено в контекстах о Петре: *и этот был с Ним* (Мф 26, 71; Мк 14, 69; Лк 22, 59), в сочетании с существительными, имеющими конкретное значение (Лк 7, 37) или в прямой речи обычных людей (Ин 18, 17); слова *это* и *сие* примерно одинаково частотны, но *сие* обычно употребляется в речи Христа и во всех богослужебных отрывках (Ин 15, 17; 17, 13; Лк 24, 40).

4. В некоторых контекстах Победоносцев сохраняет в переводе церковнославянское союзное слово *иже*. Автор употребляет его всегда в составе словосочетания *Отец, иже на небеси (небесах / небесех)* (Мф 16, 17), то есть данное слово воспринимается как элемент цельного неделимого словосочетания, заимствованного из церковнославянского богослужебного текста. Всего в переводе оно употреблено 4 раза, в основном в речи Христа.

2.1.4. Слова, созданные на основе церковнославянских

В переводе Победоносцева встречаются слова, которые отличают текст от СП, но и не совпадают с церковнославянским вариантом (в основном по причине их непонятности).

1. К.П. Победоносцев использует слова с тем же корнем, что и в церковнославянском тексте, «русифицируя» славянский вариант следующими способами:

- добавляет аффикс:

Ин 10, 10 да *ймѹтъ* / СП *чтобы имели* / ПКП *да примут*

Лк 12, 15 *блѹдѣте* / СП *смотрите* / ПКП *блюдитесь*

Лк 12, 17 *мыслѣше* / СП *рассуждал* / ПКП *помышлял*

Мф 27, 19 на *сѹдѣнцѣ* / СП *на судейском месте* / ПКП *на судьбище*

Мк 16, 14 *послѣдѣ* / СП *наконец* / ПКП *напоследок*

Лк 1, 4 да *разѹмѣши* / СП *чтобы ты узнал* / ПКП *дабы уразумел ты*

- изменяет аффикс:

Лк 5, 15 *прохождѣше слово* / СП *распространялась молва* / ПКП *расходилась молва*

Мф 25, 24 *прѣмый* / СП *получивший* / ПКП *привывший*

Мф 15, 36 *прѣмѣ* / СП *взяв* / ПКП *привяв*

- изменяет фонетический облик слова:

Мф 25, 30 *вверзѣте* / СП *выбросьте* / ПКП *ввергните*

Мф 27, 47 *нѣцыи* / СП *некоторые* / ПКП *некие*

Интересны случаи, когда Победоносцев, славянизируя текст СП, сам создает то или иное слово с использованием словообразовательных ресурсов, которые являются характерными для лексем церковнославянского языка:

Лк 7, 7 рѣцѣ / СП скажи / ПКП изреки

Лк 7, 27 оустроитѣ путь / СП приготовит путь / ПКП уготовит путь

Мк 15, 43 бѣ чѣл / СП который ожидал / ПКП чаятель

Подобные примеры немногочисленны в тексте Победоносцева, и, как показано в разделе об источниках перевода, более характерны для перевода Жуковского (с. 115).

Приведенные лексемы также можно отнести к славянизмам, и все они отражены в СУ и текстах Национального корпуса русского языка.

2.2. Евангельский перевод К.П. Победоносцева: фонетические и морфологические особенности

В данном параграфе представлены основные фонетические и морфологические особенности ПКП, выявленные методом сплошной выборки. Данные особенности также обусловлены стремлением автора приблизить язык перевода к церковнославянскому богослужебному тексту. Следует учесть, однако, что представленные ниже языковые черты не имеют в тексте Победоносцева универсального характера: выделенные фонетические и морфологические элементы, заимствованные из церковнославянского текста, употребляются автором наряду с русскими аналогами.

2.2.1. Фонетические особенности перевода

- Победоносцев широко по тексту употребляет слова с неполногласными сочетаниями (*злато, древо, град, влачить, вран, власы, врата, чреда*). Именно неполногласное сочетание является тем элементом, который делает слово стилистически маркированным: данные слова охарактеризованы в СУ как церковно-книжные риторические и поэтические (таблица 11). Показательно, что наряду с ними автор использует и русские эквиваленты без неполногласных сочетаний:

древо (18) – *дерево* (2)

глава (24) – *голова* (10)

злато (5) – *золото* (0)

град (23) – *город* (67)

власы (6) – *волосы* (3)

глас (40) – *голос* (6)

К данным примерам примыкает слово *сребро* (употреблено в ПКП, например, в Мф 25, 27), которое этимологически не содержит неполногласия, но воспринимается именно как славянизм в соотношении со словом *серебро*³⁵.

Только применительно к некоторым парам слов можно проследить закономерность в распределении вариантов по контекстам. Например, русский вариант *голова* употребляется в контекстах, где говорится об отрицательных персонажах (Мк 15, 29), обобщенно обо всех людях (Мф 10, 30; Лк 21, 18). В остальных случаях использован неполногласный вариант (в контекстах о Христе, в речи Христа). В СП неполногласный вариант слова встречается только в трех контекстах евангелия от Иоанна, при описании страданий Христа (Ин 19, 30; Ин 20, 7.12).

Неполногласный вариант *власы* применяется в ПКП в контексте о Марии, которая помазала ноги Иисуса (Лк 7, 38; Лк 7, 44; Ин 11, 2); в остальных случаях используется русский вариант (Мф 5, 36; Лк 12, 7). Слово *голос* употребляется только по отношению к обычным людям или отрицательным персонажам (*Пилат* (Лк 23, 20), *жена некая* (Лк 11, 27), *дух нечистый* (Мк 1, 26)). Относительно слов *город / град* нельзя четко выделить закономерности: всегда употребляется неполногласный вариант в словосочетании *святой град* (Мф 4, 5; Мф 27, 53); в остальных случаях употребляются оба варианта в схожих контекстах (например, в речи Христа в Лк 24, 49 употреблен вариант *град*, а в Мф 10, 23 – *город*).

Интересно, что исследователь языка Пушкина Г.О. Винокур выделяет в творчестве поэта похожий набор слов, содержащих неполногласные сочетания (*хладный, младой, златой, глас, глава, град, брег, власы, врата, древо, здравие, чреда, праздный*) [Винокур 1959, с. 369], и также отмечает, что «...рядом с ними почти всегда оказываются их полногласные варианты, и самое употребление тех и других вариантов изредка дифференцировано стилистически и тематически» [там же]. То же можно отметить и применительно к некоторым парам слов в тексте Победоносцева.

³⁵ «Слово серебро восходит к древнему сьребро и потому по происхождению не есть пример «полногласия, но, несомненно, осознавалось как полногласное рядом с словом сребро, звучащим как славянизм» [Винокур 1959, с. 365].

Помимо неполногласных сочетаний, Победоносцев использует в языке перевода такие фонетические элементы, употребленные в церковнославянском тексте, которые участвуют при формообразовании:

- Употребляет сочетание *-жд-* на месте русского *-ж-* или *-д-*:
 - Ин 5, 30 *сужду* (СП *сужу*)
 - Ин 8, 14 *прихожду* (СП *прихожу*)
 - Мф 16, 18 *созижду* (СП *создам*)
 - Мк 1, 34 *страждущий* (СП *страдающий*)
 - Лк 12, 27 *не труждаются* (СП *не трудятся*)
- Употребляет в некоторых словах звук *-щ-* на месте русского *-ч-*:
 - Мк 6, 48 *нощной*
 - Ин 15, 7 *восхощете*
- Употребляет в некоторых словах звук *-ж-* на месте русского *-г-*:
 - Ин 6, 37 *изжену* (СП *изгоню*)
 - Мк 8, 34 *да отвержется* (СП *отвергнись*)
- Употребляет *l-epenteticum*:
 - Лк 22, 44 *каплющий* (СП *падающий*)
 - Лк 9, 56 *погублять* (СП *губить*)
 - Лк 3, 16 *крепльший* (СП *сильнейший*)

2.2.2. Морфологические особенности перевода

2.2.2.1. Морфологические особенности в сфере имени

- На протяжении всего текста перевода встречаются формы прилагательных мужского рода, имеющих в именительном (винительном) падеже окончание *-ый*, на месте русского *-ой*, употребленного в СП:
 - Лк 1, 26 *шестый* (*месяц*)
 - Лк 2, 44 *дневный* (*путь*)
 - Мк 1, 24 *кто Ты, Святый Божий*
 - Мф 21, 26 *вторый*
- Широко по тексту у прилагательных мужского рода в форме родительного падежа употребляется окончание *-аго* как в ударной, так и в безударной позициях:
 - Мф 16, 16 *Живаго*

Мф 3, 10 *Добраго*

Лк 1, 41 *Святаго*

Ин 7, 21 *Человеческаго* (в основном употребляется в сочетании с существительным *Сын*).

- В творительном падеже у слов 3-го склонения нередко используется окончание *-ию* на месте русского *-ью*:

Мк 1, 27 *со властью*

Мк 4, 32 *под сению*

Лк 8, 13 *с радостью*

- У существительных 1-го склонения в форме предложного падежа встречается окончание *-и* на месте русского *-е*:

Лк 18, 8; Ин 17, 4 *на земли*

- В большом количестве контекстов (Лк 6, 26; Лк 18, 11; Ин 3, 19 и др.) для образования множественного числа от слова *человек* используется та же основа, что и в единственном числе (а не супплетивная основа *-люд-*). Показательно соотношение вариантов: *люди* (136) – *человеки* (42). Закономерностей в распределении вариантов не наблюдается. Можно отметить только, что в отрывках, употребляемых в богослужении, употребляется вариант *человеки* (Лк 2, 14).

- Существительные *небо*, *слово*, *камень*, склоняются с наращением основы и с использованием окончаний архаического 3 склонения:

Лк 8, 13; Мф 16, 18 *на камени* (всего такая форма встречается 8 раз)

Мк 11, 25 *на небесех* (всего форма *небеси* (*небесех*) встречается 40 раз. Наряду с ней 21 раз встречается и русская форма – *на небесах*. Их распределение не зависит от смысла контекста).

Мф 19, 1; Мк 13, 31 *словес(а)* (всего встречается 9 раз);

- Используется усеченная основа при образовании форм от существительного *сын*:

Мф 20, 20 *сынов, сынами* (СП *сыновей, сыновьями*)

Мф 12, 27 *сыны* (СП *сыновья*)

- При образовании форм множественного числа от слова *друг* используется основа без чередования:

Ин 15, 13 *за другов* (СП *за друзей*)

Ин 15, 15 *другами* (СП *друзьями*);

- Употребляются особые формы превосходной степени некоторых прилагательных:
Лк 3, 16 *крепльший*
Ин 15, 2 *множайший*
- Существительное *облако* употребляется в мужском роде:
Мф 17, 5 *облак светлый осенил их*
- Встречаются особые формы притяжательных прилагательных:
Лк 20, 37 *Авраамля, Иаковля.*

2.2.2.2. Морфологические особенности в сфере глагола

- В некоторых контекстах используется постфикс *-ся* на месте русского *-сь*.
В основном постфикс *-ся* используется в форме 2 лица множественного числа повелительного наклонения. Такое употребление по всему тексту ПКП встречается 10 раз (*блюдитесь, (не) бойтесь, (не) ужасайтесь, возрадуйтесь, облечетесь, (не) соблазнитесь*). Вариант *-сь* употребляется 92 раза, причем оба варианта могут встречаться в параллельном месте или в ближайшем контексте у одного евангелиста: например, в Лк 6, 23 *возрадуйтесь*, а в Мф 6, 12 *радуйтесь и веселитесь*; в Мк 8, 15 *блюдитесь*, а в Мк 13, 23 *блюдитесь*; Лк 24, 49 *облечетесь*, а в Лк 12, 22 и Мф 6, 25 *облечетесь*. Таким образом, Победоносцев использует и тот, и другой вариант постфикса, русский вариант *-сь* встречается гораздо чаще, но закономерности при выборе варианта не наблюдается.

Судя по текстам Национального корпуса, во времена Победоносцева употребление постфикса *-ся* было характерно для книжного высокого стиля (часто используется в поэзии, например: *И улыбались* *сквозь слезы две чаши, полные огня* (И. Бунин «Роза»)). В современном русском языке оно воспринимается как просторечное [Лагута 1999, с.45].

- В инфинитивах употребляется формант *-ть* на месте русского *-ти*.
Например, в глаголе *(при/про)нести* (3 контекста). При этом чаще употребляется русский вариант *(при/про)нести* (11); закономерности в выборе не наблюдается: в Мф 10, 34 *принести мир*, а в Лк 12, 51 *мир принести* и др.
- При образовании личных форм настоящего времени используется основа с другим, чем в русском языке, глагольным суффиксом:
Лк 3, 16 *крещаю* (СП *крещу*)

Ин 1, 33 *крещает*

Ин 21, 18 *состареешься* (СП *состаришься*)

Мф 4, 8 *показует* (СП *показывает*)

- В некоторых контекстах используется особая форма будущего сложного со вспомогательным глаголом *иметь*:

Ин 5, 71 *имел предать Его*

Ин 7, 39 *имели принять*

- Употребляются особые личные формы от глагола *быть*:

Ин 6, 35; 7, 24 *Есмь*. Употребляется в тексте всего 15 раз, из них 14 – в евангелии от Иоанна, всегда в речи Христа (Ин 10, 14 *Я есмь Пастырь добрый*; Мф 28, 20 *Я с вами есмь во все дни*). В СП тоже используется данная форма (11 раз в евангелии от Иоанна).

Мф 14, 33; Мф 18, 16.18; Лк 11, 2 *Еси*. Всего употребляется 4 раза (в речи Христа или в речи, обращенной ко Христу и в молитве «Отче наш»). В СП не используется.

- Употребляются особые формы императива:

Мк 11, 23; Мф 21, 21 *двигнись*

Мк 12, 29 *слыши*.

Все указанные особенности соответствуют церковнославянскому богослужебному тексту.

2.2.2.3. Морфологические особенности в сфере причастий

- В определенных контекстах используются особые церковнославянские формы именительного падежа действительных причастий (без характерного русского суффикса *-ущ-* (*-ющ-*)):

Ин 6, 57 *живый*

Ин 12, 13 *Грядый*

Ин 1, 18; Ин 3, 13; Лк 16, 23 *Сый*

Как уже отмечалось выше (с. 68, сноска) в СП на месте употребленной Победоносцевым формы *Грядый* используется форма *Грядущий*; там, где Победоносцев употребляет причастие *Грядущий*, в СП используется слово *Идущий* (например, в Ин 1, 15 и Ин 1, 27).

- Используются страдательные причастия прошедшего времени, образованные от особой основы и с помощью суффикса *-ен* на месте русского *-т-*:

Ин 13, 10 *Омовен*

Лк 12, 6 *Забвен*

Лк 12, 47.48 *Биен*

- Употребляется особая форма страдательного причастия прошедшего времени от глагола *яти*:

Ин 8, 3 *Жену, ятую (в прелюбодеянии)*

Ин 8, 4 *Ята ныне;*

- Широко по тексту употребляются формы деепричастий на *-ши* (на месте русского *-я, -в*):

Мф 2, 11 *падши*

Мф 5, 2 *отверзши*

Итак, мы выявили и описали основные фонетические и морфологические особенности, реализованные в переводе К.П. Победоносцева и обусловленные ориентацией автора на церковнославянский богослужебный текст. Данные особенности являются одним из основных стилеобразующих факторов исследуемого перевода. Показательно, что те же черты характерны и для других произведений, принадлежащих к тем или иным разновидностям церковного стиля. Как было показано в разделе «Церковный стиль как особый функциональный стиль русского литературного языка, его особенности и разновидности» (с. 32 и далее), морфологические и фонетические элементы церковнославянского языка широко использовались в молитвах русских подвижников, в произведениях, принадлежащих к церковно-художественной разновидности церковного стиля.

2.3. Евангельский перевод К.П. Победоносцева: особенности синтаксиса

К.П. Победоносцев сохраняет в своем переводе следующие особенности синтаксиса, характерные для церковнославянского текста.

1. Последовательно по всему тексту Победоносцев возвращает пропущенную в Синодальном переводе частицу *же*; данная особенность является наиболее характерной и частотной в языке перевода:

Мф 27, 6 Ἀρχιερεῖς же πρῆμше сребреники, рѣша: / СП *Первосвященники, взяв сребреники, сказали:* / ПКП *Первосвященники же, взяв сребреники, сказали:*

Мф 27, 32 Ἐξοδῶν же ὄβριθόша человека кѳринейска, ἵμεμενъ сίμωνα / СП *Выходя, они встретили одного Кириянина, по имени Симона* / ПКП *Выходя же, встретили человека из Кириянеи, именем Симона;*

Мк 16, 9 Ἐωκρέειз же ἰηсз заўтра, въ первѣю сѣбѣтѣ, ἰαβίса прѣжде маρίи магдаλίни / СП *Воскресши рано в первый день недели, Иисус явился сперва Марии Магдалине* / ПКП *Воскресши же Иисус завтра в первую субботу, явился прежде Марии Магдалине...*

В Синодальном переводе частица *же* встречается, но не так часто и в большем соответствии со смыслом контекста. Победоносцев практически всегда сохраняет указанную частицу, тем самым приближая свой перевод к церковнославянскому тексту по ритмике, стилистике, оттенкам смысла.

2. Одна из основных синтаксических особенностей исследуемого перевода обусловлена стремлением автора четко следовать порядку слов церковнославянского текста. В связи с этим можно выделить следующие особенности порядка слов в языке ПКП:

- В грамматической основе на первом месте стоит сказуемое, на втором подлежащее:

Мф 25, 37 Τοгда ὁβѣціаютъ ε̅мѹ правѣдници / СП *Тогда праведники скажут Ему в ответ* / ПКП *Тогда отвечают Ему праведники;*

Ин 10, 34 Ὡβѣца ἱ̅мъ ἰηсз / СП *Иисус отвечал им* / ПКП *Отвечал им Иисус;*

Лк 12, 30 ἰα̅зыцы міра сегὼ ἵцѹтѹ / СП *ищут люди мира сего* / ПКП *люди міра сего ищут;*

Лк 12, 32 бл҃гоизвѣли о̅цѹ в̅ашѹ / СП *Отец ваш благоволил* / ПКП *благоизволил Отец ваш;*

Мк 16, 6 востѣ, нѣсть здѣ: / СП *Он воскрес, Его нет здесь* / ПКП *Востал Он; нет Его здесь;*

Мф 27, 14 дивѣтисѣ ἱ̅гемωνѹ ε̅φ̅λὼ / СП *правитель весьма дивился* / ПКП *весьма дивился игемон;*

Лк 5, 24 ἵκω вла́сть ἵματὶ снѣ челове́чскѣй на землῆ ὡπδύσῃтн грѣхῶн / СП что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи / ПКП что власть имеет Сын человеческий на земле отпущать грехи;

Ин 10, 24 Ὁβυδόша же εἰς τὸ ἰδῆε / СП Тут Иудеи обступили Его / ПКП Окружили Его тут Иудеи.

- Группа сказуемого находится в препозиции по отношению к сказуемому:

Ин 10, 38 δέλωμα μοῖμα βεῖρῶντε / СП верьте делам Моим / ПКП делам Моим уверуйте;

Мк 3, 22 глаго́лаχϛ: ἵκω веелзевѣла ἵματὶ, ἢ ἵκω ὦ кнѣзѣ бѣсовствѣма ἰзгόνιτѣ бѣсы / СП изгоняет бесов силою бесовского князя / ПКП силою князя бесовского изгоняет бесов;

Мк 3, 23 кáкω мóжетѣ сатанᾶ сатанῶ ἰзгонίтн; / СП сатана изгонять сатану / ПКП сатана сатану изгонять;

Лк 12, 14 μὰ ποστᾶβн / СП поставил Меня / ПКП Меня поставил;

Мк 16, 17 бѣсы ἰжденῶтѣ / СП будут изгонять бесов / ПКП бесов изгонять будут;

Мк 16, 18 на недѣжныа рѣки возложáтѣ / СП возложат руки на больных / ПКП на недужных руки возложат.

- Используется постпозитивное определение:

Лк 12, 16 челове́кϛ нѣкоемϛ богáтϛ / СП у одного богатого человека / ПКП у человека некоего богатаго;

Мф 27, 57 челове́кѣз богáтѣ / СП богатый человек / ПКП человек богатый;

Мф 25, 8 дадѣте нáмѣ ὡ εἶλεα кáшегω / СП вашего масла / ПКП еля вашего.

- Подлежащее употребляется внутри деепричастного оборота:

Мк 16, 9 Воскрéеѣ же ἱῆсѣ зáвтра, вѣ пѣрвѣю сѣбвѣтѣ, ἰáвнѣя пѣжде мари́н магдали́ни / СП Воскресши рано в первый день недели, Иисус явился сперва Марии Магдалине / ПКП Воскресши же Иисус заутра в первую субботу, явился прежде Марии Магдалине

Мф 27, 3 Тога́ вѣдѣвѣз ἰуда пѣдавѣый εἰς, ἵκω ὡсѣднῆша εἰς, раскáлѣвѣа возвратнῆ тѣрдѣсáтѣ сѣребренники / СП Тогда Иуда, предавший Его, увидев, что Он осужден, и, раскаявшись, возвратил тридцать сребренников / ПКП Тогда видя Иуда, предавший Его, что осудили Его, и раскаявшись, возвратил тридцать сребренников

Случаи, когда Победоносцев не сохраняет церковнославянский порядок слов немногочисленны и объяснимы. Например, в Мф 25, 2 в церковнославянском тексте слишком свободный порядок слов (глагол разрывает подлежащее), а в Ин 10, 21 и Лк 12, 22 Победоносцев делает акцент на адекватной передаче тема-рематического членения:

Мф 25, 2 Пáть же бѣ ѿ нѣхъ мѡдры, и пáть юрѡдивы / СП *Из них пять было мудрых* / ПКП *пять же из них было мудрыя*;

Ин 10, 21 сѣи глаголи не сѣть бѣснѡцагѡма: / СП *это слова не бесноватого* / ПКП *не бесноватого это речи*;

Лк 12, 22 Речѣ же ко оѹченикѡмъ своѣмъ: / СП *И сказал ученикам Своим* / ПКП *Ученикам же Своим сказал*

3. Другой характерной линией правки Победоносцевым языка СП является изменение конструкции предложения в соответствии с церковнославянским текстом.

- На месте придаточного предложения, использованного в СП, автор употребляет причастие, инфинитив, предложно-падежную форму или частицу *да* с личной формой глагола:

Мф 25, 41 Тогда речѣтъ и сѣщымъ ѡшѡюю ѣгѡ / СП *и тем, которые* / ПКП *и сущим*;

Лк 12, 13 раздѣлѣти / СП *чтобы он разделил* / ПКП *разделить*;

Мк 16, 12 идѡщима / СП *когда они шли* / ПКП *идушим*;

Мф 27, 17 ѡпѡщѣ / СП *чтобы я отпустил* / ПКП *отпущу*;

Ин 20, 31 Сѣа же писана бѣша, да вѣрѡете / СП *Сие же написано, дабы вы уверовали* / ПКП *Сие же написано, да веруете...*

- Имеют место и обратные случаи, сопоставимые по количеству, когда на месте причастия или отглагольного имени в ПКП употребляется придаточное предложение, как в церковнославянском тексте:

Мк 3, 10 да ѣмѣ прикѡнѡтѣа, ѣлицы имѣахѣ раны. / СП *имевшие язвы бросались к Нему* / ПКП *у кого были язвы, бросались к Нему*;

Лк 12, 36 чѡущымъ гдѣ своегѡ, когдѣ возвратѣтѣа ѿ бракъ, / СП *ожидающим возвращения господина своего с брака* / ПКП *ожидающим господина своего, когда возвратится от брака*

4. В качестве четкой тенденции можно указать на пропуск Победоносцевым подлежащего, выраженного личным или указательным местоимением (встретилось более 40 примеров):

Лк 5, 13 И простѣръ рѣкѹ / СП *Он простер руку* / ПКП *И простер руку*;

Лк 5, 20 И видѣвъ вѣрѹ ѿхъ, рече ѣмѹ / СП *И Он, видя веру их, сказал человеку тому* / ПКП *И, видя веру их, сказал ему*;

Лк 5, 24 рече разслабленномѹ / СП *сказал Он расслабленному* / ПКП *сказал расслабленному*;

Лк 5, 25 И ѿбѣ воставъ предъ ними / СП *И он тотчас встал перед ними* / ПКП *И тотчас встал перед ними*;

Ин 10, 3 ѿ глашяетъ / СП *и он зовет* / ПКП *И зовет*.

Во всех подобных примерах ясность отрывка не нарушается, так как подлежащее восстанавливается либо из контекста (Мк 16, 18; Лк 12, 16), либо из глагольной формы (Мф 27, 22; Лк 12, 58)

Подчеркнем, что отсутствие личного местоимения в предложении – это синтаксическая особенность церковнославянского текста, которую и стремится сохранить Победоносцев в своем переводе. Однако он делает это не механически, а только тогда, когда такая замена не ведет к затемнению смысла и не нарушает правила русского синтаксиса. Если субъект действия не восстанавливается из ближайшего контекста или предложение представляет собой прямую речь, Победоносцев сохраняет личное местоимение (Лк 12, 40; Мф 27, 16, 23, 66 и др).

5. Одной из синтаксических особенностей перевода является сокращение количества отрицательных частиц в предложениях, содержащих отрицание.

Лк 12, 58 *Вгда бо грядѣши съ соперникомъ твоимъ ко князю, на пути даждь дѣланіе ѿзбѣгти ѿ него: да не какъ привлечѣтъ тебѣ къ судїи, и судїа тѣ предастъ слѣзѣ, и слѣга владѣтъ тѣ въ темницѹ* / СП *Когда ты идешь с соперником своим к начальству, то на дороге постарайся освободиться от него, чтобы он не привел тебя к судье, а судья не отдал тебя истязателю, а истязатель не вверг тебя в темницу* / ПКП *Когда идешь с соперником своим к князю, на пути потщися разделаться с ним, чтоб он не привлек тебя к судье, а судья предаст тебя служителю, а служитель ввергнет тебя в темницу*.

Мф 27, 64 Повелѣн оубо оутвердѣти гробъ до третїаго днѣ: да не какъ пришѣдше оученицы ѣгò нощїю, оукрадѣтъ ѣгò, и рекѣтъ людемъ: востѣ ѿ мѣртвыхъ / СП *итакъ прикажи охранять гроб до третьего дня, чтобы ученики Его, придя ночью, не украли Его и не сказали народу: воскрес из мертвых* / ПКП *итакъ повели охранять гроб до третьего дня, чтоб ученики Его, пришедши ночью, не украли Его, и тогда скажут народу: воскрес из мертвых.*

Данные замены сделаны в соответствии с церковнославянским текстом, где употреблена одна отрицательная частица, которая относится сразу ко всем однородным сказуемым. Возможно, Победоносцев опирался на Н.Н. Глубоковского, который применительно к Лк 12, 58 пишет: «Далее форма положительная, отмечающая, что случится после привлечения к судье, посему: “и судья предаст тебя” и т. д.» [Глубоковский 1892, с. 205]. С точки зрения современного носителя языка предложение СП более соответствует правилам русского синтаксиса, а вариант Победоносцева является ненормативным. Но, судя по высказыванию Глубоковского, возможно, в начале XX века употребленная Победоносцевым конструкция имела право на существование.

Для полноты картины нужно сказать, что не во всех случаях синтаксические изменения СП сделаны Победоносцевым в соответствии с церковнославянским текстом. Мы выделили две основные причины данного явления:

- Церковнославянская конструкция устарела, не употребляется в русском языке и непонятна его носителям. Прежде всего, сюда следует отнести конструкции с дательным самостоятельным. Победоносцев передает их придаточным предложением или предложно-падежной формой:

Мк 16, 1 И минѣвши субботѣ / СП *По прошествии субботы* / ПКП *И как прошла суббота;*

Мк 16, 2 возсіавшѣ солнцѣ / СП *при восходе солнца* / ПКП *когда возсияло солнце;*

Мф 27, 1 Оутрѣ же бѣвшѣ / СП *Когда же настало утро* / ПКП *И на утрое;*

Мк 16, 20 гдѣ поспѣшгвѣющѣ, и слово оутверждающѣ / СП *при Господнем содействии и подкреплении слова* / ПКП *и Господь содействовал им и слово утверждал.*

- В церковнославянском тексте употреблен аналог союзного слова *который* (ѣже, ѣже, ѣже). Об этом русском слове Победоносцев написал отдельно в предисловии к переводу [Победоносцев 1906, с. III], замена его последовательно проведена по всему

тексту, что образует, как было указано выше, одну из основных тенденций среди лексических изменений. Естественно, что употребление других лексем на месте указанного союзного слова ведет и к изменению конструкции предложения. Приведем несколько типичных примеров:

Лк 5, 29 ѿже бѣху съ нимъ возлежаще / СП и там было множество мытарей и других, которые возлежали с ними. / ПКП и было там множество мытарей и иных возлежавших с ними;

Лк 5, 18 ѿже бѣ разслабленъ / СП который был расслаблен / ПКП расслабленного;

Мф 27, 54 ѿ же съ нимъ стрегущи ѿиса / СП те, которые с ним стерегли Иисуса / ПКП с ним на страже бывшие при Иисусе.

Итак, мы рассмотрели некоторые характерные синтаксические черты исследуемого перевода (употребление частицы *же*, особого порядка слов, пропуск подлежащего, выраженного личным местоимением, сокращение количества отрицательных частиц). Все они в основном обусловлены ориентацией на церковнославянский текст, не противоречат правилам русского литературного языка и не затемняют смысл предложения.

2.4. Лексические и морфологические заимствования из церковнославянского текста: семантическая функция

В данном параграфе рассмотрены случаи, когда Победоносцев употребляет в переводе те лексемы и грамматические формы слов, которые использованы в церковнославянском тексте, но не соответствуют СП, и это дает семантическое различие между текстами СП и ПКП.

Поскольку основной акцент настоящего исследования делается на изучение стилистического аспекта языка перевода, семантическая сторона рассматривается лишь на материале некоторых глав Четвероевангелия (Мф 3, 25, 27; Мк 3, 16; Лк 5, 12; Ин 6, 10). Тем не менее, на наш взгляд, собранный материал репрезентативен, позволяет выделить основные тенденции и, не претендуя на универсальное описание, сформулировать вывод об общем подходе Победоносцева к вопросу о выборе той или иной лексемы и грамматического значения слова.

2.4.1. Некоторые смысловые лексические различия СП и ПКП

Не все лексические изменения, внесенные в текст СП Победоносцевым, имеют стилистическую мотивацию. В некоторых случаях автор просто стремится сохранить вариант церковнославянского текста, если в его замене нет необходимости. В большинстве случаев при таком подходе варианты СП и ПКП являются полными или контекстуальными синонимами:

Лк 5, 37 *вѣнѧ нѡва* / СП *молодое вино* / ПКП *новое вино*;

Ин 10, 4 *хѡдитъ* / СП *идет* / ПКП *ходит*;

Лк 12, 49 *хощѹ* / СП *желал бы* / ПКП *хотел бы*;

Лк 12, 58 *на пѹти* / СП *на дороге* / ПКП *на пути*;

Мф 27, 21 *ѡ ѡбоѹ* / СП *из двух* / ПКП *из обеих*;

Мф 27, 49 *Прѡчи* / СП *другие* / ПКП *прочие*;

Лк 5, 11 *И ѡблѣкше ѡба корабля на зѣмлю* / СП *на берег* / ПКП *на землю*;

Мк 3, 32 *ѡспрашивають* / СП *спрашивают* / ПКП *ищут*;

Мф 27, 6 *недостѡйно* / СП *непозволительно* / ПКП *недостойно*.

В некоторых единичных случаях сохранение в ПКП церковнославянской лексемы ведет к его существенному семантическому различию с текстом СП.

1) *корабль* (ПКП) – *лодка* (СП) (Мк 3, 9; Лк 5, 2-11; Ин 6, 19.21)

Во всех контекстах Победоносцев употребляет на месте существительного *лодка* (СП) слово *корабль*, ориентируясь на церковнославянский текст (45 случаев).

В церковнославянском языке лексема *корѣбль* среди прочих имела значение *небольшое судно, лодка* [Словарь 1847] и адекватно передавала смысл греческого слова *τὸ πλοῖον* (лодка). В русском языке лексема стала иметь значение *большое морское парусное судно* [СУ]. Однозначно, в евангельском контексте имеется в виду именно *лодка* (апостолы использовали ее при ловле рыбы), поэтому вариант СП более удачен в смысловом отношении. В переводе Жуковского употребляется вариант *ладия* (Лк 5, 2).

2) *жизнь* (СП) – *душа* (ПКП) (Ин 10, 11).

В греческом тексте употреблено слово *ψυχή*, которое имеет основное значение *дух, душа* и переносное *жизнь* [Вейсман 1899, с. 1363]. В СП данное слово переводится в разных контекстах по-разному: например, в Мф 16, 25 оно передано лексемой *душа* со сноской *жизнь*. Таким образом, в СП и ПКП данные слова (*жизнь* и *душа*) являются

контекстуальными синонимами. Победоносцев всегда сохраняет вариант, употребленный в церковнославянском тексте.

3) *обувь* (СП) – *сапоги* (Мф 3, 11; Лк 15, 22), *сандалии* (ПКП) (Мк 6, 9).

Вариант Победоносцева совпадает с церковнославянским текстом. В греческом употребляются следующие лексемы: *υποδήματα* (Мф 3, 11; Лк 15, 22), *σανδάλια* (Мк 6, 9). Согласно словарю Вейсмана [Вейсман 1899, с. 1289], *υποδήμα* имеет значение *обувь, сандалий (подошва, подвязываемая под ноги)*; *σανδάλιον* означает *род башмака, состоящего из одной только подошвы..., прикрепляемый к ноге посредством ремешков* [Там же, с. 1122]. В СП данные греческие слова переданы всегда общим родовым понятием *обувь*. Неясно, почему в церковнославянском тексте употребляется лексема *сапоги*, но Победоносцев сохраняет именно такой вариант.

Примеры, когда сохранение церковнославянской лексемы не несет стилистической нагрузки немногочисленны, но они подчеркивают стремление автора без необходимости не менять церковнославянский текст.

2.4.2. Некоторые смысловые морфологические различия СП и ПКП

Основное количество морфологических изменений касается глагольных категорий:

- В ПКП употребляется другая по сравнению с СП форма времени.

Ин 10, 28 *И ѿзъ живѡтъ вѣчный дѡмъ ѿмъ*, / СП *И Я даю им жизнь вечную* / ПКП *и Я дам им жизнь вечную*; Мк 3, 1 *ѿмѡй* / СП *имевший* / ПКП *имеющий*; Мк 3, 3 *глагола* / СП *говорит* / ПКП *сказал*; Мк 3, 3 *ѿмѡщемъ* / СП *имевшему* / ПКП *имеющему*; Мк 3, 20 *ѿ собрѡмъ пакы нарѡдъ* / СП *сходится* / ПКП *собрался*; Лк 12, 48 *данѡ бѡдетъ многѡ* / СП *дано много* / ПКП *дано будет много*; Ин 10, 12 *расхѣтитъ* / СП *расхищает* / ПКП *расхитит*.

Как видно из приведенного материала, все формы, употребленные в СП соответствуют греческому оригиналу, а вариант Победоносцева соответствует церковнославянскому тексту.

- В ПКП употреблена другая форма глагольного вида:

Мф 25, 5 *спѡхъ* / СП *уснули* / ПКП *спали*; Мф 25, 8 *оугасѡтъ* / СП *гаснут* / ПКП *угасают*.

Интересно, что в первом случае вариант церковнославянского текста (и ПКП) соответствует греческому оригиналу: там глагол употреблен в имперфекте (ἐκάθευδον), а в СП он переведен совершенным видом (*уснули*).

- В ПКП употребляется глагол в другом наклонении:

Мф 25, 29 ѿѣмѣ мнѣтѣ ѿ мѣѣ / СП *отнимется и то, что имеет*; / ПКП *отыметься и то, что думает иметь*; Ин 10, 32 кáменїе мѣщете на мѣ / СП *хотите побить Меня камнями?* / ПКП *камни в Меня метаете*; Ин 10, 33 кáменїе не мѣщемъ на тѣ / СП *хотим побить Тебя камнями* / ПКП *камни метаем на Тебя*; Лк 12, 36 подóбни / СП *будьте подобны* / ПКП *подобны*.

Отрывки Ин 10, 32 и 33 в ПКП соответствуют греческому, где глагол *побивать камнями* употреблен в изъявительном наклонении (λιθάζετε, (ου) λιθάζομεν), а в СП добавлена модальность (*хотите / хотим побить камнями*). В других случаях СП соответствует греческому оригиналу.

- В сфере имени встретилось изменение числа и степени:

Мф 25, 21 и 23 над́ мнóгими / СП *над́ многим* / ПКП *над́ многими*; Лк 12, 48 мáлw / СП *меньше* / ПКП *мало*.

Все приведенные немногочисленные примеры показывают, что Победоносцев основное предпочтение отдает церковнославянскому тексту, даже если в нем не точно передан греческий оригинал.

Выводы к главе 2

Итак, результаты данной главы можно представить в виде следующих выводов.

1. Большее количество языковых особенностей исследуемого перевода обусловлено ориентацией на церковнославянский текст и связано со стилистическими воззрениями автора на язык Священного Писания.

2. Сохраненные К.П. Победоносцевым церковнославянские элементы не противоречат языковой системе второй половины XIX века; евангельский перевод Победоносцева не является изолированным текстом, в котором воплощаются субъективные языковые предпочтения автора, но вписывается в круг произведений, относящихся к духовной книжности и образующих особый церковный стиль в рамках русского литературного языка. Большинство выделенных лексических, фонетических,

морфологических, синтаксических особенностей характерны и для других произведений церковного стиля.

3. В переводе встречаются и смысловые отличия от СП (лексические и морфологические). Они также мотивированы стремлением автора сохранить вариант церковнославянского текста.

4. Исследуемый текст содержит такие языковые черты, которые могут «шокировать» современного читателя (например, использование постфикса *-ся* на месте русского *-сь*, формы *человеки*, некоторых лексем, которые употребляются в русском языке совсем в другом значении). Но данные лингвистические факты не так воспринимались в языке эпохи Победоносцева, и это необходимо учитывать при научном объективном описании особенностей перевода.

Глава 3. Евангельский перевод К.П. Победоносцева: истоки и источники

Данная глава состоит из двух параграфов, которые имеют целью выявить основные предпосылки и источники, оказавшие влияние на языковую концепцию исследуемого перевода. В первом параграфе рассмотрены некоторые черты биографии и мировоззрения К.П. Победоносцева, а также особенности его стилистической манеры как литературного деятеля. Основными задачами данного параграфа является: а) вписать в творческую биографию автора перевод Нового Завета; б) показать, что особенности биографии и литературное творчество Победоносцева предопределило основные принципы и черты исследуемого перевода.

Во втором параграфе рассмотрен вопрос об источниках, которые использовал К.П. Победоносцев при создании перевода Нового Завета (перевод В.А. Жуковского и «Замечания» Н.Н. Глубоковского). Задачей данного параграфа является изучение вопроса об объеме использования указанных трудов и о степени их влияния на текст Победоносцева.

3.1. Особенности мировоззрения К.П. Победоносцева и его литературная деятельность

3.1.1. Биография К.П. Победоносцева: к истокам творчества

Константин Петрович Победоносцев родился в 1827 г. в Москве; он был самым младшим из одиннадцати братьев и сестер. Его дед был священником Звенигородского уезда, а отец – профессор словесности Московского Университета. Как пишет сам Победоносцев в письме к Александру III, «благочестивые родители с детства приучили меня к церкви» [цит. по: Асмус 1995, с. IV]. Победоносцев получил блестящее образование: он закончил привилегированное Училище правоведения в Петербурге, затем служил в Московском департаменте Сената и занимал кафедру гражданского права в Московском университете. В 1861 году ему было предложено переехать в Петербург и стать наставником великого князя Николая Александровича, наследника престола. После смерти Николая Александровича в 1865 году Победоносцев приглашен наставником к цесаревичу Александру (будущему Александру III), на которого он имел впоследствии сильное влияние. В 1881 году Победоносцев был назначен обер-

прокурором Св. Синода и занимал эту должность на протяжении 25 лет. После издания манифеста 17 октября 1905 г. он вышел в отставку. Скончался К.П. Победоносцев в 1907 г, в возрасте 87 лет.

К.П. Победоносцев был активным участником общественно-культурных событий в России второй половины XIX – начала XX века: видный ученый, влиятельный сановник, публицист, наставник и советник последних царей, обер-прокурор Синода, он имел большое влияние на принятие тех или иных важных решений, определяющих впоследствии курс развития государства и Церкви. Особенно это влияние проявлялось в сфере искусства, прессы, просвещения, церковного образования, а его основные направления были обусловлены консервативной позицией Победоносцева. Во всех сферах жизни обер-прокурор предпочитал сохранить и развить имеющееся, чем рушить старое и строить новое [Полунов 2010, с.4 – 6]. Данной «охранительной» позицией обусловлен и основной переводческий подход Победоносцева-переводчика к русскому переводу Нового Завета. Главной задачей автора было именно максимально сохранить богослужебный текст Евангелия, и создать перевод, который бы подходил для людей, любящих церковнославянский язык и богослужение. Сам Победоносцев тоже принадлежал к таким людям. По мнению исследователя А.Ю. Полунова, «своеобразие взглядов и личности Победоносцева во многом определялись атмосферой родительского дома, в котором влияние традиционно-патриархального уклада сочеталось с воздействием элементов просветительской идеологии» [Полунов 2010, с. 17].

Личная позиция Победоносцева по отношению к церковно-богослужебной жизни ярко проявляется, например, в переписке с сестрами Тютчевыми. По утверждению публикатора данных источников, письма к Тютчевым – «фрагменты долгого и доверительного диалога» [Майорова 1994, с. 199]. Приведем несколько показательных отрывков:

Христос Воскрес – добрейшая Анна Федоровна, – дай Бог, чтобы в радости праздничной застало вас это праздничное слово! Пишу к вам в Вербную Субботу, вернувшись из церкви от всенощной – вы знаете, как хорошо у нас в России в эти дни повсюду, где есть храмы Божии, где есть молящийся народ. Сегодня день такой торжественный – сегодня церковь зовет каждого взять на себя крест свой и с этим крестом встречать идущего на страдания Спасителя – что за торжественный вход!.. (Москва, 27 марта 1865) [Майорова 1994, с. 203-204].

Наше богослужение есть не одна только формула молитвы <...> это целая священная поэма, составленная из песней, образов, звуков, воспоминаний, восторгов и дум. В ней душа не только молится, но и живет созерцанием и чувством, а вместе и услаждается красотой, которой ничего подобного на земле не находит (31 марта 1877, Петербург) [Там же, с. 218].

Боже! как тяжела становится жизнь – со всех сторон – так все неверно, так все призрачно. Только в церкви хорошо (18–19 февраля 1878) [Там же, с. 222].

Данные отрывки показывают, насколько важна и органична была для Победоносцева церковная жизнь, и его творчество, в том числе и перевод Нового Завета, отражает именно эту мировоззренческую позицию автора.

3.1.2. Стилистическая манера (слог) К.П. Победоносцева как литературного деятеля и место перевода Нового Завета в его личной и творческой биографии

К.П. Победоносцев известен не только как общественный деятель, ученый-правовед, обер-прокурор Святейшего Синода, но и как публицист и литератор [Никольский 1896]. Он оставил после себя много трудов, касающихся самых разных областей науки и жизни. Наиболее известны – «Курс гражданского права» в 2 томах (1868 г.), «Праздники Господни» (1860-е гг., изд. в 1903), «Московский сборник» (1896) и др. В его литературной деятельности можно выделить несколько пластов: переводы, публицистические статьи, эпистолярные и художественные произведения. Представим обзорно основные произведения Победоносцева, выделив в них особенные языковые черты, которые образуют своеобразную стилистическую манеру автора.

1. Переводы.

К.П. Победоносцев известен как переводчик различных оригинальных текстов христианского содержания на русский язык. Он переводил с латинского («О подражании Христу» Фомы Кемпийского, 1869), немецкого («Христианские начала семейной жизни» Г.В. Тирша, 1861), английского (перевод проповеди А.П. Стенли, 1874), чешского («Приключения Вратислава») языков.

Подробнее остановимся на переводе с латинского языка католического богословского трактата Фомы Кемпийского «О подражании Христу» (1417 или 1427), выполненного в 1869 году [Победоносцев 1869]. Это первый перевод данного трактата с

латинского языка-оригинала, являющийся актуальным до в настоящего времени и признанный лучшим русским переводом данного произведения.

По мнению литературного критика Б.В. Никольского, Победоносцев в своем переводе «О подражании Христу» Фомы Кемпийского «дал замечательный образец чрезвычайно оригинальной прозы, удивительно удачно совмещающей в себе латинские, церковно-славянские и оригинально-русские элементы» [Никольский, с 720]. На наш взгляд, основным стилеобразующим фактором в переводе являются именно церковнославянские элементы.

- В переводе широко используются лексемы, по функции являющиеся славянизмами: *око* (8, 2), *жены* (8, 1), *ныне* (22, 5), *упование* (34, 6), *благоденственный* (8, 1), *благовременно* (23, 5), *богобоязливый* (8, 1), *преизобильно* (34, 7);
- Широко употребляются словосочетания, основанные на традиционном метафорическом сравнении: *око мысленное* (32,2), *щит терпения* (34, 7), *духовное оружие* (34, 7), *слепота сердечная* (11, 4), *муж брани* (11, 4); *богатство нетленное* (23, 5).
- Используются синтаксические особенности, характерные для церковнославянского языка (частица *да* и личная форма глагола на месте придаточного цели (1); форма творительного падежа с причинным значением (2); особые способы выражения отрицания (3, 4)):
 - (1) *Думай, что у других доброго больше, да сохранится смирение* (7, 3)
 - (2) *Грехом потеряли невинность* (22, 5)
 - (3) *Кто любит Слово, а не мир, ни яже в мире суть* (34, 1)
 - (4) *Истинного мира ...ищи не в людях, ниже во всем прочем творении, но в Боге Едином* (34, 2).

Похожие особенности можно увидеть и в переводе Победоносцевым проповеди ведущего богослова Артура Стенли, напечатанном в 1874 году в журнале «Гражданин» (№ 2, 3) [Стенли 1874]. Проповедь была произнесена А. Стенли в англиканской церкви Санкт-Петербурга 6 (18) января 1874 году на церемонии бракосочетания принца Альфреда, герцога Эдинбургского и дочери Александра II Великой княжны Марии Александровны и была посвящена раскрытию смысла евангельского события, произошедшего на браке в Кане Галилейской (Ин 2, 1–11). Исследователи перевода проповеди отмечают, что «примечательным является использование в переводе

архаизмов (церковнославянизмов)» [Солопова 2016, с. 31]. Кроме того, авторы приходят к выводу, что Победоносцев создал правильный литературный перевод, постарался «максимально полно раскрыть смысл проповеди, улучшить ее» [Там же, с. 32].

Характерно, что в переводе с чешского «Приключений Вратислава» автором используются несколько иные стилистические приемы и не встречается такого обилия церковнославянизмов. Согласно характеристике Никольского, этот перевод написан «прекрасным и правильным современным языком, отлично передающим наивный, обстоятельный и складный тон подлинника. Здесь переводчик очень счастливо схватил своеобразное славянское изящество подлинника, его бесхитростную простонародную художественность» [Никольский, с 721].

Таким образом, Победоносцев-переводчик создает литературный перевод, используя уместные художественные средства русского литературного языка в соответствии с содержанием переводимого текста.

То же касается и исследуемого евангельского перевода: его язык представляет собой стилистическую обработку Синодального текста, и, как показывает представленный в главе II материал, отбор славянизмов был произведен автором в соответствии с языковыми особенностями церковного стиля русского литературного языка.

2. Художественные произведения.

К художественным произведениям Победоносцева относятся, прежде всего, произведения «Праздники Господни» (1893) и сборник очерков о знаменитых людях «Вечная память. Воспоминания о почивших» (1896). По мнению Никольского, «эти произведения можно считать изборниками лирической прозы, составленными действительно художником церковной речи» [там же]. Действительно, в рассказах о событиях церковного года автор образно передает основную суть того или иного праздника, используя лексические и грамматические славянизмы, традиционные метафоры, прямые и косвенные цитаты из Священного Писания (все те средства, которые характерны для церковно-художественного подстиля):

Придет, наконец, день, когда отворятся для старца двери храма, и Дух Господень призовет его войти, и встретить Желанного, благословить Бога и сказать: «Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, с миром» [Победоносцев 2004, с. 110].

...И точно кажется ребенку, что здесь Христос, о Котором так много говорила ему мать еще нынешним утром; он видит перед собою картину из большой своей книги, как шествует Христос, сидя на ослиати, посреди народа, столпившегося на улице ...как дети кричат Ему: «Осанна!» [Победоносцев 2004, с. 113].

3. Публицистические произведения.

Самыми известными сборниками статей К.П. Победоносцева являются «Московский сборник» (1896) и «Вопросы жизни» (1904).

В «Московском сборнике» Победоносцев выражает свои мысли по самым разнообразным проблемам современности: в нем содержатся разделы, касающиеся вопросов веры, церкви и государства, народного просвещения, духовной жизни, политического строя и др. Интересно, что Никольский относит данное произведение к художественным, так обосновывая свою позицию: «Конечно, его (автора) мысли касаются вопросов политики, права, истории, богословия, нравственности; их логический ход ясен, точен и тверд; ни скачков, ни резких оборотов мысли не допускает его легко и последовательно развивающееся изложение; и тем не менее это не научное творчество, не искусство публициста, а истинная глубокая поэзия» [Никольский, с 729-730]. Действительно, статьи Победоносцева содержат элементы художественного текста: автор широко употребляет метафорические развернутые сравнения, использует лирические отступления, а в разделе «Духовная жизнь» даже помещает стихотворения из Саллета в собственном переводе [Победоносцев 2004, с 650 – 651]. Как бы там ни было, рассматриваемое произведение содержит такие особенности, которые характеризуют Победоносцева-стилиста: все языковые ресурсы используются Победоносцевым в зависимости от описываемого автором содержания, и это проявляется достаточно ярко.

- Стилистически маркированные слова, относящиеся к высокому стилю, Победоносцев употребляет в рассуждениях о самых важных, на его взгляд, вещах: *приял от Создателя живую душу, отверзать дверь; воздвигнут алтарь неведомому Богу, благочестивый писатель, коловращение времени, благовествует евангелист.* [Там же, с. 396, 582, 587].
- Использует много заимствованных слов-терминов, появившихся в языке в 1830 – 1890-е гг. [Сорокин, с 555 – 562]: *теория, факт, идея, патер, революция, политика*

[Победоносцев 2004, с 394]; *пароксизм, проект, кафедра, инстинкт* [Там же, с 543 – 558].

- Употребляет новообразованные слова, совсем недавно вошедшие в язык [Сорокин, с 555 – 562]: *бирановщина, дилетантизм* [Победоносцев 2004, с566]; новые, переосмысленные значения прежде существующих слов: *партия, масса, рынок, формула, среда* [Там же, с. с. 394; 551, 581, 583].
- Применяет разговорные, стилистически сниженные слова и словосочетания для выражения презрительного отношения к предмету: *раскапывать вопросы, доискиваться, грешки ближнего, преобразовательная горячка, пустозвон, шарлатан, прожужжало слух, ходячее слово, поддакивать* [Там же, с. 395; 553, 573]

Таким образом, в публицистических произведениях наиболее полно раскрывается языковая личность Победоносцева: он широко использует слова с разной стилистической характеристикой в зависимости от содержания предмета речи и эмоционального отношения к нему, употребляет заимствованную лексику, специальные слова-термины, новообразования, а также известные ранее слова в новом, появившемся в связи с актуальными социальными процессами, значении.

4. Эпистолярные произведения.

Эпистолярное наследие К.П. Победоносцева широко и разнообразно. Его основная часть была опубликована после революции в объемном труде «Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки» [Письма 1923]. Наиболее показательны в отношении стилистической манеры писателя письма к Александру III, охватывающие десятилетие с 1881 по 1892гг. [Победоносцев 2004, с. 285 – 385] и письма к сестрам Тютчевым, написанные в 1860 – 1870-е гг [Майорова, 1994]. Указанные источники принадлежат к разным эпистолярным жанрам: письма к Александру III относятся, в большинстве случаев, к деловой переписке, а письма к Тютчевым носят дружеский, доверительный характер [Майорова 1994, с. 200]. Этим различием обусловлены и языковые особенности рассматриваемых источников.

Письма к Александру III содержат особенности, характерные для официально-деловой переписки: в них содержатся штампы-канцеляризмы (*уверяю честью, рискую навлечь неудовольствие Вашего Величества, смею повторить, смею уверить, заседание имело результатом*), специальные, в основном юридические термины (*акционерные*

правления, бюджет, частный труд, ведомство, учреждение, донос и др). В некоторых письмах Победоносцев, для усиления впечатления использует сниженные, экспрессивно окрашенные элементы: *«Это один из бесчисленных воплей, раздающихся теперь повсюду... об исцелении этой ужасной язвы, разъедающей народ, – об освобождении от кабака»* [Победоносцев 2004, с. 310]; *«...У Толстого в драме даже страсти нет, нет увлечения, как нет и борьбы, а есть только тупое, бессмысленное действие животного инстинкта – и вот почему она так противна»* [Там же, с. 352]. Встретились также философско-лирические отступления, в которых содержатся развернутые метафоры, славянизмы, характерные для Победоносцева-писателя, но такие примеры в письмах к царю единичны и представляют собой исключение: *«Есть времена, когда дорога впереди стелется широкой стезею и видно, куда идти. Есть другие времена, когда впереди туман, вокруг болота. То время и нынешнее – какая разница; точно мир вокруг нас переменился»* [Там же, с. 296].

Совершенно иные в стилистическом отношении письма к сестрам Тютчевым, где Победоносцев выражает свое личное отношение к происходящим общественно-социальным событиям (смерть наследника Николая Александровича в 1865, подписание мира с Турцией в 1878), рассказывает впечатления от общения с различными людьми (графиней Блудовой, Вл. Соловьевым), высказывает тревожащие его мысли и наблюдения о жизни, делится личными переживаниями и заботами, размышлениями о прочитанных книгах.

Естественно, что в соответствии с разнообразным содержанием, Победоносцев использует и различные стилистические средства:

- употребляет большое количество славянизмов, развернутых метафор, основанных на библейском тексте, особых синтаксических конструкций, характерных для торжественного стиля, когда речь идет о церковном празднике, важном государственном событии или касается духовно-нравственных размышлений:

Я верю, я чувствую всей душой, что судьба Божия совершается, что этот час – роковой час в судьбах России. ...Из золотой чаши выпил он смертельное питье! А мать – бедная мать! Чем ей тьму просветить, чем ее горе измерить. – О, благослови ее и утешь ее, Боже! (в связи со смертью наследника) [Майорова 1994, с. 205].

Остается ему (сердцу) только величие бездны небесной, охватывающее душу торжественным страхом; и глаз тонет в этой бездне, покуда не встретится со

светилом сияющим (в связи с кончиной 19 н. 1869 г. свт. Филарета (Дроздова)) [Там же, с. 208].

В последние годы чаще прежнего останавливаешься на этой мысли – о конечной субботе, в которой каждый почит от всех дел своих;

...Стали стрелять с крепости. Это значит – мир заключен! Благослови, Боже – быть миру вместо брани, крепкому и славному [Там же, с. 220, 222].

- Фактически в каждом письме приводит прямые и скрытые цитаты из Священного Писания, отсылки на Священную историю, литургические тексты:

Порадуйтесь той радостью, которой «радуется друг женихов, когда слышит его голос, и стоит и внимает ему» (Ин 3, 29); *Кажется нам иной раз, что мы странствуем – в землю обетованную, и душа просит той же веры, какая была у Авраама, когда он ждал до смерти исполнения слова Божия!* (В связи с переездом из Москвы в Петербург); *Новый год! Дай вам Боже, милая Екатерина Федоровна, и тетушке вашей лето благоприятное, здоровое, мирное, да тихое и безмолвное житие поживете* [Там же, с. 206, 209, 214].

- Употребляет элементы художественной речи (развернутые метафоры, сравнения, риторические восклицания-вопросы):

Петербург не люблю я по-прежнему – душно в здешнем воздухе, очень душно: до того, кажется, все измельчало здесь – и дела, и люди...; ...грустно провожать еще одну одинокую каплю! Где ты, моя юность! Где ты, моя свежесть! [Там же, с. 209, 214]

- В рассказах о светской жизни употребляет большое количество заимствований из французского, английского, немецкого; использует новообразованные слова, широко применяет разговорные элементы языка (*авось-либо; нежданно-негаданно, лакомка, скоро-скоро, словечко, хорошенько*) [Там же, с. 203 – 209].

Таким образом, произведения Победоносцева, относящиеся к разным жанрам его литературной деятельности, свидетельствуют о том, что он был писателем, владеющим богатым и разнообразным языком, умело использующим стилистические ресурсы в зависимости от содержания текста. При этом нельзя не заметить тяготения Победоносцева-писателя к описанию предметов, связанных с православным мировоззрением автора, что обуславливает использование соответствующих языковых средств, характерных для произведений высокого стиля. Литературный критик Б.

Глинский так характеризует стилистические особенности произведений Победоносцева: «По технике своей письменной речи ученый писатель может по справедливости быть поставлен в один ряд с такими виртуозами русского слова, как покойные И. Аксаков и М. Катков с тем лишь отличием от них в том отношении, что в его изложении мыслей постоянно проглядывало тяготение к церковным оборотам речи и духу нашей церковной словесности, родство и близость с которой у него начались еще с детских лет» [Глинский 2004, с. 12]. Б.В. Никольский делает следующий вывод о манере Победоносцева: «Нельзя отрицать замечательного своеобразия слога К.П. Победоносцева. <...> Как стилист, он, можно сказать, чеканит свои мысли <...>. Манера его письма всецело заимствована им у наших духовных писателей и может быть признана манерой церковной стилистики по преимуществу» [Никольский 1896, с. 732].

Представленный в данном параграфе материал свидетельствует о том, что Победоносцев, приступая в последние годы жизни к работе над переводом Нового Завета, имел опыт создания текстов разных жанров и стилей и владел различными стилистическими ресурсами русского языка. Литературное творчество Победоносцева явилось тем фундаментом, платформой, на основе которого в конце творческой биографии автор как состоявшийся писатель создал свой основной жизненный труд – перевод Нового Завета.

3.2. Основные источники евангельского перевода К.П. Победоносцева

Как уже упоминалось выше, в рамках инициированного Победоносцевым проекта по пересмотру и доработке СП, на имя обер-прокурора поступило множество трудов, содержащих в том или ином объеме разбор текста СП или представляющих собой авторский вариант перевода [Реморов 2013], [Савич 2012]. Тем не менее, при изучении особенностей перевода Победоносцева, становится ясно, что автор очень выборочно использовал поступивший материал. Из тех трудов, которые появились в рамках указанного проекта, точно был использован труд **Н.Н. Глубоковского**, видимо, как самый фундаментальный и подробный. Кроме него автор также учитывал перевод **В.А. Жуковского**, так как в нем использовался тот же основной принцип (сближение с церковнославянским текстом), что и в переводе Победоносцева. Далее рассмотрим подробнее, каким образом и в каком объеме указанные источники использованы в исследуемом переводе.

3.2.1. Перевод К.П. Победоносцева и перевод В.А. Жуковского

Как было указано выше, Победоносцев был знаком с переводом Жуковского, созданным в 1844-1845 годах, и именно по его инициативе данный перевод был опубликован в Берлине в 1895 году. Общим для обоих переводов является основной переводческий принцип: оба автора решают задачу по созданию достойного в стилистическом отношении языка перевода Священного Писания в максимальном сближении русского текста с церковнославянским. Однако, как будет показано ниже, в переводах Жуковского и Победоносцева указанный подход реализуется по-разному. Прежде чем решить вопрос об объеме использования Победоносцевым перевода своего предшественника, подробнее представим принципы обоих текстов и их воплощение в языковом материале.

1. Обильное использование лексических славянизмов.

Можно выделить группу лексем, заимствованных без изменения из церковнославянского текста, которые употребляются обоими авторами:

Одесную, ошуюю (Мф 25, 33), *горше* (Мф 27, 64), *оставлять (грехи)* (Лк 5, 21), *недуг* (Лк 5, 15), *одр* (Лк 5, 18), *разуметь* (Ин 10, 6), *тать* (Ин 10, 8), *не обинуясь* (Ин 7, 26), *потщися* (Лк 12, 58), *в сретение* (Мф 25, 6), *знамение* (Ин 7, 31), *вечеря* (Ин 12, 2). Интерес представляют следующие лексемы, сохраненные в тексте Победоносцева: *литра* (Ин 12, 3), *мытница* (Мф 9, 9), *спира* (Мк 15, 16), *неразумливый* (Мк 7, 18), *мимоходящие* (Мф 27, 39), *второпервая* (Лк 6, 1). Данные лексемы, как было указано выше (с. 76), отсутствуют в словаре Ушакова и текстах НКРЯ, и, возможно, были оставлены автором в переводе именно с опорой на текст Жуковского.

Следующие лексемы оба автора считают непонятными и переводят их³⁶:

Мк 3, 30 *зланѣ* / ПКП *поелику* / ПЖ *понеже*; Мк 16, 4 *ѡ҃члѡ* / ПКП *очень* / ПЖ *весьма*; Мф 25, 15 *ѡ҃бѣѣ* / ПКП *затем* / ПЖ *скоро потом*; Мф 27, 23 *ѡ҃злнхѡ* / ПКП *крепче* / ПЖ *сильней*; Ин 10, 24 *ѡ҃бьѡдѡша* / ПКП *окружили* / ПЖ *окружили*; Мф 27, 50 *пѡ҃ки* / ПКП *снова* / ПЖ *опять*; Ин 10, 13 *ѡ҃кѡ* / ПКП *поелику* / ПЖ *поелику*; Лк 12, 31 *ѡ҃бѡче* / ПКП *паче же* / ПЖ *лучше*.

Особого внимания заслуживают те случаи, когда представление авторов о понятности того или иного слова или словосочетания не совпадает.

³⁶ Для удобства мы будем обозначать перевод Жуковского ПЖ.

Например, Победоносцев вслед за церковнославянским текстом, сохраняет следующие лексемы: *вскую* (Мк 15, 3), *(раб) неключимый* (Мф 25, 30), *ловитва* (Лк 5, 4), *алкать* (Ин 6, 35). Жуковский переводит данные лексемы: *почто*, *(раб) бесполезный*, *лов*, *быть гладным*. В свою очередь, Жуковский сохраняет без перевода следующие слова: *юг* (в значении *южный ветер*) (Лк 12, 55), *мрежи* (Лк 5, 5-6), *кошница* (Ин 6, 13), *на он пол (моря)* (Ин 6, 1), *медница* (Лк 12, 59). Победоносцев переводит такие лексемы: *южный ветер*, *сети*, *корзина*, *на ту сторону (моря)*, *копейка*.

Отличием языка перевода Жуковского можно считать то, что автор иногда намеренно сам создает славянизм и использует его, даже если церковнославянский вариант понятен³⁷. Для Победоносцева же основным приоритетом является именно сохранение церковнославянского текста, а изменения он вносит только если славянское слово не удовлетворяет критерию понятности.

Мф 25, 44–45 ѿвѣщajúтъ / ПКП *отвечают* / ПЖ *ответствуют*;

Ин 6, 15 разумѣвъ / ПКП *уразумев* / ПЖ *предузнав*;

Мф 7, 25 возвѣаша вѣтри / ПКП *подули ветры* / ПЖ *возшумели ветры*.

Интересен следующий пример, когда Жуковский употребляет лексему, видимо, сочиненную им самим, так как она отсутствует в известных нам словарях.

Мф 25, 6 вѣплъ бытъ / ПКП *глас раздался* / ПЖ *клик раздался*.

2. Употребление лексем с характерными для церковнославянского языка фонетическими и морфологическими характеристиками.

И Жуковский, и Победоносцев обильно используют лексемы, содержащие неполногласие, начальное *e-* на месте русского *o-*, особые чередования группы согласных в корне, славянский вариант приставок:

Лк 5, 5 *чреда*, Лк 5, 31 *здравые*, Ин 10, 27 *глас*, Лк 12, 24 *вран*, Мф 27, 29 *глава*, Лк 12, 27 *труждаются*, Мф 25, 7 *востали*, Лк 12, 7 *изочтены и др.*

Применительно к переводу Победоносцева для некоторых контекстов можно проследить закономерность в употреблении подобных лексем: он использует славянский вариант, если идет речь о возвышенном, а когда отрывок представляет собой

³⁷ Данная особенность отмечена издателем и исследователем перевода Жуковского священником Дмитрием Долгушиным: «Жуковский не просто воспроизводит Елизаветинскую Библию, он создает собственную языковую палитру. <...> Жуковский иногда, если можно так выразиться, славянизирует церковнославянский текст» [Долгушин, 2008, 429].

прямую речь лиц из народа, содержит повествование не о положительных персонажах или о материальных вещах, автор употребляет русский аналог:

Лк 12, 7 Но ѿ власи главы вѣшеѧ вѣи ѿзочтѣни сѣтъ / ПКП *А у вас и волосы на голове изочтены все* / ПЖ *А у вас и власы главы вашей все изочтены.*

Характерны отрывки Ин 10, 3 и Ин 10, 16. В переводе Жуковского в обоих случаях употреблен славянский вариант с неполногласием, а Победоносцев, различая, о чем идет речь, в первом отрывке употребляет русский аналог, а во втором, где говорится о Христе, – славянский:

Ин 10, 3 Семѹ двѣрникъ ѿверзѣтъ, ѿ овцы гласъ ѣгѡ слышатъ / ПКП *Ему дверник отверзает, и овцы глас его слышат* / ПЖ *Ему отворяет придверник, и овцы глас его слышат.*

Ин 10, 16 ѿ гласъ мой оуслышатъ, ѿ бѹдетъ ѣдино стадо, ѿ ѣдинъ пастырь / ПКП *и глас Мой услышат, и будет едино стадо, и един Пастырь* / ПЖ *и глас Мой услышат, и будет единое стадо и един пастырь.*

Жуковский также, наряду со славянскими аналогами, использует русские варианты, но проследить закономерность в таком употреблении нам не удалось. Например, он в равной степени употребляет начальное *е-* и *о-* в слове *един* (*один*), и распределение вариантов, на наш взгляд, не обусловлено контекстом:

Ин 10, 30 ПКП *Я и Отец – едино.* / ПЖ *Я и Отец – одно.*

Ин 6, 70 ПКП *один из вас диавол* / ПЖ *есть между вами единый дьявол.*

Победоносцев учитывал в своем труде опыт Синодального перевода, где соблюдено четкое распределение славянских и русских аналогов в зависимости от контекста. Указанный подход был назван исследователем языка Синодального перевода Реморовым И. А. принципом **стилистической дифференциации контекстов** [Реморов 2002, с 247]. Сам Победоносцев в предисловии к переводу пишет: «При соображении о том, где следует оставить слово славянского текста и где заменить его ходячим словом, необходимо, думаю, различать, о чем идет речь, и чьи это слова: Иисуса Христа, Евангелиста или лиц из народа» [Победоносцев, 1906, с. VI]. Тем не менее, как показано в тексте второй главы (с. 88), в переводе Победоносцева тоже не везде можно увидеть закономерность при распределении вариантов, и часто в аналогичных отрывках употребляются разные лексемы.

И Победоносцев, и Жуковский допускают в языке перевода употребление церковнославянских вариантов окончаний, суффиксов причастий, особых собирательных форм существительных, церковнославянских числительных, личных форм глагола **бѣти**:

Мф 27, 29 *из тернѣя*, Мк 3, 31 Мф 25, 34 *царствѣ* Ин 6, 67 *двенадѣцать*, Мф 25, 40 *из братѣй*; Лк 12, 47 *биен*, Мф 27, 29 *сплетѣи*, Лк 12, 46 *лицѣ*, Мф 27, 29 *колѣна*, Ин 6, 48 *есмь*.

Существуют и отличия, касающиеся выбора обоими авторами тех или иных церковнославянских морфологических средств. Например, Жуковский более часто использует некоторые церковнославянские окончания существительных в косвенных падежах, а Победоносцев употребляет особые формы будущего времени:

Мк 14, 1 ПЖ *через два дни*; Ин 11, 17 *четыре дни*; Ин 6, 32 *с небеси* (У Победоносцева – *с небес*);

Ин 6, 71 ПКП *сей имѣл предать Его*; Ин 7, 39 ПКП *Сие сказал Он о Духе, Коего имѣли принять верующіе*; Мк 16, 16 *Кто веру имѣт и крестится, спасен будет*.

3. «Запрет» на использование в языке перевода некоторых общеупотребительных местоименно-служебных лексем.

Применительно к переводу Победоносцева это, прежде всего, союзное слово *который*, названное в авторском предисловии «негармоничным и неуклюжим» [Победоносцев 1906, с. III]. Действительно, автор не употребляет эту лексему в функции союзного слова, используя на ее месте синонимичные слова или изменяя всю конструкцию предложения (примеры см. в главе 2).

Жуковский во многих случаях тоже заменяет союзное слово *который* на синонимичные лексемы или употребляет другую конструкцию (обычно с причастием). Например, отрывок Лк 12, 47 Жуковский переводит таким образом: СП *Раб же тот, который знал волю господина своего* / ПКП *Раб же тот, кто знал волю господина своего... / ПЖ *Раб же, ведавший волю господина своего...**

Интересен следующий пример, когда варианты Жуковского и Победоносцева совпадают. Возможно, Победоносцев заимствовал переводческое решение своего предшественника. Для наглядности приведем и церковнославянский текст:

Мф 27, 61 Бѣ же тѣ маріа магдалина, ѿ дрѹгаѣ маріа, сѣдѣщиѣ прѣмѣ грѣба / СП *Была же там Мария Магдалина и другая Мария, которые сидели против гроба.* / ПКП

Была же там Мария Магдалина и другая Мария, и сидели против гроба. / ПЖ Были же там Мария Магдалина и другая Мария, и сидели против гроба.

В некоторых контекстах Жуковский вводит придаточное предложение с помощью личного местоимения третьего лица и частицы *же*, как в церковнославянском тексте. Победоносцев использует более «русифицированный» вариант:

Ин 6, 42 ПЖ И говорили: не Он ли Иисус, сын Иосифов, Его же отца и мать мы знаем? / СП и говорили, не Иисус ли это, сын Иосифов, Которого отца и мать мы знаем? / ПКП и говорили, не Иисус ли это, сын Иосифов, Коего отца и Мать мы знаем?

Тем не менее, в переводе Жуковского, наряду с церковнославянскими аналогами, нередко встречаются и случаи употребления союзного слова *который*:

Лк 1, 4 ПЖ Дабы уразумел ты в основании то учение, в котором ты был наставлен / ПКП дабы уразумел ты твердое основание учения, в коем был наставлен;

Мк 14, 71 ПЖ не знаю человека сего, о котором вы говорите / ПКП не знаю Человека Сего, о Ком говорите.

И Жуковский, и Победоносцев избегают употреблять в языке перевода русский подчинительный союз *потому что*. Победоносцев в большинстве случаев использует на его месте синоним *ибо*, а Жуковский и этот союз употребляет крайне редко, предпочитая *понеже*³⁸ или *поелику*. Характерен в этом отношении перевод заповедей блаженства (Мф 5, 3 – 12): ПЖ *блаженны плачущие: понеже они утешатся* / ПКП *блаженны плачущие, ибо утешатся*. Кроме того, часты случаи, когда Жуковский, с целью избежать употребления указанного подчинительного союза опускает его, превращая сложноподчиненное предложение в бессоюзное:

Мф 7, 25 ПЖ И сошел дождь, и пришли реки, и возшумели ветры, и устремились на дом тот, и не разрушился, и не упал: на камени был он основан. / ПКП И пошел дождь, и разлились реки и подули ветры, и устремились на дом тот, и не пал; ибо основан был на камне. (Аналогичный пример – отрывок Мф 14, 24)

4. Использование в тексте переводов некоторых синтаксических особенностей церковнославянского текста.

При сравнении текстов рассматриваемых переводов друг с другом, видно, что синтаксис перевода Победоносцева в целом более приближен к церковнославянскому

³⁸ По замечанию священника Дм. Долгушина, «Постоянное употребление союза “понеже” вообще является одной из наиболее характерных черт перевода Жуковского...» [Долгушин, 2008, с 430].

оригиналу. Прежде всего, это обусловлено стремлением автора максимально, конечно, не в ущерб для понятности и нормативности языка русского перевода, сохранять порядок слов, употребленный в церковнославянском тексте. Жуковский же достаточно творчески относится к построению фразы:

Лк 12, 42 *вѣрный строитель и мудрый* / ПКП *верный управитель и мудрый* / ПЖ *верный и мудрый домоправитель*;

Лк 12, 45 *речеѣтъ раба тѣи* / ПКП *скажет раб тот* / ПЖ *тот раб скажет*.

Победоносцев, близко воспроизводя порядок слов, употребленный в церковнославянском тексте, сохраняет, в том числе, такие специфические его особенности, которые не характерны для русского синтаксиса. Например, он регулярно употребляет подлежащее внутри деепричастного оборота. Жуковский перестраивает такие предложения:

Ин 6, 5 ПКП *И возведя Иисус очи и видя, что множество народа идет к Нему, говорит Филиппу* / ПЖ *И Иисус, возведя очи и увидя, сколь много народа идет к Нему, сказал Филиппу*;

Кроме того, одной из регулярных особенностей синтаксиса языка перевода Победоносцева, характерной и для церковнославянского текста, является пропуск подлежащего, выраженного личным местоимением. Если подлежащее восстанавливается из контекста или глагольной формы, Победоносцев опускает его. В переводе Жуковского нет такой особенности:

Мф 27, 12 ПКП *И, когда обвиняли Его первосвященники и старцы, не отвечал ничего.* / ПЖ *И, когда на Него говорили первосвященники и старейшины, Он ничего не отвечивал.*

Лк 5, 20 ПКП *И, видя веру их, сказал ему* / ПЖ *Он же, видя их веру, сказал ему*;

Особенностью синтаксиса перевода Жуковского является сохранение в некоторых контекстах оборота «*дательный самостоятельный*». Победоносцев же никогда не сохраняет указанный оборот, употребляя на его месте придаточное предложение, либо предложно-падежную форму:

Мф 8, 23 ПЖ *И вступившему Ему на корабль, за Ним последовали все ученики Его* / ПКП *И когда вошел Он в корабль, за Ним шли ученики Его*;

Мк 16, 2 ПЖ *И...приходят на гроб, возсияшу солнцу* / ПКП *И...приходят ко гробу, когда возсияло солнце*.

Мф 8, 28 ПЖ *И пришедшему Ему на онпол в страну Гергесинскую, встретили Его два обеснованных / ПКП И когда пришел на ту сторону, в страну Гергесинскую, встретили Его два бесноватые.*

5. Максимальное приближение к церковнославянскому тексту отрывков, употребляемых в богослужении.

Самым характерным в этом отношении является молитва «Отче наш» (Мф 6, 9 – 13): в переводе Жуковского она приводится без изменений, а Победоносцев русифицирует только несколько лексем и словоформ: *даждь – дай, должником – должникам, яко – как, еси* просто опускает.

В отрывке Мк 14, 22, который употребляется на Литургии и касается установления таинства Евхаристии, оба автора без изменений сохраняют церковнославянский текст: *примите, ядите, сие есть Тело Мое.*

Отрывок Лк 1, 28, содержащий приветствие архангела Гавриила и вошедший в известную молитву «*Богородице Дево, радуйся!*» тоже дан авторами без изменений: *радуйся, Благодатная! Господь с Тобою; благословенна Ты в женах.* В следующем контексте, который представляет собой песнь Богородицы и поется на каждом вечернем богослужении, авторами сохраняются такие элементы церковнославянского текста, которые в других фрагментах всегда переводятся ими: ПЖ *яко* (Лк 1, 48); ПКП *О Боге Спасе Моем* (Лк 1, 47); Лк 1, 50 ПЖ, ПКП *И милость Его в роды родов боящимся Его.*

Итак, рассматриваемые переводы являются реализацией одного подхода: приблизить русский текст к церковнославянскому, создав тем самым особый стиль, «достойный» для языка Священного Писания. Авторы воплотили данный подход по-разному, используя свой набор лексических, морфологических, синтаксических средств, реализуя свой взгляд на природу тех или иных языковых единиц, имея при работе различные дополнительные источники. Отличием в основном подходе авторов исследуемых трудов можно считать то, что Жуковский более творчески перерабатывает церковнославянский текст, в некоторых случаях употребляя синонимичные лексемы, по-своему оформляя славянизм, используя собственный порядок слов; Победоносцев же более строго ориентируется на церковнославянский текст, изменяя его только при необходимости следовать критерию понятности и нормативности. Победоносцев высоко отзывался о переводе своего предшественника, но пошел еще дальше в приближении языка перевода к церковнославянскому тексту.

3.2.2. Перевод К.П. Победоносцева и «Замечания на славяно-русский текст Четвероевангелия» Н.Н. Глубоковского

Известен факт, что К.П. Победоносцев был знаком с рукописью Н.Н. Глубоковского, содержащей «Замечания» к тексту Синодального перевода, и использовал данный труд при создании своего перевода Нового Завета [Савич 2012, с. 14]. Сравнение исследуемого перевода и «Замечаний» Глубоковского позволяет сделать следующий вывод: Победоносцев учитывает мнение Глубоковского в основном в тех случаях, когда вариант, употребленный в церковнославянском тексте, не может быть сохранен автором в тексте перевода (в основном в силу его непонятности для носителей русского языка). Приведем несколько характерных примеров³⁹:

Лк 5, 4 **Ѣкоже прѣстѣ глагола** / СП *Когда же перестал учить* / ПКП *Когда же перестал беседовать* / Глубоковский: *Не будет ли признано слово «беседовать» или «поучать»?*

Ин 10, 24 **ѡбѣдѡша** / СП *обступили* / ПКП *окружили* / Глубоковский: *Отступления, едва ли необходимые, ибо «окружили» = ἐκύκλωσαν – у нас обычно и понятно.*

Ин 10, 21 **ѣда мѡжетъ** / СП *Может ли* / ПКП *Разве может* / Глубоковский: *Отрицательный вопрос следует передать выразительнее: «разве может».*

Лк 5, 6 **ѡша мнѡжество рѣбъ много** / СП *поймали* великое множество рыбы / ПКП *Захватили* великое множество рыбы / Глубоковский: *В V, 6... для συνέκλεισαν – в отличие от ἐλάβομεν ст. 5 – можно рекомендовать «захватили».*

Лк 12, 57 **Чтѡ же ѡ себѣ не сѣдите праведное;** (Τί δὲ καὶ ἄφ' ἑαυτῶν οὐ κρίνετε τὸ δίκαιον;) / СП *Зачем же вы и по самим себе не судите, чему быть должно?* / ПКП *Что же и о себе по правде не судите?* / Глубоковский: *Настоящая редакция составлена из двух (ркп. Исид., л. 68 об.) – комитетской (“зачем же вы и самих себя не судите справедливо?”) и Филаретовской (“что же вы и сами себе не определяете должно?”) и – во всем существенном удерживает перевод Библ. Общества (см. на стр. 253), но позволительны и дальнейшие поправки. 1) Если бы речь была только о сообразности, тогда было бы κατὰ (Ин. VIII, 15. XVIII, 31. XXIII, 3. XXIV, 6); ἀπό выражает взаимность “по себе” и “о себе”, для чего ближе “сами по себе”. 2) Перифраз для*

³⁹ Все отрывки из труда Глубоковского приведены по рукописи [Глубоковский 1892].

δίκαλον вызван, вероятно, членом *τό*, но он значит лишь то, чего требует законная правда, и – по моему мнению – должно быть передано “по справедливости”. Во всяком случае с теперешним *ultra*-эзегетическим переводом согласиться невозможно.

Лк 12, 20-21 Тáκω соби́раѣи себѣ, ꙗ не въ бѣа богачѣа / СП Так бывает с тем, кто собирает сокровища для себя, а не в Бога богатеет / ПКП Таков тот, кто собирает себе, а не в Бога богатеет / Глубоковский: *Не проще ли избежать вставок, сказавши “таков”?*

Лк 12, 15 Рече́ же къ нѣмъ: блюди́те, ꙗ храни́теа ѿ лихѹи́ства: ꙗ́кω не ѿ ѿ́збы́тка комѹ живѹтъ ꙗ̀гѹ ѡ́цъ ѿ ѿ́мѣнїа ꙗ̀гѹ / СП При этом сказал им: смотрите, берегитесь любостяжания, ибо жизнь человека не зависит от изобилия его имени / ПКП И еще сказал им: блюдитесь, берегитесь от любостяжания; ибо и в изобилии ничья жизнь не зависит от имени его / Глубоковский: “А им (! народу) Он сказал: Смотрите, берегитесь всякого любостяжания; потому что (ибо *ὅτι*) – и при изобилии – жизнь кого-либо (или: – и при изобилии у кого-либо – жизнь его) не зависит от имущества (ср. XI, 21) его”. Конечно, “кого-либо” можно заменить и “человека”, но в греч. нет такого созвучия со ст. 14.

Некоторые замечания Глубоковского касаются стилистической стороны перевода: он предлагает изменить некоторые отрывки, заимствованные из церковнославянского текста, так как, по его мнению, они неприемлемы в русском переводе. Например:

Мф 2, 11 «*Падши поклонились*» – *гебраизм*: в других местах – и весьма часто – он не выдерживается, – нет нужды выражать его и здесь. Не проще ли: «*поклонились Ему ниц*» или «*до земли*»?

Мф 9, 3 «*Сказали сами в себе*» – весьма неудобное выражение; почему не перевести: «*подумали про себя*»?

Мф 4, 23. «*В людях*» – невозможный *грецизм*.

Победоносцев не принимает подобные замечания и сохраняет вариант, употребленный в церковнославянском тексте.

Итак, К.П. Победоносцев учитывает в некоторых случаях вариант, предложенный Н. Глубоковским, но только когда невозможно сохранить вариант церковнославянского текста и СП. В целом можно сказать также, что объемный труд Глубоковского использован Победоносцевым лишь фрагментарно. Данный вывод соотносится и с мнением автора анонимного предисловия к переизданию перевода Победоносцева,

который утверждает, что в большинстве случаев исследуемый перевод «расходится с вариантами, предложенными Глубоковским. Так что речь может идти только о том, что, среди материалов, которыми Победоносцев пользовался при переводе, были и замечания Глубоковского, но работа Глубоковского никоим образом не была тем основанием, на котором базировался перевод Победоносцева» [Предисловие НЗ КП 2000, с. 21].

Выводы к главе 3

К.П. Победоносцев оставил после себя богатое литературное наследие: переводы, письма, публицистические статьи, художественные произведения. В данных трудах автор проявил себя как писатель, владеющий разнообразными стилистическими ресурсами русского литературного языка. Все произведения автора отражают его православное мировоззрение, а манера его письма названа «манерой церковной стилистики». Обращение к переводу Нового Завета явилось итогом личной и творческой биографии К.П. Победоносцева.

Говоря об источниках исследуемого перевода, можно утверждать, что основными из них были церковнославянский богослужебный текст и Синодальный перевод, от которого исходил автор. Победоносцев фактически не использовал те труды, которые были собраны по его инициативе: лишь в небольшом объеме он учел «Замечания» Н.Н. Глубоковского и в некоторых случаях сверялся с переводом В.А. Жуковского.

Заключение

Согласно поставленной цели, в диссертационной работе было проведено исследование лингвостилистических особенностей евангельского перевода, выполненного в начале XX века выдающимся государственным деятелем К.П. Победоносцевым. В диссертации были решены поставленные в связи с указанной целью задачи и получены следующие **результаты**.

1. Основные языковые особенности исследуемого перевода связаны, прежде всего, с базовым переводческим принципом автора: максимально сохранить в переводе элементы церковнославянского богослужебного текста. В связи с этим, «усовершенствование» Синодального перевода, по Победоносцеву, – это возвращение в русский текст лексических и грамматических (морфологических, синтаксических) славянизмов.

2. Перевод представляет собой стилистическую обработку Синодального текста с ориентацией на церковнославянский богослужебный текст. При этом Победоносцев отбирает такие славянизмы, которые не противоречат системе русского литературного языка его эпохи. Данный вывод подтверждается тем фактом, что подавляющее большинство сохраненных из церковнославянского текста лексем (словоформ) отражены в соответствующих лексикографических источниках (126 из 183) и текстах Национального корпуса русского языка (42 из 183). Морфологические и синтаксические особенности также вписываются в рамки понятных и употребительных языковых элементов, характерных для определенных текстов русского литературного языка конца XIX – начала XX века.

3. Исследуемый перевод с его лингвистической концепцией не являлся изолированным текстом, находящимся на языковой периферии. В русском литературном языке эпохи Победоносцева выделяется целый пласт произведений, близко связанных с православно-богослужебной традицией, одной из основных черт которых также является широкое использование славянизмов на разных языковых уровнях. Данный факт позволяет говорить об особом функциональном стиле русского литературного языка, который может быть назван **церковным**.

4. Произведения, относящиеся к **церковному стилю** имеют общие языковые черты, которые по-разному комбинируются в зависимости от более частной сферы

употребления и других экстралингвистических факторов. В связи с этим, в настоящем диссертационном исследовании в рамках **церковного стиля** русского литературного языка предлагается выделить следующие разновидности: церковно-литургический, церковно-проповеднический, церковно-вероучительный, церковно-научный, церковно-агиографический, церковно-художественный подстили. Перевод Победоносцева является образцом церковно-литургической разновидности церковного стиля русского литературного языка.

5. Изучение языковых особенностей исследуемого перевода и других текстов церковного стиля позволяет воссоздать более объективную картину истории русского литературного языка конца XIX – начала XX века, которая в существующих немногочисленных исследованиях представлена достаточно однобоко, так как, в связи с особенностями и наследием советского периода, ученые не принимали во внимание указанный пласт духовной литературы.

6. Исследуемый перевод, созданный в конце жизни автора, представляет собой итог его творческого пути и отражает мастерство Победоносцева-стилиста: автор таким образом сумел осуществить отбор языковых средств, что язык его перевода, будучи русским литературным, все же выполняет поставленную автором переводческую задачу создать такой перевод, «который не тревожил бы уха знакомого с гармонией церковного чтения» [Победоносцев 1906, с. III].

7. Относительно источниковой базы перевода, можно утверждать, что Победоносцев, исходя от Синодального и церковнославянского текстов, в минимальной степени использовал те материалы, которые поступили в канцелярию Синода в связи с его призывом в 1892 году начать работу по улучшению и пересмотру русского перевода Библии. Единственный источник, оказавший влияние на исследуемый текст, – это «Замечания» Н.Н. Глубоковского, которые, однако, тоже были использованы Победоносцевым весьма фрагментарно и учитывались только в тех контекстах, когда варианты церковнославянского текста и Синодального перевода по какой-либо причине не могли быть сохранены. Кроме того, Победоносцев использовал перевод В.А. Жуковского, имеющий схожую изначальную установку, но делал это весьма творчески, лишь в редких случаях употребляя использованные предшественником языковые решения.

8. Перевод Победоносцева действительно был востребован той целевой группой Российского общества, для которой он создавался. Об этом свидетельствуют положительные отзывы о нем, принадлежащие К. Романову, Н.Н. Глубоковскому, прот. А. Хотовицкому.

9. Изучение лингвистических особенностей исследуемого текста имеет значение и для современного русского языка: выделенные черты перевода, присущие и другим произведениям церковного стиля, могут быть применимы и при анализе современных текстов, созданных в рамках православно-богослужебной традиции (проповеди, слова, художественные произведения, молитвы).

В качестве возможных **перспектив** исследования можно назвать следующие:

- Продолжить архивное изучение, описание и введение в научный оборот источников, которые были собраны по инициативе К.П. Победоносцева, более детально изучить и описать ход работы Победоносцева над созданием исследуемого перевода;
- Рассмотреть более подробно смысловые отличия перевода Победоносцева и Синодального перевода;
- Расширить материал исследования, включив в него остальную часть Нового Завета (Деяния, апостольских послания и Откровение), описать лингвистические особенности перевода данных книг, сравнить переводческие подходы автора, примененные к переводу Четвероевангелия и другой части Нового Завета.

Итак, как было показано в тексте диссертации, Евангельский перевод К.П. Победоносцева имеет значение не только для воссоздания полной истории русской Библии, которая для большинства людей оканчивается Синодальным переводом, но и как важный языковой факт. Дальнейшее изучение перевода Победоносцева и других текстов, принадлежащих к церковному стилю русского литературного языка, представляется интересным и перспективным.

Список сокращений

НЗ – Новый Завет

ПЖ – перевод В.А. Жуковского

ПКП – новозаветный перевод К.П. Победоносцева

РБО – Российское библейское общество

СП – Синодальный перевод

МДА – Московская духовная академия

РГБ – Российская государственная библиотека

Мф – евангелие от Матфея

Мк – евангелие от Марка

Лк – евангелие от Луки

Ин – евангелие от Иоанна

Еп. – епископ

Митр. – митрополит

Прот. – протоиерей

Прп. – преподобный

Свящ. – священник

Свт. – святитель

НКРЯ – Национальный корпус русского языка

СУ – Словарь Ушакова (1935–1940)

Основные источники

1. **Глубоковский 1892** – Глубоковский Н.Н. Общие указания по вопросу об исправлении славянского и русского переводов Нового Завета и замечания на славяно-русский текст Евангелия от Матфея; Евангелия от Марка; Евангелия от Луки; Евангелия от Иоанна. РНБ, ф. 194, оп.1, ед. хр. 55–59. 1892.
2. **Глубоковский 1902** – Глубоковский Н.Н. <на перевод Победоносцева>. РНБ, ф. 194, ед. хр. 53. <1902 – 1903> Л. 6 – 7.
3. **Новый Завет 1998** – Новый Завет господа нашего Иисуса Христа (на церковнославянском языке). СПб., 1998 [репринт].
4. **Жуковский 2008 (ПЖ)** – Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Перевод В. А. Жуковского / Ред. коллектив: Ф. З. Канунова (гл. редактор), И. А. Айзикова (подгот. текста и Приложений), свящ. Д. Долгушин (подгот. текста, Приложений и коммент.). – СПб., 2008. – 566 с.
5. **ПКП** – Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа в новом русском переводе К.П. Победоносцева. Опыт к усовершенствованию перевода на русский язык священных книг Нового Завета. СПб, 1906 [Репринт: СПб., 2000].
6. **Победоносцев 1906** – <Победоносцев К.П. Предисловие> // Новый Завет в переводе К.П. Победоносцева. Репринтное воспроизведение издания 1906 г. СПб., 2000. С. I–VI.
7. **СП – (Новый Завет 1892)** – Новый Завет господа нашего Иисуса Христа в русском переводе. СПб.: Синодальная типография, 1892 [репринт: М.: Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1992].

Дополнительные источники и словари

1. **Вейсман 1899** – Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. СПб, 1899 [репринт: М., 1991].
2. **Жития 2000** – Жития святых, чтимых Православной Церковью / сост. свт. Филарет, архиеп. Черниговский. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2000, т. I.
3. **Игнатий (Брянчанинов) 1991** –Епископ Игнатий Брянчанинов. Слово о смерти (Аскетические опыты. Том третий) М., 1991 (репринтное издание).

4. **Корсунский 1894** – Корсунский И.Н. Памяти святителя Филарета, митрополита Московского. К истории редакции русского перевода Священного Писания. М., 1894. (Отд. оттиск из «Душеполезного чтения» 1892–1894 гг.)
5. **Летопись 2005** – Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря Нижегородской губернии... / Сост. архимандрит Серафим (Чичагов) – Нижний Новгород: Изд-во Братства св. Александра Невского, 2005. - 724 с.
6. **Макарий 1883** – Макарий, митрополит Московский и Коломенский. Православно-догматическое богословие. С-Петербург, 1883. (Репринт: Тутаев, 1999).
7. **Нахимов 1912** – Молитвы и песнопения Православного Молитвослова (для мирян), с переводом на русский язык, объяснениями и примечаниями Николая Нахимова. М.: Донской монастырь, 1994 [Репринт: С.-Петербург: Синодальная типография, 1912]
8. **НКРЯ** – Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>
9. **Пасхальные стихи 2014** – Пасхальные стихи русских поэтов / Сост. Т.В. Стрыгина – М.: Издательский дом «Никея», 2014. – 256 с.
10. **Победоносцев 1869** – Победоносцев К.П. Перевод трактата Фомы Кемпийского «О подражании Христу» [электронный ресурс]. Режим доступа: http://krotov.info/library/21_f/om/a_kemp1.html
11. **Победоносцев 1892** – (<Победоносцев К.П.> Об исправлении русского перевода книг Священного Писания // Прибавления к церковным ведомостям, издаваемым при Святейшем Правительствующем Синоде. № 33. 1892. СПб.: Син. тип., 1892. С. 1129–1130)
12. **Победоносцев 1907** – [К.П.] Пособие благочестивому читателю при чтении святого Евангелия. СПб., 1907.
13. **Победоносцев 2004** – Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени. М., 2004.
14. **Рождественские стихи 2017** – Рождественские стихи русских поэтов / Сост. Т.В. Стрыгина – М.: Издательский дом «Никея», 2017. – 288 с.
15. **Словарь 1847** – Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением императорской академии наук. Репринт издания 1847. СПб, 2001.
16. **Словарь Дьяченко** – Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. Репринт издания 1900. СПб., 1993.
17. **Словарь Пушкина** – Словарь языка Пушкина: в 4 т / [Гл. ред. акад. В.В. Виноградов]. М.: ГИС, 1956–1961.

18. **Стенли 1874** – Проповедь, сказанная г. Стенлеем, деканом Вестминстерским в английской церкви в С.-Петербурге 6 (18) января» // Гражданин 1874, № 3.
19. **СУ (Ушаков 1935 – 1940)** – Толковый словарь русского языка в 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Сов.энцикл.: ОГИЗ, 1935 – 1940.
20. **Феофан (Затворник) 2017**– Святитель Феофан Затворник. Путь ко спасению. – М.: Сибирская Благовонница, 2017. – 494 с.
21. **Филарет (Дроздов) 1994** – О догматическом достоинстве и охранительном употреблении греческого семидесяти толковников и славянского переводов Священного Писания // Филарета, митрополита Московского и Коломенского, творения. М., 1994. С. 375–394.
22. **Филарет (Дроздов) 1994а** – Слово в день Успения Пресвятой Богородицы // Филарета митрополита Московского и Коломенского творения. Изд-во «Отчий дом», 1994.
23. **Филарет (Дроздов) 2006** – Свт. Филарет, письма к духовным лицам // Святитель Филарет Московский. Призовите Бога в помощь: Сб. писем / Сост. иерод. Никон (Париманчук). – М.: Изд. Сретенского монастыря, 2006. – 800 с.: (Письма о духовной жизни).

Список литературы

1. **Аврорин 1975** – Аврорин В.А. Проблема изучения функциональной стороны языка. Л.: Наука, 1975. – 276 с.
2. **Арапович 2003** – Арапович Б. Перевод Библии в России, странах СНГ и Балтии в мировом контексте // Перевод библии в литературах народов России, стран СНГ и Балтии. Материалы конференции, Москва, 2-3 декабря 1999. М.: Институт перевода Библии, 2003. С. 27 – 42.
3. **Айзикова 2008** – Айзикова И.А. Ветхий Завет и некоторые проблемы творчества В.А. Жуковского // Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Перевод В.А. Жуковского под редакцией Ф. З. Кануновой, И. А. Айзиковой и свящ. Д. Долгушина. СПб., 2008. С. 394 – 407.
4. **Алексеев 2002** – Алексеев А.А. Библия. Переводы на русский язык // Православная энциклопедия. Т. V. 2002. С. 153–161.

5. **Алексеев 2002а** – Алексеев А.А. Первый русский перевод Нового Завета в издании 1823 года // Роль переводов Библии в становлении и развитии славянских литературных языков. М.: Ловатера, 2002. С. 7–38.
6. **Алексеев 2013** – Алексеев А.А. Очерки и этюды по истории литературного языка в России. – СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2013. – 476 с.
7. **Андерс 2015** – Андерс К.Ю. Об источниках первого русского перевода Ветхого Завета // Вестник Волгоградского государственного университета. – Серия 2: Языкознание. – 2015. – № 5(29). – С. 19 – 25.
8. **Андерс 2016** – Андерс К. Ю. О стиле перевода ветхозаветных книг М. Фотинского // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, № 2: Филология. С. 81 – 86.
9. **Андерс 2016а** – Андерс К.Ю. Особенности перевода ветхозаветных книг Михаилом Фотинским. Автореферат на соискание уч. степ. кандидата филологических наук. Красноярск 2016.
10. **Антипов, Реморов 2009** – Антипов М.А., диакон И. Реморов. Никодим (Казанцев), первый епископ Красноярский, как переводчик Библии // Сибирь на перекрестье мировых религий: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2009. – С. 87–92.
11. **Асмус 1995** – Асмус Валентин, протоиерей. Послесловие // Победоносцев К.П. Праздники Господни. М., 1995. С. I–IV.
12. **Балашов 2000** – Балашов Н., свящ. Развитие литургической культуры: богословские и пастырские аспекты // Богословская конференция Русской Православной Церкви «Православное богословие на пороге третьего тысячелетия». Москва, 7–9 февраля 2000 г. Материалы. М., 2000. С. 309–320.
13. **Балашов 2001** – Балашов Н., прот. На пути к литургическому возрождению. М.: 2001.
14. **Баталден 2001** – Баталден С. Наследие Российского библейского общества в русской библеистике XIX – начала XX веков. // Библия в духовной жизни, истории и культуре России и православного славянского мира. К 500-летию Геннадиевской Библии. Сборник материалов международной конференции. Москва, 21 – 26 сентября 1999 г. М, 2001. С. 212 – 221.
15. **Бельчиков 1974** – Бельчиков Ю.А. Русский литературный язык во второй половине XIX века. М.: Высшая школа, 1974. – 192 с.

16. **Бельчиков 2003** – Бельчиков Ю.А. Русский язык. XX век. М., 2003.
17. **Верещагин 1997** – Верещагин Е.М. История возникновения древнего общеславянского литературного языка. Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. М.: Мартис, 1997. – 314 с.
18. **Верещагин 1997а** – Верещагин Е.М. Переводы с церковнославянского на немецкий: анализ опыта в свете перспектив перевода на русский // Язык Церкви. Вып. 1. М., 1997. С. 68–88.
19. **Верещагин 1998** – Верещагин Е.М. Два исследовательских инструмента в приложении к концепции русской Библии митр. Филарета (Дроздова) // Вопросы языкознания. 1998, № 5. С. 53–66.
20. **Верещагин 2000** – Верещагин Е.М. Библистика для всех. М.: Наука 2000. – 280 с.
21. **Верещагин 2012** – Современная библистика в общедоступном изложении. В 2-х тт. М.: Лада, 2013. – 536 с.
22. **Виноградов 1941** – Виноградов В.В. Стиль Пушкина. М.: Гослитиздат, 1941.- 620 с.
23. **Виноградов 1955** – Виноградов В.В. Итоги обсуждения вопросов стилистики. Вопросы языкознания 1955, № 1. С. 60 – 87.
24. **Виноградов 1958** – Основные проблемы изучения, образования и развития древнерусского литературного языка. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. – 138 с.
25. **Винокур 1959** – Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959. – 492 с.
26. **Винокур 2010** – Винокур Г.О. Избранные труды по языкознанию и культуре речи / Сост. С. В. Киселев; М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 232с.
27. **Войтак 1998** – Войтак М. Проявление стандартизации в высказываниях религиозного стиля (на материале литургической молитвы) // Текст: стереотип и творчество. Пермь, 1998. – С. 214 – 230.
28. **Глинский 2004** – Глинский Б.Б. Константин Петрович Победоносцев (Материалы для биографии) // Великая ложь нашего времени. М.: Развитие духовности, культуры и науки, 2004. С. 3–45.
29. **Голубева 2016** – Библейский текст в творчестве Н.В. Гоголя. Автореф. дисс. ... канд. филологических наук. М., 2016.
30. **Гольберг 1999** – Гольберг И. М. Языковые образования сферы религии // Русистика на современном этапе. – М., 1999. – С. 126 – 130.

31. **Гольберг 2002** – Голберг Н.М. Религиозно-проповеднический стиль современного русского литературного языка: моральные концепты. Автореф. дисс. ... канд. филологических наук. М., 2002.
32. **Гостеева 1997** – Гостеева С.А. Религиозно-проповеднический стиль в современных СМИ // Журналистика и культура русской речи. Вып.2. М., 1997.
33. **Грановская 2005** – Грановская Л.М. Русский литературный язык в конце XIX и XX вв: очерки. М.: ЭЛПИС, 2005. – 446 с.
34. **Грехнев, Миркина 2000** – Грехнев М.В., Миркина М.А. К вопросу о литературном творчестве К.П. Победоносцева // Нестор: ежекв. журн. истории и культуры России и Вост. Европы. – СПб.; Кишинев, 2000. – №1. – С. 405-416.
35. **Десницкий 2008** – Десницкий А.С. Библия и православная традиция. М.: Эксмо, 2008. – 448с.
36. **Десницкий 2011** – Десницкий А.С. Введение в библейскую экзегетику / Андрей Десницкий. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2011. – 413 с.
37. **Десницкий 2015** – Десницкий А.С. Современный библейский перевод. Теория и методология. М.: Изд-во ПСТГУ, 2015. – 432с.
38. **Долгушин 2008** – Долгушин Д.В., священник. Новый Завет в переводе В. А. Жуковского: история создания и публикации // Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Перевод В.А. Жуковского под редакцией Ф. З. Кануновой, И. А. Айзиковой и свящ. Д. Долгушина. СПб., 2008. С. 408 – 448.
39. **Емельянова 2003** – Емельянова О.Н. Стилистическая помета // Стилистический энциклопедический словарь русского языка под ред. Кожиной М.Н. М.: Флинта Наука, 2003. С. 444–447.
40. **Живов 1996** – Живов В.М. Язык и культура в России XVIII в. М.: Школа «Языки русской культуры» 1996. – 590 с.
41. **Замкова 1975** – Замкова В.В. Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке XVIII века. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1975. – 223 с.
42. **Звездин 2011** – Звездин Д.А. Церковная лексика и фразеология православной проповеди: лексикографический аспект (на примере «Слов» архимандрита Кирилла (Павлова) [Текст] / Д.А. Звездин // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва – Магнитогорск – Новосибирск, 2011. – № 3 (33). – С. 463 – 468.

43. **Звездин 2012** – Звездин Д.А. Православная проповедь как жанр церковно-религиозного стиля современного русского литературного языка (на примере текстов второй половины XX века). Автореф. дисс. ... канд. филологических наук. Челябинск, 2012.
44. **Зубов 2001** – Зубов В.П. Русские проповедники. Очерки по истории русской проповеди. М., 2001.
45. **Ианнуарий 2000** – Ианнуарий (Ивлиев), архимандрит. Библистика в Русской Православной Церкви в XX в. // Богословская конференция Русской Православной Церкви «Православное богословие на пороге третьего тысячелетия». Москва, 7–9 февраля 2000 г. Материалы. М., 2000. С. 30–38.
46. **Ильинская 1954** – Ильинская И.С. О языковых и неязыковых стилистических средствах. // Вопросы языкознания. 1954. № 5. С. 84 – 89.
47. **Ипатова 2004** – Ипатова С.Н. Церковно-проповеднический стиль русского языка XIX века. Автореф. дисс. ... канд. филологических наук. Вологда, 2004.
48. **История 1998** – История Православной Церкви в XIX веке / Изд. А.П. Лопухина. М., 1998 (Репринт изд. 1901 г.).
49. **Камчатнов 1996** – Сакральный славянский язык в Церкви и культуре // Москва. 1996. – № 4. – С. 189 – 192.
50. **Канунова 2008** – Канунова Ф.З. Нравственно-философское и эстетическое значение перевода В.А. Жуковским Нового Завета // Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Перевод В.А. Жуковского под редакцией Ф. З. Кануновой, И. А. Айзиковой и свящ. Д. Долгушина. СПб., 2008. С. 375 – 393.
51. **Коваленко 2012** – Коваленко М.Д. К вопросу об оппозиции настоящего времени и аориста в древнегреческом языке (на материале заметок профессора А.А. Некрасова к русскому переводу Нового Завета) / М.Д. Коваленко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 7-2 (18). С. 92 – 95.
52. **Ковшов 2013** – Ковшов М.В. К вопросу о принципах общецерковного перевода Библии на русский язык // Язык и культура: сборник статей 23 междунар. научн. конф. Томск, 2013. С. 68-71.
53. **Кожина 2003** – Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта Наука, 2003. – 696 с.

54. **Колесов 1990** – Колесов В.В. Общие понятия исторической стилистики // Историческая стилистика русского языка. Межвуз сборник научных трудов. Петрозаводск, 1990. С. 16 – 36.
55. **Колесов 1995** – Колесов В.В. Нарушения стиля и разрушение смысла в современных переводах библейских текстов // Библия и возрождение духовной культуры русского и других славянских народов. СПб., 1995. С. 81–105.
56. **Копорская 1988** – Копорская Е.С. Семантическая история славянизмов в РЛ языке нового времени. М.: Наука, 1988. – 231 с.
57. **Котова 2005** – Котова Н.А. Жития святых в современной духовной поэзии (С. Аверинцев, О. Седакова, О. Николаева) // Святоотеческие традиции в русской литературе: Сб. материалов научной конференции. – Омск: «Вариант-Омск», 2005. – Ч. I. – С. 134 – 137.
58. **Котова 2008** – Котова Н.А. Современная духовная поэзия. Автореф. дисс. ... канд. филологических наук. М., 2008.
59. **Кравецкий, Плетнева 2001** – Кравецкий А.Г., Плетнева А.А. История церковнославянского языка в России (конец XIX – XX в). М.: Яз. рус. культуры Кошелев, 2001. -398 с.
60. **Кречмер 1995** – Кречмер А. Актуальные вопросы истории русского литературного языка // Вопросы языкознания 1995, № 6, с. 96 – 123.
61. **Крылова 2003** – Крылова О.А. Церковно-религиозный стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта Наука, 2003. С. 612 – 616.
62. **Крысин 1996** – Крысин Л.П. Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского языка // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Т.Г. Винокур. М.: Наука, 1996. С. 135 – 138.
63. **Лагута 1999** – Лагута О.Н. Учебный словарь стилистических терминов. Новосибирск, 1999.
64. **Левин 1954** – Левин В.Д. О некоторых вопросах стилистики // Вопросы языкознания. 1954. № 5. С. 74 – 83
65. **Лейчик 2000** – Лейчик В.М. Обновление религиозного стиля: взгляд лексиколога // К культуре мира через диалог религий, диалог цивилизаций. Омск, 2000. Т.1. – С. 165 – 171.

66. **Лихачев 1979** – Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979 – 360с.
67. **Логачёв 1975** – Издания русских переводов Библии (К столетию создания первого полного перевода Библии на русский язык) // Журнал Московской Патриархии. 1975, № 11. С. 73–80.
68. **Логачёв 1995** – Логачёв К.И. Что стоит за «программой отторжения» Русской Библии 1876 года // Библия и возрождение духовной культуры русского и других славянских народов. СПб., 1995. С. 236–248.
69. **ЛЭС 1998** – Большой энциклопедический словарь Языкознание / Под ред. В.Н. Ярцевой. М.: «Большая Российская энциклопедия», 1998.
70. **Майданова 1999** – Майданова О.М. Религиозно-просветительский текст: стилистика и прагматика // Русский язык в контексте культуры. Екатеринбург, 1999. – С. 172 – 194.
71. **Майорова, 1994** – «Пишу я только для вас» (письма К.П. Победоносцева к сестрам Тютчевым). Публикация, вступительная статья и комментарии О. Майоровой. // Новый мир, 1994 №3. С. 200 – 223.
72. **Мат-лы коллоквиума 2010** – Личность на фоне империи: К.П. Победоносцев в восприятии творческой интеллигенции рубежа XIX-XX вв. // Человек и личность в истории России, конец XIX-XX веков: материалы международного коллоквиума: СПб., 7 – 10 июня 2010 [редкол.: Т.А. Абросимова и др.]. СПб., 2013.
73. **Мат-лы конференции 2007** – К.П. Победоносцев: мыслитель, ученый, человек: материалы Международной юбилейной научной конференции, посвященной 180-летию со дня рождения и 100-летию со дня кончины К.П. Победоносцева, СПб., 1-3 июня 2007 / СПб митрополия [редкол.: В.В. Ведерников и др.]. СПб, 2007.
74. **Матонина 1994** – Матонина Э. Баловень судьбы. Великий князь Константин Константинович Романов в письмах и воспоминаниях // Новый мир, 1994, № 4. С. 190-223.
75. **Мечковская 1998** – Мечковская Н.Б. Язык и религия. Лекции по филологии и истории религий. М.: Агентство «ФАИР», 1998. 352 с.
76. **МСЭ, т. VI** – Малая Советская Энциклопедия. М., 1930. Т. VI.
77. **Нефедьева 2001-** Нефедьева Л.И. Особенности современного употребления стилистических славянизмов в религиозно-нравственной (духовной) речи // Словарь

- и культура русской речи: К 100-летию со дня рождения С.И. Ожегова. – М., 2001. – С. 275 – 282.
78. **Никольский 1896** – Никольский Б.В. Литературная деятельность К.П. Победоносцева // Исторический вестник 1896, год семнадцатый, том LXV, сентябрь, с. 712 – 732.
79. **Осипова 2014** – Осипова А.А. К вопросу о лингвистическом аспекте языка Священного Писания // Вестник Московского государственного областного университета. серия «Лингвистика», 2014. № 1. С. 33 – 37.
80. **Осипова 2016** – Осипова А.А. Русские и английские версии Священного Писания как переводческий и лингвокультурный феномен. Автореф. дисс. ...докт. филологических наук. М., 2016.
81. **Осипова, Хухуни 2013** – Осипова А.А., Хухуни Г.Т. Библийский перевод в России: «архаисты» или «модернизаторы» // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2013. № 6. Ч. II. С. 199 – 203.
82. **Осипова, Хухуни 2014** – Осипова А.А., Хухуни Г.Т. Понятие «библийский язык» как переводческая проблема // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия Филология. Теория языка. Языковое образование, 2014. № 1 (13). С. 47 – 53.
83. **Панин 1995** – Панин Л.Г. История церковнославянского языка и лингвистическая текстология. Новосибирск: Издательство НИИ МИООНГУ, 1995. – 217 с.
84. **Панин 1999** – Панин Л.Г. Некоторые вопросы изучения грамматики церковнославянского языка современного употребления // История языка: Межвуз. сб. науч.тр. / Новосибирск: Ред. изд. центр НГУ, 1999, с. 14–19.
85. **Панин 2000** – Панин Л.Г. Пушкин и церковнославянский язык // Сибирская пушкинистика сегодня: Сб. науч. статей / Сост., подг. к печати и ред. В. Алексеева и Е. Дергачевой-Скоп. – Новосибирск, 2000, с. 311–328.
86. **Перевод Библии 2016** – Перевод Библии. Материалы к круглому столу. Проект документа Межсоборного присутствия «Отношение Церкви к существующим разнообразным переводам библийских книг» (Материалы к круглому столу) // Современная библеистика и Предание Церкви: Материалы VII Международной богословской конференции Русской Православной Церкви. – М.: Общецерковная аспирантура и докторантура им. свв. Кирилла и Мефодия, 2016. – 616 с. С. 495 – 503.

87. **Переводы Библии 2002** – Роль переводов Библии в становлении и развитии славянских литературных языков. М.: Ловатера, 2002. – 287 с.
88. **Пиотровский 1954** – Пиотровский Р.Г. О некоторых стилистических категориях. // Вопросы языкознания. 1954 №1, с. 55 – 68.
89. **Письма 1923** – Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки т. I в двух томах, М – Пг., 1923
90. **Плетнева 1998** – Плетнева А.А. Дискуссии о церковнославянском языке в конце XIX в. Позиция архаизаторов // Вопросы языкознания. 1998, № 5. С. 67–73.
91. **Полунов 2010** – Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. Автореф. дисс. ... докт. исторических наук. М., 2010.
92. **Постнова 2001** – Постнова Т.Е. Из наблюдений над стилем современной церковной журналистики: библейские выражения как прецедентные тексты в церковной журналистике // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19, Лингвистика и межкульт. коммуникация. – М., 2001. – № 3 – С. 47 – 50.
93. **Предисловие НЗ КП 2000** – Предисловие (без указ. авт.) // Новый Завет в переводе К.П. Победоносцева. Репринтное воспроизведение издания 1906 г. СПб., 2000. С. 5–24 первой пагинации.
94. **Предисловие НЗ РБО 2000** – Предисловие (без указ. авт.) // Новый Завет в переводе Российского Библейского общества. Репринтное воспроизведение издания 1824 г. М., 2000. С. 5–30 первой пагинации.
95. **Прибытько 1999** – Прибытько Е.Н. Библейзмы в религиозно-проповедническом стиле // Край Воронежский. Воронеж, 1999. – С. 32 – 43.
96. **Проект 2002**- Словарь русского языка XIX века: Проект. – СПб.: Наука 2002. – 209 с.
97. **Прозоров 1994** – Из рукописного наследия В.А. Жуковского: Переводы фрагментов Священного Писания. Публикация и предисловие Ю.М. Прозорова // Христианство и русская литература. СПб.: Наука, С-Петербург. изд. фирма РАН, 1994. С. 128–157.
98. **Прокопов 2001** – Прокопов Т.Ф. Тайный правитель России (От составителя) // Тайный правитель России: К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. 1866–1895. Статьи. Очерки. Воспоминания. М.: Русск. кн., 2001. – 617 с.
99. **Прохватилова 2006** – Прохватилова О.А. Экстралингвистические параметры и языковые характеристики религиозного стиля // Вестник Волгоградского государственного ун-та. Серия 2: Языкознание. Волгоград, 2006, № 5. С. 19 – 26.

100. **Прохватилова 2009** – Прохватилова О.А. Стилистические нормы современного языка Церкви // Судьбы языков: вопросы внешней и внутренней истории. – М., 2009. С. 174 – 190.
101. **Прядко 2005** – Прядко И.П. Конфессиональная лексика в речевой практике современных СМИ // Журналистика и культура рус. речи. – М., 2005. – № 2. – С. 61 – 73.
102. **Пушкин 1836** – Пушкин А.С. Письмо к издателю // Пушкин А.С. Собрание сочинений в десяти томах, т. VI. Критика и публицистика. М.: Государственное издательство Художественной литературы, 1962. С. 196 – 201.
103. **Рашковский 1995** – Рашковский Е.Б. Россия и динамика библейского слова: XVIII–XX века. Послание апостола Павла к Римлянам: 6 глава // Мир Библии. – 1995. № 1[3]. – С. 53–63.
104. **Реморов 2000** – Реморов И.А. Гипотеза о церковном стиле русского языка XIX в. // Материалы XXXVIII Междунар. науч. студ. конф «Студент и научно-технический прогресс»: Филология. Новосибирск: НГУ, 2000. С. 78 – 80.
105. **Реморов 2002** – Реморов И.А. Митрополит Филарет (Дроздов) как редактор Синодального перевода Нового Завета: церковнославянизмы и принцип стилистической дифференциации контекстов // Сибирь на перекрестье мировых религий. Материалы межрегиональной конференции. Новосибирск, 2002. С. 245–248.
106. **Реморов 2002а** – Реморов И.А. Особенности использования церковнославянизмов митр. Филаретом (Дроздовым) в переводах церковнославянских сакральных текстов. // История языка. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 2. Новосибирск, 2002. С. 78–99.
107. **Реморов 2003** – Реморов И.А. Формирование языка Синодального перевода Нового Завета (на материале редакторской правки митрополита Филарета (Дроздова)). Автореф. дисс. ... канд. филологических наук. Томск, 2003.
108. **Реморов 2007** – Реморов И.А. К проекту «Словаря русского языка XIX века»: некоторые лексические особенности церковных текстов // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования: Сборник научных трудов / Труды гуманитарного факультета. Серия II: Сборники научных трудов / Новосибирский государственный университет. Новосибирск, 2007. Вып. 10, с. 135 – 144.

109. **Реморов 2016** – Реморов И, иерей. Неудавшийся пересмотр синодального перевода в 1890-е гг.: урок Н.Н. Глубоковского и К.П. Победоносцева // Современная библеистика и Предание Церкви: Материалы VII Международной богословской конференции Русской Православной Церкви. – М.: Общецерковная аспирантура и докторантура им. свв. Кирилла и Мефодия, 2016. – 616 с. С. 550 – 562.
110. **Реморова 2007** – Реморова Е.Е. Н.Н. Глубоковский и К.П. Победоносцев как переводчики Нового Завета: два подхода к слову Священного Писания // «Студент и научно-технический прогресс», международная научная студенческая конференция. Материалы XLV международной научной студенческой конференции "Студент и научно-технический прогресс". Языкознание / [редкол.: Н. А. Лукьянова (пред.) и др.] – Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2007. С. 112 – 115.
111. **Реморова 2009** – Реморова Е.Е. Н.Н. Глубоковский и К.П. Победоносцев: о творческом взаимодействии в деле перевода на русский язык Нового Завета // Сибирский филологический журнал. 2009. № 1. Научное издание. Новосибирск: НГУ, 2009. 240 с. С. 125 – 129.
112. **Реморова 2009а** – Замечания Н.Н. Глубоковского на Четвероевангелие как этап в истории перевода Библии на русский язык // Сибирь на перекрестье мировых религий: Материалы IV Межрегиональной научно-практической конференции / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2009. С. 115 – 118.
113. **Реморова 2015** – Реморова Е.Е. Новый Завет в переводе К.П. Победоносцева: о некоторых особенностях в области лексики // Новые информационные технологии в науке: сборник статей Международной научно-практической конференции (1 ноября 2015, г. Уфа). / в 2 ч. Ч. 2 – Уфа: Аэтерна, 2015. С. 44 – 50.
114. **Реморова 2016** – Реморова Е.Е. Переводы Четвероевангелия, выполненные В.А. Жуковским и К.П. Победоносцевым: две реализации одного подхода. Вестник НГУ, серия: История, филология, т. 15, вып.9, 2016. С. 140 – 147.
115. **Реморова 2017** – Евангельский перевод К.П. Победоносцева: о некоторых особенностях словарного состава / Е. Реморова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2017. – Т. 16, № 4.
116. **Рижский 1978** – Рижский М.И. История переводов Библии в России. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1978. – 208 с.

117. **Роднянская 1997** – Роднянская И. Язык православного богослужения как препятствие к раскультированию современной России. Выступление на научно-богословской конференции «Евангелие в контексте мировой культуры» (Москва, 11–13 июня 1997 г.) // Литературная учёба. 1997, № 5–6. С. 86–93.
118. **Розанова 2003** – Розанова Н.Н. Сфера религиозной коммуникации: храмовая проповедь // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация языка. – М., 2003. – С. 341 – 363.
119. **Ромодановская 2003** – Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы. Экспериментальное издание / под. ред. Е.К. Ромодановской. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003.
120. **Савич 2012** – Савич Д, прот. Ординарный профессор Н.Н. Глубоковский и его «Замечания на славяно-русский перевод Евангелия Матфея, Марка, Луки и Иоанна» (история рукописи) // Скрижали, 4, 2012, с. 10 – 20
121. **СИЭ, т. 11** – Советская историческая энциклопедия. М., 1968. Т. 11.
122. **Со Ын Ён 2000** – Со Ын Ён Речевой жанр современного церковно-религиозного послания. Автореф. дисс. ... канд. филологических наук. М., 2000.
123. **Соболевский А. И.** История русского литературного языка Л. 1980 (издание подготовил А. А. Алексеев).
124. **Соколюк 2009** – Концепция Синодального перевода. Текстологический аспект. Вопрос текстуальной преемственности // Сборник статей №35, Проблемы теории языка и переводоведения. М., изд-во МГОУ, 2009. – С. 95 – 107.
125. **Соколюк 2010** – Грамматические трансформации при переводе Евангелия от Матфея. Автореф. дисс. ... канд. филологических наук. М., 2010.
126. **Солопова 2016** – Солопова А. И., Устюгова О. А., Андрианова И. С. Сравнительный анализ проповеди А.-П. Стенли и ее перевода К.П. Победоносцевым // Неизвестный Достоевский, 2016 № 1, с. 24 – 34.
127. **Сорокин 1954** – Сорокин Ю.С. К вопросу об основных понятиях стилистики // Вопросы языкознания. 1954. № 2. С. 68-82.
128. **Сорокин 1965** – Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка 30-90 годов XIX века М.; Л.: Наука [Ленингр. отд-ние], 1965. – 565 с.

129. **Сорокин 1989** – Сорокин В., прот. Заслуженный профессор Николай Никанорович Глубоковский и его рукописное наследие / Протоиерей В Сорокин // Тысячелетие Крещения Руси. М., 1989. Т.2. С. 323.
130. **Судаков 2002** – Судаков Г.В. Епископ Игнатий – духовный писатель XIX века // Русская речь. – 2002. – № 4. – С. 78 – 84.
131. **Тальберг 2000** – Тальберг Н.Д. Победоносцев. Очерки истории императорской России. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2000. – 127 с.
132. **Тальских 2016** – Тальских Т.С. Библейские аллюзии в современной поэзии духовной традиции // Научный диалог. Литературоведение. Языкознание. № 5 (53) / 2016. С. 120 – 133.
133. **Тарасов 2011** – Пушкин и Достоевский: евангельское слово в литературной традиции. Автореф. дисс. ... д-ра филологических наук. М., 2011.
134. **Тарланов 1990** – Тарланов З.К. О предметах и задачах исторической стилистики русского языка // Историческая стилистика русского языка. Межвуз сборник научных трудов. Петрозаводск, 1990. С. 4-15.
135. **Титкова 2013** – Титкова Н.Е. стилевое своеобразие эпистолярного наследия святителя Игнатия Брянчанинова и епископа Феофана Затварника // Приволжский научный вестник № 8 (24), том 2 – 2013, с. 108 – 113.
136. **Толстой 1988** – Толстой Н.И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988.
137. **Толстой 2002** – Толстой Н.И. Церковнославянский и русский: их соотношение и симбиоз // Вопросы языкознания – М., 2002. – № 1 – С. 81 – 90.
138. **Томсинов 1997** – Томсинов В.А. Уроки К.П. Победоносцева (К 170-летию со дня рождения и 90-летию со дня смерти) // Журнал российского права. 1997, № 7. С. 135–146.
139. **Успенский 1994** – Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI – XIX вв.). М.: «Гнозис», 1994. – 240 с.
140. **Федоров 1954** – Федоров А.В. В защиту некоторых понятий стилистики // Вопросы языкознания. 1954. № 5. С. 65-73
141. **Филин 1981** – Филин Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М.: Наука, 1981. – 327 с.

142. **Фирсов 2002** – Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). [М.], 2002.
143. **Флоровский 1991** – Флоровский Георгий, протоиерей. Пути русского богословия. Париж, 1937. – Репринт: Вильнюс, 1991.
144. **Чистович 1997** – Чистович И.А. История перевода Библии на русский язык. 2-е изд. СПб., 1899. – Репринт: М., 1997.
145. **Шахматов 1941** – Шахматов А.А. Очерки современного русского литературного языка. М., 1941.
146. **Шитиков 2016** – Шитиков П., иерей. Библейские метафоры в современных переводах // Современная библеистика и Предание Церкви: Материалы VII Международной богословской конференции Русской Православной Церкви. – М.: Общецерковная аспирантура и докторантура им. свв. Кирилла и Мефодия, 2016. – С. 569–579.
147. **Шляхова 2014** – Шляхова Н.А. Основные черты современного религиозного (православного) дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики, № 12 (42) 2014, часть 1. – С. 202 – 204.
148. **Шмелев 2007** – Шмелев А.Д. Языковые особенности различных видов религиозного дискурса // Язык в движении: К 70-летию Л.П. Крысина / Отв. ред. Е.А. Земская, М.Л. Каленчук. – М.: Языки славянской культуры, 2007. С. 612 – 621.
149. **Щеглова 2009** – Щеглова О.Г. Церковнославянский язык в XVII веке (на материале произведений св. Димитрия Ростовского) // Судьбы языков: вопросы внешней и внутренней истории. – М., 2009. С. 196 – 207.
150. **Юревич 2006** – Юревич Д., свящ. Профессор Н.Н. Глубоковский как экзегет Священного Писания // Глубоковский Н.Н. Лекции по Священному Писанию Нового Завета / Подг. текста и прим. Владимира Пислякова, научная редакция протоиерея Леонида Грилихеса, предисл. священника Димитрия Юревича. – Т. 1. – М.: Изд-во Свято-Владимирского братства, 2006. С. 14 – 40.
151. **Pro et contra 1996** – К.П. Победоносцев: Pro et contra: Личность, общественно-политическая деятельность и мировоззрение К. Победоносцева в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология / Отв. ред. Д.К. Бурлак; изд. подгот. С.Л. Фирсов. СПб., 1996.

Приложение I

Специфичные славянизмы ПКП

1. алавастр НКРЯ	29. всуе СУ
2. (по)бдеть СУ	30. второпервая
3. блюсти(сь) СУ	31. вышний (<i>верхний</i>) НКРЯ
4. брань СУ	32. глаголать СУ
5. в(о) сретение СУ	33. горé СУ
6. вдовица СУ	34. горше СУ
7. ведать СУ	35. град СУ
8. великий СУ	36. десница СУ
9. вервие СУ	37. десной (рука, око, ланита) СУ
10. весь (<i>село</i>) СУ	38. днесь СУ
11. вечеря СУ	39. доселе СУ
12. взыскать(ся) СУ	40. древо СУ
13. витать СУ	41. дщерь СУ
14. вкупе СУ	42. (по)емлет, (вос)приемлют СУ
15. владыка СУ	43. жена СУ
16. власы СУ	44. жребя
17. влачить СУ	45. зиждет НКРЯ
18. внемлите СУ	46. злато СУ
19. внити НКРЯ	47. злохуление НКРЯ
20. воззреть СУ	48. игемон НКРЯ
21. возмнить НКРЯ	49. избыть НКРЯ
22. вопиять СУ	50. извлечь СУ
23. вопрошать СУ	51. извнутри НКРЯ
24. воспросить	52. изволить СУ
25. воссиять СУ	53. изольется СУ
26. востать СУ	54. изыти НКРЯ
27. восходить СУ	55. искони СУ
28. вскую НКРЯ	56. исперва НКРЯ

57. клеть НКРЯ
 58. кольми паче НКРЯ
 59. кошница СУ
 60. лентион НКРЯ
 61. ливан НКРЯ
 62. литра
 63. ловитва НКРЯ
 64. (об)лобызать СУ
 65. льстец СУ
 66. мзда СУ
 67. мимоходящие
 68. (воз)мнить СУ
 69. многоглаголание СУ
 70. мытница
 71. назирать НКРЯ
 72. назнаменовать НКРЯ
 73. не обинуясь(я) СУ
 74. небрегши
 75. неверствие
 76. недужный СУ
 77. некий СУ
 78. неключимый НКРЯ
 79. неразумливый
 80. облекаться СУ
 81. обрести, обретать СУ
 82. одеянный НКРЯ
 83. одр СУ
 84. окрест СУ
 85. оный СУ
 86. оставлять (грехи) СУ
 87. отпускать СУ
 88. отроча НКРЯ
 89. отселе НКРЯ
 90. оттоле СУ
 91. ошуюю СУ
 92. паче СУ
 93. пенязь НКРЯ
 94. перси СУ
 95. петел НКРЯ
 96. печься (*заботиться*) СУ
 97. повергнуть СУ
 98. подобает СУ
 99. позор СУ
 100. помянуть СУ
 101. понеже СУ
 102. почто СУ
 103. пояшет
 104. празден СУ
 105. предать (*передать*) НКРЯ
 106. преизбыть НКРЯ
 107. преславный НКРЯ
 108. привременный
 109. прискорбен СУ
 110. (вос)приятъ СУ
 111. провещать НКРЯ
 112. прозябнуть (*прорасти*) СУ
 113. пяток СУ
 114. разорить(ся) (*нарушить(ся)*)
 НКРЯ
 115. расторгнуть (*порвать*) НКРЯ
 116. (из)речь СУ
 117. риза СУ
 118. сведать НКРЯ
 119. светение НКРЯ

120. свещник НКРЯ	139. страхование НКРЯ
121. свящу	140. студенец НКРЯ
122. сего ради СУ	141. студодеяние
123. сирые СУ	142. стязаться
124. сквернить СУ	143. тать СУ
125. скляница СУ	144. татьба СУ
126. словеса СУ	145. тигла СУ
127. снеть СУ	146. токмо СУ
128. снести (<i>съестъ</i>) НКРЯ	147. торжище СУ
129. созати НКРЯ	148. (по)тщиться СУ
130. сонм СУ	149. убрус СУ
131. сонмище СУ	150. уготовать СУ
132. спекулатор СУ	151. урезать НКРЯ
133. спира	152. усекнуть СУ
134. срачица НКРЯ	153. храмина СУ
135. серебро СУ	154. чада СУ
136. среда (<i>середина</i>) НКРЯ	155. чаять СУ
137. сретить НКРЯ	
138. столп СУ	

Приложение II

Лексические архаизмы, не сохранённые в ПКП (на материале Мф 1 – 16).

1. ѡможе	22. ѡзлиха	43. со́ннице
2. ѡце	23. кри́нз	44. сопе́цз
3. блажнѡ́тисѡ	24. кѡ́пнѡ	45. стѡ́гны
4. бра́шна	25. кѡ́пѡѡтѡ	46. стѡ́мѡ
5. варѡ́ти	26. ли́шше	47. тѡ́й
6. витѡ́ти	27. мнѡ́й	48. тектѡ́новз
7. влѡ́тисѡ	28. мрѡ́жи	49. тѡ́чию
8. внемшасѡ	29. навѡ́жденз	50. трѡ́сз
9. вобрѡ́ци	30. ниже	51. тѡ́
10. вокри́лиѡ	31. ѡвѡ́че	52. тѡ́не
11. всѡ́	32. ѡвѡ́	53. ѡѡ́ды
12. горѡ́шнично	33. пѡ́ки	54. ѡѡ́зѡ́лицѡ
13. дѡ́вѡй	34. пѡ́ра	55. ѡѡ́крѡ́хз
14. дѡ́ндеже	35. пнекѡ́ти	56. ѡѡ́не
15. донѡ́ико (врѡ́мѡ)	36. позѡвѡ́ти	57. ѡѡ́рѡ́днѡвз
16. ѡ́дѡ	37. прѡрѡ́цѡти	58. ѡѡ́рѡ́мѡнз
17. занѡ́	38. прѡ́жѡѡ	59. чермнѡ́ѡтисѡ
18. сѡ́лѡѡ	39. пѡ́щенѡ́ца	60. чѡ́сѡ
19. сѡ́лѡ	40. рѡ́бѡрѡ	61. ѡ́трѡвѡ́итѡ
20. ѡ́дѡѡже	41. сѡ́тѡ	62. ѡ́тѡѡѡтѡитѡ
21. ѡ́жденѡ́тѡ	42. скончѡ́нѡѡ	63. ѡ́зѡвнѡ

Приложение III

Семантические архаизмы, не сохранённые в ПКП (на материале Мф 1–16; Лк 5, 12)

1. бѣсерѣ	жемчужина
2. возбѣдѣти	разбудить
3. возносѣти се	волноваться, беспокоиться
4. господѣ	господин
5. достоянїе	наследство, имение
6. живѣтъ	жизнь
7. зима	плохая погода
8. ѣзвѣстнѣ	точно, как следует
9. ѣзмѣна	замена
10. ѣскѣшѣти	распознавать
11. ѣспытовѣти	разведывать
12. ѣскреннѣй	ближний
13. квѣсѣ	закваска
14. край	берег
15. молвѣ	смятение
16. рѣгѣти се	насмехаться
17. сеѣ	поле
18. смириѣти се	примириться
19. стѣжѣти	братъ
20. трѣбовѣти	иметь нужду
21. оѣтренѣй	завтрашний
22. оѣчреждѣнїе	угощение
23. цѣловѣти	приветствовать
24. чѣѣти	чувствовать